

**ФАНО РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ**

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

АССОЦИАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

2 (74) март-апрель 2017 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР
чл.-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), КАРРЕР Д'АНКОС ЭЛЕН (Франция),
НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия), НИВА ЖОРЖ (Швейцария), РОГОВ С.М. (Россия),
СИМОНИЯ Н.А. (Россия), ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНК МАРКО (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В.И. МИРОНЕНКО

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА Р.Н. ЛУНКИН
РЕДАКТОРЫ Ю.П. БОГДАНОВ, Т.Н. СТЕПАШИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В.,
ГЛИНКИНА С.П., ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю.,
КРАСИКОВ А.А., КУДРОВ В.М., МАСЛЕННИКОВ А.А., НОСОВ М.Г.,
ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия), РУБИНСКИЙ Ю.И., ФЁДОРОВ В.П.,
ФЛОГАИТИС С. (Греция), ХЕСИН Е.С., ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

FEDERAL AGENCY OF SCIENTIFIC ORGANISATIONS

INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ASSOCIATION OF EUROPEAN STUDIES

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL
EST. JANUARY 2000

CONTENTS

GROMYKO A.I. European studies: dilemmas of universality and uniqueness • **BUTORINA O.** Negative and positive tasks of European Monetary Union • **ROMANOVA T.** Levels of analysis as an instrument to assess the evolution of EU-Russian relations • **VOYNIKOV V.** The European area of freedom, security and justice and Europe's migration crisis • **GOLUB Yu., ALEXEEV D.** European security in new conditions of interaction between Russia and the West • **KILIN Yu.** Neutral states at the crossroad: the issue of Sweden and Finland's membership in NATO • **KLEMIN A.** FRG: the correlation between international and national law • **MEDVEDKIN T., MEDVEDKINA Ye.** Ireland: the technological offshore or the European innovation leader? • **MIKHAYLENKO V., PEREVALOVA A.** Italian national interest in the renovated political-military strategy • **NESTEROV A.** Problems of multiculturalism in domestic cultural and political practice • **SAPIR E., KARACHEV I.** Common pharmaceutical market and Eurasian integration • **EGOROV A., DVOYNEV V., SUCHOVA E.** Smolensk – Hagen: international cross-cultural study • **KONDRATIEV S.** Unionism in Scotland: from the concept to the first attempt of implementation • **MAKSIMYCHEV I.** In the vanguard of scientific research •

INHALT

GROMYKO A.I. Europäische Studien: Dilemmas vielseitig und einzigartig • **BUTORINA O.** Negative und positive Aufgaben der Europäischen Währungsunion • **ROMANOVA T.** Niveaus der Analyse als Instrument der Einschätzung von der Evolution der Beziehungen zwischen Russland und die EU • **WOJNIKOW W.** Der europäische Freiheits-, Rechtsprechung - und Sicherheitsraum und die Flüchtlingskrise in Europa • **GOLUB Ju., ALEKSEEV D.** Die Europäische Sicherheit unter den neuen Umständen der Zusammenarbeit von Russland und dem Westen • **KILIN Ju.** Neutrale Staaten am Scheideweg: Probleme des Eintritts Finnlands und Schwedens in die NATO • **KLJOMIN A.** Bundesrepublik Deutschland: das Verhältnis zwischen das Völkerrecht und das Recht Deutschlands • **MEDWEDKIN T., MEDWEDKINA E.** Irland: technologische Offshore-Zone oder der Führer des europäischen Innovationssystems? • **MIHAJLENKO W., PEREWALOVA A.** Italienische nationale Interessen in der erneuerten militärischen und politischen Strategie • **NESTEROW A.** Probleme des Multikulturalismus in der inländischen Kulturologie und Politologie • **SAPIR E., KARATSCHEW I.** Pharmazeutische Industrie im Binnenmarkt der Eurasischen Wirtschaftsunion und die eurasische Integration • **EGOROW A., DWOJNEW W., SUHOWA E.** Smolensk – Hagen: internationale interkulturelle Forschungen • **KONDRATJEW S.** Der Unionismus in Schottland: von der Idee zum ersten Versuch der Umsetzung • **MAKSIMYTSCHEW I.** An der Spitze der wissenschaftlichen Recherche •

Учредитель и издатель: Институт Европы РАН

Свидетельство о регистрации в Министерстве по делам печати РФ
№ 77-1582 от 10 февраля 2000 г.

© Институт Европы РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<i>Громыко Ал.А.</i> Европейские исследования: дилеммы универсальности и уникальности (к 60-летию региональной интеграции)	6
<i>Буторина О.В.</i> Негативные и позитивные задачи Европейского валютного союза	18

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

<i>Романова Т.А.</i> Уровни анализа как инструмент оценки эволюции отношений России и Евросоюза	30
<i>Войников В.В.</i> Европейское пространство свободы, безопасности и правосудия и миграционный кризис в Европе	43
<i>Голуб Ю.Г., Алексеев Д.С.</i> Европейская безопасность в новых условиях взаимодействия России и Запада	55
<i>Кишин Ю.М.</i> Нейтральные государства на распутье: проблема вступления в НАТО Финляндии и Швеции	65
<i>Клёмин А.В.</i> ФРГ: соотношение международного и национального права ...	77
<i>Медведкин Т.С., Медведкина Е.А.</i> Ирландия: технологический оффшор или лидер европейской инновационной системы?	90
<i>Михайленко В.И., Перевалова А.А.</i> Итальянский национальный интерес в обновлённой военно-политической стратегии	101
<i>Нестеров А.Г.</i> Проблемы мультикультурализма в отечественной культурологии и политологии	111

<i>Сапир Е.В., Карачев И.А.</i> Общий фармацевтический рынок ЕАЭС и евразийская интеграция	121
---	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЕКТЫ

<i>Егоров А.Г., Двойнев В.В., Сухова Е.Е.</i> Смоленск – Хаген: международные кросс-культурные исследования	135
--	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

<i>Кондратьев С.В.</i> Юнионизм в Шотландии: от идеи к первой попытке реализации	142
---	-----

К 30-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ЕВРОПЫ РАН

<i>Максимычев И.Ф.</i> В авангарде научного поиска	155
--	-----

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	160
---------------------------------	-----

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701,
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492,
а также непосредственно в редакции.*

К 25-ЛЕТИЮ АССОЦИАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Уважаемый читатель!

Новый номер журнала “Современная Европа” посвящён 25-летию межрегиональной общественной организации – Ассоциации европейских исследований, члена международной организации европейцев (ECSA-World). АЕВИС создана в уже далёком 1992 году, когда отечественная европеистика, включая интеграционные исследования, делала первые шаги на основе опыта, накопленного в советский период своей истории. Основателем ассоциации и её первым президентом стал выдающийся учёный Юрий Антонович Борко, который и сегодня играет видную роль в деятельности организации. АЕВИС включает 26 региональных отделений, расположенных по всей стране от Калининграда до Томска, от Петрозаводска до Краснодара. Это объединение российских европейцев – политологов, экономистов, историков, юристов, философов, филологов – включает более 300 учёных. По мере развития европейских исследований количество региональных отделений растёт и 2017 год не будет исключением. В мае всероссийскую конференцию АЕВИС принимает Воронежской государственный университет при поддержке Правительства Воронежской области и Фонда публичной дипломатии им. А.М. Горчакова. В ней участвуют крупные иностранные специалисты. В честь юбилея ассоциации ведущие университеты страны, Институт Европы РАН проводят многочисленные мероприятия: семинары, дискуссионные клубы, круглые столы, летние школы, публичные лекции и дебаты. Объявлен конкурс научных статей молодых учёных-европеистов. Готовится к выпуску юбилейный сборник по истории АЕВИС. В данном номере журнала представлены статьи ряда видных членов ассоциации из разных регионов России. “Современная Европа” также продолжает рубрику “К 30-летию Института Европы РАН”.

Ал.А. Громыко
Президент АЕВИС

УДК 327.7

Алексей ГРОМЫКО¹

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ДИЛЕММЫ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ И УНИКАЛЬНОСТИ (к 60-летию региональной интеграции)

Аннотация. В статье, приуроченной к 60-летию подписания Римских договоров и 25-летию российской Ассоциации европейских исследований, рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается европеистика в связи с многосторонними кризисными явлениями в Европейском союзе. В частности, ставится вопрос о значении центрального объекта европейских исследований – ЕЭС/ЕС – в изучении региональных интеграционных моделей, об изменении его статуса с точки зрения категорий универсальности и уникальности. Также анализируется состояние дел в Евросоюзе, соотношение центробежных и центростремительных процессов в нём. В этой связи уделено внимание теме политического лидерства в ЕС, изменению соотношения сил его ведущих политических игроков в результате брекзита. Сделан вывод о том, что глубина и комплексность современных проблем в развитии этой организации ведёт к изменению представления об “объединённой Европе”, как о трафарете региональной интеграции с универсальными характеристиками.

Ключевые слова: Европейский союз, универсальность, уникальность, политическое лидерство, Германия, брекзит, новый популизм, национальное государство.

Кризис Евросоюза: внутренние и внешние факторы

Теория и практика региональной интеграции превратилась во второй половине XX века в специализированную междисциплинарную область исследований. По меркам истории науки, включая европеистику, эта отрасль знания достаточно молодая. Процесс генезиса, становления и развития Европейского экономического сообщества / Европейского союза во многом стал её стержнем. Конечно, изучение региональной интеграции не сводится только к этим объектам исследований. Однако представляется, что длительное время именно они играли роль локомотива научных изысканий в этой области.

Ни один регион мира не миновали интеграционные процессы. Некоторые из региональных моделей в той или иной степени обзавелись наднациональными эле-

© Громыко Алексей Анатольевич – член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН, председатель Ассоциации европейских исследований. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220170617>

ментами. Очевидно, что далеко не каждую межгосударственную организацию можно рассматривать в качестве примера региональной интеграции. Многие из них носят международный характер, а небольшая часть – практически универсальный, в первую очередь Организация Объединённых Наций. Причём и такие объединения могут иметь элементы наднациональности. Так, в ООН ими обладает Совет Безопасности.

Почти все примеры региональных интеграций представляют собой объединения, в которых принцип межгосударственных отношений доминирует. Существует лишь одно исключение – Европейский союз, в котором наднациональные элементы в ряде сфер стали преобладающими. Встаёт вопрос: если это исключение, то обоснованно ли утверждение о том, что ЕЭС/ЕС в качестве объектов научных изысканий играют роль локомотива в исследованиях региональных интеграций? Ответ может заключаться в том, что до недавнего времени ЕЭС/ЕС, по крайней мере, в европеистике как части региональных исследований, воспринимались, скорее, как образец, а не исключение.

Только в последнее десятилетие и по нарастающей западноевропейская модель интеграции стала рассматриваться в терминах уникальности и неповторимости. Именно западноевропейская, несмотря на её последующее распространение на другие субрегионы Европы. Во многом этот тезис можно обосновать тем, что те принципы и критерии, на основе которых был запущен в 1957 г. интеграционный процесс в Риме с последующими волнами расширения в период с 1973 по 1995 гг., в полной мере были применимы для государств Западной Европы (с определёнными допущениями – для Испании, Португалии и Греции). Один из центральных принципов, помимо сравнимого уровня политического и социально-экономического развития, – вступление в евроинтеграционный процесс с полноценным осознанием императива “всё более тесного союза”, заложенного в договоре о создании ЕЭС (амбициозность декларации Шумана 1950 г. с идеей “европейской федерации” была ещё выше)¹. Исключением, пожалуй, оказалась лишь Великобритания, которая никогда всерьёз этот императив не воспринимала. Представляется, что помимо существенных социально-экономических, политических и исторических отличий целеполагание многих государств, вступивших в ЕС в 2004 г. и позже, было также иным, как, впрочем, и отношение к новичкам со стороны старожилов.

Уникальность западноевропейской модели интеграции проявилась в целом ряде обстоятельств. Во-первых, это среда политического мышления и политической философии, созданная исторической атмосферой двух мировых войн, эпицентром которых была Европа. Другими словами, наличие миссии наравне с меркантильными соображениями, миссии, которая позже получила воплощение в концепции “европейской мечты”. Во-вторых, условия холодной войны и биполярного мира, которые играли роль катализатора интеграционных процессов на западе континента. В-третьих, наличие полицентричного и достаточно равновесного ядра интеграции в лице шести государств-основателей ЕЭС. В-четвёртых, возможности для расширения, которое до начала XXI века носило в целом органический характер, но затем натолкнулось на “естественные границы” – фактор, хорошо известный по истории империй (“перенапряжение сил”), как и в теории и практике систем управления. Территориальное исчерпание миссии получило в Европейском союзе название “усталость от расширения”.

¹ Среди исследований данного императива см.: [Desmond Dinan, 2005].

Очевидная невоспроизводимость обстоятельств зарождения и развития западноевропейской интеграции в других регионах мира, а также каскад кризисных явлений в ЕС, обрушившийся на него со времени “конституционного кризиса” 2005 г., снизила статус западноевропейской модели до одной из многих. Осознание этого произошло и в умах самих “евростроителей”. Не случайно в Глобальной стратегии ЕС, обнародованной в июне 2016 г., признаны пределы воспроизводства этой модели и содержится тезис о взаимном обогащении различных региональных моделей (reciprocal aspiration). Это означает, что Евросоюз перестаёт быть примером для подражания, трафаретом для создания своих репликантов где-либо в мире.

Невоспроизводимость модели не означает, что она не может обладать привлекательностью. Многие из накопленного опыта тех или иных интеграционных проектов, как положительного, так и отрицательного, служат для выстраивания и развития других объединений. Концептуальная и законодательная база Евразийского экономического союза, почерпнувшая многое из наследия ЕЭС, – один из таких примеров. Но заимствование опыта ЕЭС/ЕС перестаёт носить форму трансплантации в пользу выборочного, точечного использования его отдельных элементов.

Можно возразить, что трудности, с которыми столкнулся Евросоюз, – текущие и приходящие, что после того, как они будут преодолены, он вновь выйдет на устойчивую кривую роста. А значит, вновь утвердится как образец. На той же чаще весов – тезис об истории европейской интеграции, как о череде кризисов, которые в итоге приводили к её продвижению вперёд. Такие рассуждения сродни дискурсу о природе мирового экономического кризиса, начавшегося в 2007 г. в США. Глобальная экономика до сих пор живёт в тени воспоминаний о нём, а его отзвуки могут оказаться не затухающим процессом, а предтечей новой волны экономических бед. Ряд экономистов изначально посчитали, что, если мировой кризис и не циклический, то не более чем структурный. Другие заявили о его системной природе, следовательно, о необходимости капитального, а не косметического ремонта мировой экономической и финансовой архитектуры. Представляется, что многое говорит в пользу последней точки зрения. В частности, несистемность кризиса предполагает, что система сохраняет и демонстрирует способность к самообновлению, регенерации, адаптации. Неспособность существующей системы решить даже такой частный вопрос, как перераспределение национальных квот в Международном валютном фонде, говорит об обратном.

Проявлениями системности кризиса ЕС служат его многослойность, брекзит и в целом явление “нового популизма” в Европе, провал политики соседства как на южных, так и на его восточных рубежах, заявленный концептуальный отказ от опоры в общей внешней политике на принцип “мягкой силы”, очевидные пределы территориального расширения организации вкупе с обострением разногласий о методах углубления интеграции и др. Особняком стоит проблема источника кризисных явлений. Если их природа периферийная, то риски для системы невелики. Другое дело, если речь идёт о сбоях в ядре системы. Именно это произошло в ЕС в 2005 г., когда две страны-основательницы ЕЭС (Франция и Нидерланды) торпедировали проект Европейской конституции. После 2008 г. вновь некоторые составляющие ядра, как и первых “напластований” на нём в лице участников расширений в 1970-е – 1990-е гг., оказались эпицентром экономического кризиса (Британия) или в категории “европейской периферии”, другими словами – слабых звеньев еврозоны (Италия, Испания, Греция и даже Франция).

Конечно, дело не только во внутренних проблемах ЕС. Не меньшее негативное значение имеют и внешние факторы. Евросоюз до сих пор был встроен в модель глобализации, которую в западной политической науке принято называть “либеральным международным порядком”. В действительности, речь идёт о смешении двух понятий – системы глобального управления, или международных отношений, и новейшей финансово-экономической стадии глобализации (гиперглобализации). Первое понятие относится к тем из институтов глобального управления и регулирования, выстроенных в первые десятилетия после Второй мировой войны, которые обслуживали главным образом интересы США и их союзников. Второе – к явлению, формирование которого приняло форму “неолиберальной волны” только в 1980-е – 1990-е гг.

Долгое время государства ЕЭС/ЕС, как и организация в целом, выигрывали от того, что в обоих случаях принимали самое активное участие в этих процессах. Однако тон в них задавали не Берлин, Париж или Рим, а Соединённые Штаты и Британия. Например, олицетворением “неолиберальной волны” стали рейганомика и тэтчеризм. Но по мере того, как эти в целом внешние для ЕС факторы вырабатывали свой ресурс, они превращались из стимулов в обузу. Надо отметить, что ЕС не был исключительно пассивным наблюдателем такого положения вещей – например, была создана евровалюта как конкурент доллара. Другие события, такие, как брекзит, не были делом его рук, но фактически служили ему на пользу, предоставляя большую свободу действий.

Источником системности кризиса в ЕС стало и переутверждение в начале XXI века концепции национального государства. Политическая философия западноевропейской интеграции до недавнего времени предполагала постепенное отмирание функций государства-нации в пользу федеративного измерения интеграции и её наднациональных структур. Однако череда событий в виде конституционного кризиса, брекзита, нового популизма в Европе и США демонстрирует, что этот процесс прерван. “Развод” с Британией вряд ли вновь вернёт в повестку дня идею размывания государства-нации, хотя и даст возможность достроить ряд таких наднациональных элементов в архитектуре ЕС, как фискальный и банковский союзы.

Если модель Евросоюза невозможно репродуцировать в других регионах мира, то трудно ожидать, что изучение ЕЭС/ЕС будет и дальше служить локомотивом в исследованиях региональной интеграции как отрасли знания. Переставая быть трафаретом и образцом для подражания, эта модель, вероятно, сохранит своё значение в первую очередь для Европы и шире – для интеграционных проектов в Евразии.

Трудный путь к Римской декларации

2017 год с новой силой поставил вопрос о будущем Европейского союза. В Риме 25 марта главы государств и правительств его 27 стран-членов собрались на празднование 60-летия европейской интеграции и подписания Римских договоров. 60 лет это большая часть человеческой жизни. Жизнь каждого наполнена многочисленными событиями, которые окрашены в разные цвета. У европейской интеграции история не менее многогранна.

В России многие памятные события в 2017 г. находятся в тени 100-летия Русской революций. Не случись она, Россия была бы другой – какой не известно, но другой. Во многом другими были бы Европа и мир. Декларация Р. Шумана 1950 года, последующее создание Европейского объединения угля и стали, Римские до-

говоры, дальнейшие стадии развития ЕЭС, а затем ЕС, также изменили Западную и Центральную Европу во многом до неузнаваемости.

Русская революционная тематика имеет и другое созвучие с историей европейской интеграции последних 60 лет. Если не революционным, то как ещё можно назвать кардинальное изменение положения дел, например, в отношениях между Францией и Германией, которые после 1945 г. пережили историческое примирение. Оно стало возможным из-за ужасов Первой и Второй мировых войн, очагом которых оба раза была Европа. Но то был фактор страха и его вряд ли оказалось бы достаточно, чтобы коренным образом переломить ситуацию в отношениях между ведущими западноевропейскими государствами. Вторым фактором стало создание механизмов и институтов, способствовавших и цементирующих примирение: вначале ЕОУС, затем, в 1957 г. – ЕЭС и Евратом и, наконец, с 1992 г. Евросоюз. Нельзя не отметить, что по иронии судьбы сегодня именно Маастрихт служит в Нидерландах одним из электоральных оплотов Герта Вильдерса, лидера крайне правой партии Свободы, жёсткого евроскептика.

Последнее десятилетие в очередной раз подтвердило, что история Евросоюза – это история кризисов. Но есть и существенное отличие. Раньше кризисы западноевропейской интеграции рассматривали скорее через призму “созидательного разрушения” по-Шумпетеру, а не как угроза всему проекту. Но каскад кризисов, обрушившихся на Евросоюз с 2005 г., т.е. начиная с кризиса конституционного, поставил вопрос о будущем объединения, о том, выживет ли оно в таком виде, в котором мы его знаем и к которому привыкли как к объекту исследований.

Одни скажут, что 60-летие ЕС – это больше чем юбилей; что он подводит черту под всей его предыдущей историей. И аргумент здесь ясен – брекзит, беспрецедентное событие – выход страны-члена из состава организации. Причём какого члена: её второй экономики, ведущей военной силы, члена СБ ООН и ядерной державы. Действительно, крайне неудачное совпадение – в год празднования 60-летия начинается процедура “развода” с Великобританией. И интрига здесь уже почти исчерпана, но всё же далеко не до конца. Брекзит преподнесёт ещё немало сюрпризов.

14 марта 2017 г. по-московскому времени палата общин и палата лордов британского парламента завершили законодательный “пин-понг”: билль о брекзите, наконец, был утверждён в первоначальном виде, т.е. в редакции правительства. После этого законопроект поступил на ратификацию британскому монарху. 29 марта, подписанное Терезой Мэй уведомление о выходе из ЕС, поступило в Брюссель. Сделанная пауза была вызвана двумя причинами: дать состояться парламентским выборам в Нидерландах, которые прошли 15 марта, и дожидаться завершения юбилейного саммита в Риме 25 марта.

Все последние месяцы внимание общественности было сосредоточено на статье 50 Лиссабонского договора, которая определяет общие контуры выхода страны-члена из состава ЕС. Но не меньшее, а по сути большее значение имеет другая статья – 218, которая регулирует заключение соглашений между ЕС и третьими сторонами. Эти две статьи основываются на разном процедурном фундаменте, что сильно осложняет стремление Лондона вести переговоры с Брюсселем одновременно и о “разводе”, и о будущем формате двусторонних взаимоотношений.

Мишелю Барнье, главному переговорщику ЕС по брекзиту, выдан мандат на ведение переговоров от имени Брюсселя сугубо по статье 50-ой, хотя затрагивать вопросы будущих контуров отношений позволено. Важно и то, что для утверждения соглашения о “разводе” предусмотрено квалифицированное большинство го-

лосов стран-членов, а соглашение с третьими странами (каковой Британия станет после брекзита) нуждается в консенсусе 27-ми. С другой стороны, согласие Европарламента с соглашением о выходе государства-члена необходимо, тогда как модальности отношений с третьими странами согласно статье 218 этого в ряде случаев не требуют.

Драматично развивалась ситуация не только с формализацией брекзита, но и с формированием новой модели взаимоотношений между ЕС и США. Даже природа, казалось, встала на этом пути – первоначально сорвалась встреча Д. Трампа с А.Меркель, которую пришлось отложить из-за снежной бури на восточном побережье США; самолёт с немецким канцлером не смог в назначенный срок вылететь из Берлина. Пожать руки в Вашингтоне им удалось 17 марта. Весь мир облетели кадры, на которых Меркель с несвойственным для неё выражением лица взирает то на Трампа, то на его дочь Иванку.

Однако другие скажут, что 60-летие ЕС в такой обстановке – не причина для паники, что спешить с оценками рано, и по-своему они будут правы. ЕС и в составе 27-ми членов по-прежнему представляет собой самый большой, наравне с США, единый рынок на Планете. ЕС остаётся региональным тяжеловесом и выборочно – глобальным игроком.

Весь вопрос в том, остановятся ли центробежные силы на Соединённом Королевстве, или увлекут в свой водоворот и другие страны, а вместе с ними и саму организацию? Сама Британия может не избежать этой участи, ведь её действия приводят не только к частичной дезинтеграции ЕС, но могут разрушить и её собственное единство. В марте Шотландий парламент перешёл от слов к делу и проголосовал за проведение второго референдума о независимости в период с осени 2017 г. до весны 2018-го.

Крайности в оценке ситуации не на пользу взвешенному анализу. Ошиблись апологеты Евросоюза, когда в первой половине прошлого десятилетия пели ему панегирики, пророчествуя мировое лидерство в XXI веке. Они сослужили ему плохую службу, оказали медвежью услугу своими чрезмерно оптимистическим прогнозами. Ведь политический истеблишмент ЕС искренне поверил в неизбежность такого лидерства. Но всё же ошибаются те, кто произносит Евросоюзу одни филиппики. Безусловно, эта организация ещё обладает запасом прочности, и большинство стран, в неё входящих, знают, что потеряют от её распада больше, чем приобретут.

Даже если пессимистические прогнозы о последствиях брекзита для Британии не сбудутся или сбудутся частично, другой “Британии” в ЕС нет, и повторить эту мёртвую петлю Нестерова вряд ли ещё кому-то под силу без риска для “жизни”. Таким образом, ничего не предопределено ни для еврооптимистов, ни для евроскептиков. Дальнейший ход событий будет зависеть от правильности или ошибочности принятия решений и качества регионального и государственного управления. Шансы есть и у противников, и у сторонников ЕС. И не потому что оба лагеря имеют возможности манипулировать электоратом, дело в другом: по обе стороны баррикад политики опираются на поддержку многочисленных категорий населения. Там же, где действует закон больших чисел, случайностей быть не может.

Иными словами, своя правда есть и у почитателей ЕС, и у его хулителей. В этой сложной ситуации многое зависит от того, будут ли правящие политические силы усугублять дальнейшую поляризацию населения, обвиняя своих оппонентов во всех смертных грехах. Иной путь – понять сущность евроскептицизма, адаптироваться

самим и адаптировать национальные партийно-политические системы к новым социальным ожиданиям и требованиям, модернизировать политический процесс.

Неформальный саммит в Риме 25 марта в формате ЕС-27, т.е. без Британии, был проведён далеко не впервые. Такой формат использовали в сентябре 2016 г. в Братиславе, затем в феврале 2017 г. на Мальте. Его применили 29 апреля на чрезвычайном заседании, состоявшемся ровно месяц спустя после официального уведомления Терезы Мэй в адрес Д. Туска о задействовании ст. 50 Лиссабонского договора. Параллельно Британия продолжает, до момента своего выхода из ЕС, оставаться полноправным участником официальных саммитов ЕС-28 – заседаний Европейского совета как высшего органа управления Евросоюзом. Они прошли в октябре и декабре 2016 г., затем в марте в Брюсселе. Позже главы государств и правительств 28 стран планируют собраться в июне, где обсудят безопасность внешних границ ЕС, и в ноябре, где рассчитывают завершить создание Банковского союза.

Но механизм управления ЕС на уровне его высшего эшелона этим не ограничивается. Существует традиция мини-саммитов с участием грандов организации. Последняя встреча подобного рода прошла 6 марта 2017 г. в составе новой “большой четвёрки”, обновлённой в свете “развода” с Британией: в Версаль съехались лидеры Германии, Франции, Италии и Испании. Регулярно на высшем уровне встречаются страны Бенилюкса, прибалтийские государства, Вишеградская четвёрка в составе Польши, Венгрии, Словакии и Чехии. Все перечисленные встречи создают плотную “ткань” принятия решений в ЕС, делают его достаточно устойчивым к внешним и внутренним шокам.

Но у такой практики есть и обратная сторона, когда выработка мнения большинства, тем более консенсуса, превращается в слишком медленный процесс, а то и вовсе неосуществимый. “Пористость” управленческой сферы ЕС становится всё более очевидной. Особенно это заметно в периоды, когда от государств или наднациональных структур требуются быстрая реакция на опасные вызовы. Миграционный кризис продемонстрировал это со всей наглядностью.

Дорога к юбилейному саммиту в Риме оказалась трудной и испещрённой препятствиями. Ещё в сентябре 2016 г. была принята “дорожная карта”, целью которой стала выработка юбилейной римской декларации, расставляющей приоритеты развития ЕС на ближайшее десятилетие. Финишную прямую к ней прокладывало заседание Европейского совета, прошедшее 9-10 марта 2017 г. в Брюсселе. Первый день работы прошёл в полном составе 28 членов; во второй день дискуссии продолжились без Великобритании. В результате мандат Д. Туска как председателя Европейского совета был продлён ещё на 2,5 года. Голосование по такому вопросу проводится квалифицированным большинством голосов. Если бы требовался консенсус, то Туска бы не избрали: против него проголосовала его собственная страна Польша в лице премьер-министра Беаты Шидло. В знак протеста против того, что позиция Варшавы по кандидатуре Туска была проигнорирована, она заявила, что ЕС находится в глубоком кризисе и заблокировала принятие итогового документа. Его заменило заявление председателя Европейского совета.

Подготовительная сессия саммита в Брюсселе состояла и в том, что 1 марта 2017 г. Еврокомиссия опубликовала Белую книгу, в которой изложено пять сценариев развития ЕС [White Paper on the Future of Europe, 1 March 2017]. Первый – “продолжение курса”, второй – “только Единый рынок”, третий – “кто хочет больше, делают больше”, четвёртый – “делать меньше более эффективно”, и, наконец, пятый – “делать больше вместе”. Фаворитом Брюсселя является сценарий номер 3 – “кто

хочет больше, делает больше”. Это хороший знакомый – концепция “Европы разных скоростей”, которая заложена в Лиссабонском договоре, в том числе в виде “постоянного структурированного сотрудничества” в сфере безопасности и обороны. Конечно, на деле речь идёт о комбинации сценариев для развития ЕС в ближайшем будущем. Так, считается, что А. Меркель симпатизирует комбинации из 3 и 4 сценариев: “кто хочет больше, делает больше” и “делать меньше более эффективно”, а Ж.-К. Юнкер предпочитает комбинацию из 3 и 5 сценариев, т.е. “Европа разных скоростей” и “делать больше вместе”.

“Разноскоростная Европа” – идея достаточно старая и испытанная на практике. Так, только 19 членов ЕС из 28 входят в Еврозону, а среди них только 10 выступают за налог на финансовые транзакции. Другой пример – 22 страны из 28-ми входят в Шенгенскую зону. Однако в условиях кризисов последних лет вопрос о новых формах укрепления практики разнородности в развитии организации стал особенно остро и болезненно восприниматься рядом центрально- и восточноевропейских стран. Категорически против высказалась Польша и с разной степенью критичности – другие члены Вишеградской четвёрки. Открыто неудовольствие выразил президент Румынии Клаус Йоханнис. Эти государства опасаются, что более развитые, богатые и влиятельные страны пойдут по пути дальнейшей интеграции без них, выталкивая их в категорию государств-членов второго сорта.

В юбилейной римской декларации акцент сделан на четырёх приоритетах: защита европейских граждан и миграция; экономический рост, занятость и развитие; социальная Европа и, наконец, укрепление геополитической роли ЕС [http://www.consilium.europa.eu/press-releases-pdf/2017/3/47244656633_en.pdf]. Все эти тематические блоки хорошо известны и во многом повторяют многократно заявленные постулаты. Каждый из них – вызов для этого регионального объединения, причём соизмеримой интенсивности. Другими словами, трудно расставить их иерархию и решать проблемы последовательно; странам-членам и Брюсселю приходится заниматься всем сразу. Но в результате его управленческие и финансовые потенциалы истончаются, теряется целеполагание.

Проблема политического лидерства

Отдельно стоит вопрос о политическом лидерстве в ЕС. Современное драматическое состояние дел в Европейском союзе, в том числе брекзит, – следствие усиления различных диспропорций, диспаритетов в нём. Для Германии это оборачивается неизбежной необходимостью определяться со своей тактикой и стратегиями внутри объединения и на международной арене. Брекзит резко меняет традиционную конфигурацию сил в ЕС. Распад “большой тройки” (Британия, Франция, Германия), какой бы неустойчивой она ни была, подталкивает к возрождению франко-германской оси. Но автоматически это не произойдёт; по сравнению с первыми десятилетиями функционирования ЕЭС сильно изменились и Франция, и Германия. Относительный вес первой снизился, а второй – вырос.

Вероятно, для решения этой проблемы неформальные согласования наиболее важных решений для ЕС будет проводиться силами видоизменённой “тройки” в составе Берлина, Парижа и Рима с регулярным подключением Мадрида (на примере состоявшегося в марте мини-саммита речь может идти о “версальском формате”). Адаптация Германии к новой ситуации будет трудным: из этой четвёрки лишь Берлин продолжает настаивать на политике жёсткой экономии, сопротивляется

превращению Европейского центрального банка в “кредитора последней инстанции”. Кроме того, в ближайшем будущем у Меркель, выиграй ХДС/ХСС парламентские выборы в сентябре, может не оказаться надёжных политических визави в трёх других столицах.

Экономика Франции находится в сложном положении, регулярно давая основания рассуждать о том, что эта страна может стать следующим слабым звеном еврозоны. Во главе государства последние годы стоял крайне непопулярный президент-социалист, в то время как правый фланг партийно-политической системы раздроблен. На фоне дезориентации в кругах политического истеблишмента очки набирал Национальный фронт во главе с Марин Ле Пен. В случае победы в двух турах 23 апреля и 7 мая М. Макрона, на посту президента окажется политик без собственной массовой организации, что поставит его в сильную зависимость от внутривнутриполитической конъюнктуры. В Испании у власти правительство меньшинства во главе с М. Рахоем, и внеочередные выборы могут состояться как в этом, так и в следующем году. Зыбкок демократический мандат и премьер-министра Италии П. Дженцилони, оказавшегося на этом посту после вынужденной отставки М. Ренци в декабре 2016 г. Италия также рано или поздно не избежит внеочередных парламентских выборов.

Во многом противоположные процессы долгое время происходили в Германии. Её экономика достаточно уверенно преодолела первую фазу кризиса в 2008-2009 гг., подтвердив репутацию экономического мотора европейской интеграции; под контролем остались показатели по безработице и инфляции. А.Меркель получила широкое признание в качестве тяжеловеса ЕС. В обиход вошла фраза (скорее лестная, чем критическая), что Германия теперь слишком велика для Европы, но ещё мала для мира. С уходом в начале XXI в. в прошлое деголлевской Франции и с новой волной евроскептических настроений на Берлин, помимо Брюсселя, стали возлагать всё большие надежды как на центр интеграционного объединения.

В отличие от традиционных амбиций Лондона и Парижа, Германия до недавнего времени не претендовала на существенную автономию своей политики в рамках Евросоюза, тем более, за его пределами. Суверенитет Германии оставался и остаётся под “двумя замками” – “пула суверенитетов” ЕС и рудиментов внешнего управления как наследия 1945 года. Громкой заявкой на самостоятельность в принятии решений по крупным проблемам стала оппозиция Берлина Соединённым Штатам по вопросу о вторжении в Ирак в 2003 году. Позже Германия позволила себе проявить очевидные лидерские качества в условиях бюджетного и долгового кризиса в ЕС в еврозоне, а затем в начальной фазе миграционного кризиса.

Долгое время ФРГ была заложницей той же парадигмы, что и Евросоюз в целом – экономический гигант, но политический легковес. Конечно, асимметрия между экономической мощью ЕС и незрелостью его внешней политики в последние десятилетия постепенно уступала место более сбалансированному соотношению этих двух элементов. Однако их паритет – дело нескорого будущего. В этой сфере последствия брекзита могут быть противоречивыми. Ключевые страны ЕС, освободившись от британского евроскептицизма, могут энергичней продвигать общую внешнюю политику и политику безопасности и общую политику безопасности и обороны.

После британского референдума эти устремления быстро напомнили о себе, например, на неформальной встрече Высокого представителя ЕС по иностранным

делам и политике безопасности Ф. Могерини и министров обороны ЕС в Братиславе в сентябре 2016 г. [ec.europa.eu/avservices/video/player.cfm?ref=1126719], в совместном документе “Сильная Европа в мире неопределённости” Ф.-В. Штайнмайера, теперь уже президента ФРГ, и Ж.-М. Эйро, министра иностранных дел Франции [<http://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/european-union/events/article/a-strong-europe-in-a-world-of-uncertainties-28-06-16>]. В нём содержится предложение о заключении государствами-членами ЕС Европейского пакта безопасности.

Большим испытанием для политических амбиций Германии стал кризис долговых обязательств Греции, Испании, Португалии, Ирландии, а затем миграционный кризис. В первом случае репутация Берлина пошатнулась в глазах Южной Европы, включая Францию и Италию, во втором – в глазах Центральной Европы (Вишеградской четвёрки – Венгрии, Словакии, Чехии и Польши).

Всё больше стран-членов ЕС подозревают Германию в том, что она действует, исходя не столько из общего блага, сколько из собственных интересов, а это лишь стимулирует дискурс о “национальных эгоизмах”. Кроме того, Германия как внутри ЕС, так и со стороны США, подвергается критике за выдвижение своим партнёрам неподъёмных требований жёсткой экономии, одновременно продолжая делать ставку на агрессивную экспортную ориентацию своей экономики.

В результате политические активы Берлина, накопленные в годы “тучных коров” и в начальный период финансово-экономического кризиса, сильно растрчены. Но светлая сторона брежневизма для Германии состоит в том, что продолжение дрейфа Лондона от континентальной Европы вновь стимулирует рассуждения о неизбежном лидерстве Берлина. Хотя здесь есть много “но”. Например, аспект “жёсткой силы”: численность бундсвера составляет 185 тыс. чел., а до объединения была 600 тыс. Расходы на оборону снизились в ВВП страны с 2009 по 2014 гг. с 1,44 до 1,29% [Фёдоров, 2016: 16, 18].

Показательна и дискуссия о “двух процентах”, разгоревшаяся в Германии в ответ на требование новой американской администрации к союзникам по НАТО увеличить свой вклад в бюджет альянса¹. З. Габриэль, сменивший в январе 2017 г. Ф.-В. Штайнмайера на посту министра иностранных дел, не раз заявлял, что ФРГ не собирается этого делать и что необходимо толковать понятие “оборонные расходы” как расходы на безопасность в широком смысле этого слова. Председатель Мюнхенской конференции по безопасности В. Ишингер в развитие этой идеи предложил индикатор “три процента”, которые бы включали, помимо военного бюджета, траты на предотвращение кризисов и их урегулирование, на содействие развитию и т.п. [Wolfgang Ischinger. March 2017]. Однако эти предложения противоречат постепенному развороту ЕС в сторону “жёсткой силы”. В новой Глобальной стратегии ЕС записано, что “в современном хрупком мире мягкой силы недостаточно” [Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. June 2016: 47]. О росте значения “жёсткой силы” говорится и в упомянутом выше совместном заявлении Штайнмайера и Эйро.

В отношении Германии речь продолжает идти о феномене “сомневающегося лидера”, который во многом тяготеет к выпавшей на его долю ответственностью. Действительность, однако, заставляет эту роль играть всё активнее. Важен и тот

¹ На саммите НАТО в Уэльсе в сентябре 2014 г. государства-члены декларировали необходимость увеличения военного бюджета каждого из них до 2% национальных ВВП.

факт, что на сегодня Германия остаётся в категории оптимистически настроенных к ЕС стран-членов. Опрос, проведённый 23 марта, показал: 45% немцев считают, что членство в ЕС их стране выгодно, а 75% проголосовали бы за сохранение Германии в составе интеграционного объединения [Поддержка ЕС со стороны немцев достигла 25-летнего максимума. 23 марта 2017 г.].

Но лидерство Германии вызывает в Евросоюзе не только оптимизм, но и обеспокоенность. И яблок раздора здесь сразу несколько. Помимо политики жёсткой экономии, либерального отношения к миграции и “Европы разных скоростей”, это проект “Северный поток – 2”. Берлин рассматривает его, как вклад в энергетическую безопасность ЕС, а Польша, Словакия, Литва и ряд других стран – как невыгодный для них либо исходя из экономических соображений, либо геополитических.

Осю внутривнутриполитическую жизнь Германии до сентября 2017 г. будут оставаться парламентские выборы. Высокая вероятность сохранения у власти “большой коалиции”. В этом случае неизбежно встаёт вопрос о будущем канцлере. Трудно себе представить, что А. Меркель согласится на роль второго плана в коалиции с СДПГ, так и то, что М. Шульц досрочно покинул пост президента Европарламента ради того, чтобы довольствоваться вторым номером.

В любом случае очевидно, что политика Германии и после выборов сохранит центристский характер. Во внешней политике одним из выражений этого станет стремление к возрождению франко-германского тандема. На это же рассчитывают и центристы во Франции. 16 марта на встрече с А. Меркель в Берлине Ф. Макрон заявил о том, что Германия в последние два года изменила стратегию; ранее она делала ставку на Россию и Китай, а теперь “возвращается” к Франции.

Что касается перспектив взаимодействия России и Германии во главе с перелицованной “большой коалицией”, то оптимизм здесь вряд ли оправдан. Руководя Европарламентом, М. Шульц прямолинейно выступал с жёстких антироссийских позиций. Он также является убеждённым сторонником внешней политики, основанной на ценностях. Такой идеологизированный подход, который давно выявил свою несостоятельность в международных делах, может стать дополнительным препятствием на пути нормализации российско-германских отношений.

* * *

Многосторонний кризис Евросоюза, развивавшийся с середины 2000-х гг., меняет отношение к “объединённой Европе” как к трафарету региональной интеграции с универсальными характеристиками. Несомненно, сложности функционирования этой модели являются вызовом для отечественной европеистики. Слабые стороны этой модели, недочёты и ошибки в “евростроительстве” заслуживают пристального внимания исследователей, особенно в приложении к развитию Евразийского экономического союза. Большое значение имеет учёт внешних негативных факторов для будущего ЕС, представляющих собой не меньший вызов, чем внутренние проблемы. Недостатки в сфере политического лидерства, феномен “нового популизма”, социальная поляризация европейских обществ, трансформация партийно-политических систем, попытки развить стратегическую автономию организации, пути восстановления взаимовыгодных отношений с Россией – эти и другие темы ждут своего дальнейшего изучения.

Список литературы

Поддержка ЕС со стороны немцев достигла 25-летнего максимума // *Пульс Планеты*. Европа. ИТАР-ТАСС. 23 марта 2017 г.

Фёдоров В.П. (2016) Существует ли германский вопрос? Глава 1. В: Германия. 2015. Часть I. Доклад Института Европы No 327. Изд. Нестор-История. С. 16, 18.

Desmond Dinan. Ever Closer Union. An Introduction to European Integration. 3rd Edition. Lynne Rienner, 2005.

Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. P. 47.

White Paper on the Future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025. European Commission, 1 March 2017.

Wolfgang Ischinger. Big League – More Europe, Not Less // *Monthly Mind*. March 2017.

References

Podderzhka ES so storony nemcev dostigla 25-letnego maksimuma // *Pul's Planety*. Evropa. ITAR-TASS. 23 marta 2017.

Fjodorov V.P. (2016) Sushhestvuet li germanskij vopros? Glava 1. V: Germanija. 2015. Chast' I. Doklad Instituta Evropy No 327. Izd. Nestor-Istorija. S. 16, 18.

Desmond Dinan. Ever Closer Union. An Introduction to European Integration. 3rd Edition. Lynne Rienner, 2005.

Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. P. 47.

White Paper on the Future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025. European Commission, 1 March 2017.

Wolfgang Ischinger. Big League – More Europe, Not Less // *Monthly Mind*. March 2017.

European studies: dilemmas of universality and uniqueness

Author. Gromyko A.I., Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences). **Address:** 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** alexey@gromyko.ru

Abstract. The article, written in connection with the 60th anniversary of the Rome Treaties and the 25th anniversary of Association of European Studies, is dedicated to problems, which European studies are facing due to multifaceted difficulties in the functioning of the European Union. In particular, the centrality of EEC/EU in the regional integration studies is discussed in categories of uniqueness and universality. The current state of affairs in the EU is explored through the prism of centripetal and centrifugal forces. The attention is paid to the issue of political leadership and changes in configuration of leading actors in light of Brexit. The conclusion is drawn that the depth and complex nature of the EU's malaise change the perception of a "united Europe" as a template for regional integration with universal features.

Key words: European Union, universality, uniqueness, political leadership, Germany, Brexit, new populism, nation-state.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220170617>

УДК 339.924, 336.743, 336.744

Ольга БУТОРИНА¹

НЕГАТИВНЫЕ И ПОЗИТИВНЫЕ ЗАДАЧИ ЕВРОПЕЙСКОГО ВАЛЮТНОГО СОЮЗА

Аннотация. Экономические проблемы еврозоны продолжают уже почти десять лет. Закономерно возникает вопрос: справляется ли единая европейская валюта с поставленными перед ней задачами? Для ответа на него нужно ясно представлять тот список задач, для решения которых она вводилась. Научная проблема проистекает из того, что в официальных документах ЕС перечисляются преимущества единой валюты, но не её задачи. В обширной научной литературе о еврозоне её задачи рассматриваются редко и трактуются весьма произвольно. В данной статье задачи Экономического и валютного союза (ЭВС) выявляются путём анализа официальных материалов Евросоюза и накопленного им опыта валютной интеграции. Автор вводит понятие негативных и позитивных задач; отделяет задачи ЭВС от ожиданий, движущих сил и целей проекта. Показано, что введение евро диктовалось преимущественно негативными задачами, призванными защитить экономическое пространство ЕС от давления внешних факторов. Большинство непосредственных задач ЭВС на сегодня выполнено, что, однако, не гарантирует реализацию его целей.

Ключевые слова: экономический и валютный союз ЕС, единая европейская валюта евро, кризис в зоне евро, валютная интеграция.

Постановка проблемы. Мосты и дамбы

Слабый рост, высокая безработица, угроза дефляции, разбухание государственного долга, нарастающий разрыв между бедными и богатыми – всё это заставляет усомниться в состоятельности единой валюты. Борясь с последствиями кризиса, органы Евросоюза в последние годы провели масштабную реформу экономического управления. Введены в действие Европейский семестр, фискальный и банковский союзы, готовится нормативная база для объединения рынков капитала. Но пока вернуть еврозону на траекторию устойчивого развития не удастся [Борко, 2012; Буторина, Цибулина, 2016; Дубянский, 2013; Ларионова, Серегина, 2012; Пищик, 2013; Стрежнева, Прохоренко, 2013; Цибулина, 2013].

Нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц утверждает, что именно единая валюта вызвала высокую безработицу, особенно среди молодёжи, и стала причиной углубляющихся социальных и региональных диспропорций в еврозоне. Корень зла он видит в изначальном организационном дефекте ЭВС, который строился на давно дискредитировавшей себя идее фиксированных курсов [Stiglitz, 2016: XII–XVIII].

© Буторина Ольга Витальевна – доктор экономических наук, заместитель директора ИЕ РАН по научной работе, Институт Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. **E-mail:** olgabutorina@mail.ru

На изъяны в теоретическом фундаменте ЭВС и на противоречия между идеологическими подходами к его управлению указывают многие авторы [Дубянский, 2014; Brunnermeier, 2016; Feld, Koehler, Nientiedt, 2015; King, 2016; Vence, Nogueria, 2014]. Ещё больший массив академических работ посвящен практическим аспектам функционирования еврозоны, анализу управленческих ошибок и предложению средств для их исправления [Бажан, 2011; Бажан, Масленников (ред.), 2012; Буторина, 2012; Иришев, 2014; Цибулина, 2014; di Minnena, Boi, Verzella, 2016; Pisani-Ferry, 2014; Scharpf, 2011; Wyplosz, 2010.]

Многообразие взглядов на изучаемый предмет не исключает одной общей черты. Как правило, авторы исследований делают выводы о результатах ЭВС на основе здравого смысла, то есть на основе личных представлений о задачах проекта, которые при этом трактуются весьма вольно. Эта несерьёзная с виду смысловая подмена создает широкое поле для необоснованных, в том числе крайне негативных оценок экономических последствий введения евро.

Приступая к разбору задач ЭВС, следует сделать два уточнения.

Хотя по-русски слова “цель” и “задача” употребляются как синонимы, их смысловые поля не совпадают. Целью называют предмет стремления, конечный результат деятельности человека или коллектива людей, предварительное, идеальное представление о котором предопределяет выбор средств и системы специфических действий по его достижению. Целеориентированная деятельность человека осуществляется на основе его ценностных ориентаций. Задача – это проблемная ситуация с ясно формулируемым требованием, набором условий и алгоритмом нахождения решения [Философский энциклопедический словарь, 1983; Энциклопедия эпистемологии и философии науки, 2009].

Обычно цель сложнее и объёмнее, чем задача. Движение к цели разбивается на этапы, каждый из которых имеет свою задачу. Цель ставится в общем виде, а задача формулируется конкретно. Средства достижения цели многообразны и могут варьироваться по мере приближения к ней. Задачу решают известными средствами. Выполнение задачи оценивается по результату, который и составлял ее требование; оценить реализацию цели сложнее, для этого часто требуется многофакторный анализ. В англоязычных текстах о европейской интеграции и в документах самого ЕС понятия “цель” и “задача” имеют то же смысловое различие. Цель, как правило, обозначается словами “goal” или “aim”, а задача – словом “objective”.

В данной статье выявляются задачи, а не цели европейского валютного союза. То есть те конкретные результаты, которые планировалось получить посредством отказа от национальных денежных единиц и введения евро. Стратегические цели ЭВС рассматривались в моей работе 2003 г., причём произошедшие с тех пор события не дали оснований для корректировки позиции. По-прежнему я считаю, что ЭВС преследует две стратегические цели: привести макроэкономическую политику в соответствие с новыми потребностями общества и обеспечить Евросоюзу лучшую глобальную перспективу [Буторина, 2003: 36–48].

По направленности ожидаемого результата задачи могут делиться на негативные и позитивные. Так, дамбу возводят для того, чтобы защитить населенные пункты и сельскохозяйственные угодья от затопления, то есть предотвратить нежелательное развитие событий и уменьшить ущерб. Мост строится по соображениям иного рода – с тем, чтобы создать новое качество среды, получить дополнительное удобство и выгоду.

Такую дифференциацию обосновал американский ученый Рассел Акофф, автор пионерских работ по теории целенаправленных действий. Согласно его определе-

нию, негативные задачи направлены на избавление от источника неудовлетворенности существующим положением. Позитивные задачи призваны открыть доступ к источнику удовлетворения [Акофф, 1982: 22–23].

Схожее деление, правда, не задач, а качеств, существует в теории интеграции. Его в 1950-е годы предложил видный голландский экономист Ян Тинберген, ставший позже лауреатом Нобелевской премии. Негативная интеграция, по Тинбергену, нацелена на устранение существующих препятствий к взаимодействию. Так, отмена таможенных пошлин – негативная интеграция, хотя она ведет к благоприятным последствиям. Позитивная интеграция имеет конструктивное начало, она нацелена на создание нового качества. Примером позитивной интеграции является введение общего таможенного тарифа [Tinbergen, 1954: 76–79].

Используемое в данной статье деление задач ЭВС основано на методике Акоффа и симметрично трактовке интеграционных мероприятий Тинбергена. Негативными задачами я буду называть те, которые должны предотвратить нежелательное развитие событий или избавить от дополнительных расходов. Позитивные задачи призваны сформировать новое качество экономической среды, которое будет полезным для участников интеграционного процесса.

Официальная трактовка

Деятельность Евросоюза регулируется двумя основными договорами: Договором о Европейском Союзе (ДЕС) и Договором о функционировании Европейского союза (ДФЕС). В первом из них Экономический и валютный союз не упоминается, а во втором имеется специальный раздел VIII с таким названием. Открывающая его статья 119 гласит, что ЭВС создается в целях, названных в статье 3 ДЕС. Статья 127 ДФЕС указывает, что главной задачей Европейской системы центральных банков (ЕЦСБ) является поддержание ценовой стабильности. Без ущерба для её реализации ЕЦСБ содействует проведению общей экономической политики Сообщества.

Среди перечисленных в ст. 3 ДЕС основных целей ЕС значится несколько социально-экономических. Так, в пункте 1 одной из трёх главных целей Союза названо повышение благосостояния народов. Согласно пункту 3, Союз создаёт внутренний рынок, а также стремится к устойчивому развитию Европы (на основе сбалансированного экономического роста и ценовой стабильности) и к высококонкурентной социальной рыночной экономике (нацеленной на обеспечение полной занятости и социального прогресса). Союз также способствует экономическому, социальному и территориальному сплочению. Пункт 4 сообщает, что целью Союза является создание экономического и валютного союза с валютой евро. Еще одна цель – продвижение интересов Евросоюза в отношениях с внешним миром сформулирована в пункте 5.

Итак, из учредительных договоров вычленяется только одна задача ЭВС – поддержание стабильности цен. В остальном сопоставление статьи 3 ДЕС со статьями 119 и 127 ДФЕС не позволяет привязать те или иные цели интеграции к валютному союзу. Остается непонятным, какие из них могут, а какие не могут достигаться за счет введения единой валюты. Факт того, что среди целей Союза отдельным пунктом значится создание ЭВС, только усложняет понимание. Логический круг замыкается: целью ЕС является создание валютного союза, смысл которого обосновывается общими целями ЕС.

Спустя три года после подписания открывшего дорогу к евро Маастрихтского договора, а именно в мае 1995 г., Европейская комиссия опубликовала Зелёную

книгу “О практических шагах по введению единой валюты”. В ней говорилось, что “только единая валюта и создаваемая ею обстановка стабильности обеспечит гражданам Европы многие практические преимущества, перечисленные ниже:

- более эффективный единый рынок при наличии единой валюты;
- стимул к росту экономики и занятости;
- устранение дополнительных расходов, связанных с существованием нескольких европейских валют;
- упрочение международной стабильности;
- укрепление совместного валютного суверенитета государств-членов” [One Currency for Europe..., 1995: 11].

Данные положения дословно повторялись в адресованной широкому кругу читателей брошюре [Economic and Monetary Union, 1996: 12]. В обоих текстах назывались не задачи, а преимущества единой валюты. Тем не менее их анализ позволяет выделить некоторые задачи, отделив их от ожидаемых благоприятных последствий.

Повышение эффективности единого внутреннего рынка ЕС можно квалифицировать как позитивную задачу евро. Действительно, отказ от национальных денег и переход на единую валюту являлся логическим завершением развернутой Жаком Делором программы построения Единого внутреннего рынка ЕС – со свободным движением товаров, услуг, лиц и капиталов. Единая валюта придавала новое качество европейскому экономическому пространству, предотвращала его фрагментацию, выводила интеграцию на более высокую стадию (валютного союза) и давала шанс для формирования емкого и ликвидного финансового рынка ЕС.

Создавала ли единая валюта стимулы для роста экономики и занятости? Казалось, что да. Эти надежды базировались на трёх предположениях: о том, что евро улучшит качество единого внутреннего рынка ЕС; обеспеченная Европейским центральным банком (ЕЦБ) стабильность цен значительно улучшит предпринимательский климат; включенные в Маастрихтский договор критерии конвергенции оздоровят экономическую политику и конъюнктуру государств-членов. При внимательном рассмотрении оказывается, что перечисленные предпосылки могли стимулировать рост экономики и занятости, но никак не гарантировали его. Значит, речь идет об ожидаемом эффекте ЭВС, а не о его практической задаче. Тем более, что у органов Евросоюза нет инструментов для её реализации. Согласно ст. 4 ДФЕС, макроэкономическая и социальная политика, а также политика социального и регионального сплочения относятся к смешанной компетенции Союза и государств-членов при определяющей роли последних. Хотя страны еврозоны координируют свою экономическую политику и политику занятости, согласуют её с общими целями Союза и задаваемыми им ориентирами (ст. 2 и 5 ДФЕС), органы ЕС не отвечают за конечный результат.

Расходы, связанные с существованием разных европейских валют, доходили, согласно оценкам, до 0,3–0,4% ВВП. Они включали в себя затраты на конвертирование валют (на рынке наличной валюты и на межбанковском рынке), а также потери от валютного риска. Населению было неудобно менять наличные деньги при пересечении границ, что и стало одним из главных аргументов в ходе информационных кампаний в пользу евро. Неизмеримо большие потери несли европейские компании вследствие валютного риска. Колебания валютных курсов понижали прибыльность трансграничных проектов, затрудняли планирование, ухудшали общий инвестиционный климат. Данный пункт правомерно квалифицировать как негативную задачу ЭВС.

Тезис об упрочении благодаря евро международной стабильности – очевидный эвфемизм. Образование общего финансового пространства еврозоны должно было уменьшить зависимость ЕС от колебаний курса доллара и от американских процентных ставок. Данное стремление выступало одним из главных мотивов западно-европейской валютной интеграции на протяжении всей её истории. Данный пункт следует рассматривать как негативную задачу ЭВС, хотя она облекалась в конструктивную формулировку.

Укрепление совместного валютного суверенитета еврозоны подразумевало получение синергетического эффекта – институционального и рыночного. Элиты ЕС давно добивались того, чтобы привести политический вес объединения в соответствие с его возросшим экономическим потенциалом, сопоставимым с американским. Переход на единую валюту позволял Евросоюзу “говорить одним голосом” на международных экономических площадках, в том числе в ходе реформы мировой финансовой системы, где верховодили МВФ и США. Единая валюта сразу занимала такую долю на мировых товарных и финансовых рынках, которую не могли занять все вместе взятые национальные денежные единицы стран ЕС. Это упрощало ведение расчетов и, главное, укрепляло позиции ЕС в мировой экономике. Данная задача, безусловно, относится к числу позитивных.

Практика валютной интеграции

Валютное сотрудничество в ЕС резко активизировалось накануне распада Бреттон-вудской системы фиксированных курсов. Сначала в 1969 г. Комиссия ЕЭС издала меморандум о координации экономической политики и валютном сотрудничестве. Затем, осенью 1970 г. был разработан первый план валютного союза – план Вернера, который так и остался на бумаге, поскольку в августе 1971 г. США прекратили разменивать доллары на золото, и мир вступил в эру плавающих курсов.

Уже в апреле 1972 г. начал действовать механизм совместного плавления европейских валют – “валютная змея”. Помимо стран “шестерки”, в него вошли Дания, Норвегия, Великобритания и Ирландия. Механизм решал две задачи – обеспечить внутреннюю и внешнюю курсовую стабильность. Внутренняя стабильность означала удержание курсов валют стран ЕЭС в узком коридоре $\pm 1,25\%$. Каждая страна имела право провести девальвацию или ревальвацию национальной валюты, а затем вернуться в систему. Внешняя стабильность достигалась за счет того, что все валюты привязывались к доллару США в диапазоне $\pm 2,25\%$, но эта конструкция просуществовала менее года.

Зачем странам ЕЭС понадобилось фиксировать курсы своих валют? Во-первых, в отличие от США, ни одна из них не имела обширного внутреннего рынка и полного цикла производства всех необходимых товаров. Национальные хозяйства были глубоко встроены в региональные производственные цепочки в рамках общей системы специализации и кооперирования. После отмены золотого стандарта западноевропейская торговля попала под домоглов меч валютных рисков. Экспортёры из стран с сильными валютами не хотели заключать контракты в дешевевших валютах, а импортеры из стран со слабыми валютами не могли расплачиваться дорожавшими иностранными деньгами.

Во-вторых, фиксированные курсы были нужны и для того, чтобы сохранить достижения интеграции и не допустить распада Сообщества. Каким образом? Начиная с 1962 г. в ЕЭС действовала общая сельскохозяйственная политика с едиными ценами на основные товары. Цены вмешательства и пороговые цены защищали

местных фермеров от конкуренции извне, они помогали Сообществу достичь самообеспеченности продуктами питания, то есть служили его продовольственной безопасностью. Расходящиеся обменные курсы привели бы к тому, что в странах с дешёвыми валютами субсидии ЕЭС стали бы чрезмерно щедрыми, а в странах со стабильными валютами – недостаточными. На этой почве возникли бы коренные экономические и политические разногласия, прежде всего в критически важной и непрочной связке Франция – Германия.

Курсовая стабильность, таким образом, выполняла *защитную функцию*. Она служила дамбой, которая ограждала торговлю внутри ЕЭС от колебаний на мировых валютных рынках. Эта же дамба предохраняла от размывания политические и финансовые сваи европейской интеграции – инструменты её сельскохозяйственной политики. Их демонтаж грозил откатом интеграции или вовсе распадом объединения. Налицо ярко выраженная негативная задача валютного сотрудничества.

Выступая в 1974 г. на экономическом конгрессе в Будапеште, Александр Ламфалусси, возглавивший впоследствии Европейский валютный институт (предшественник ЕЦБ), так объяснял смысл валютной интеграции. “Что произойдёт, если ЕЭС не станет валютной зоной? В западном мире есть немного стран, сравнимых по размерам друг с другом. Если бы их было много, я возможно, не испытывал бы особого страха перед перспективой распада того, что останется от Европейского Сообщества. В действительности, западный мир включает гигантскую экономику Соединенных Штатов, которая в силу очевидных причин могла бы играть доминирующую роль по отношению к “атомизированной” Европе”. И далее: “отсутствие европейской валютной зоны неизбежно привело бы к поглощению отдельных европейских стран долларовой зоной. И наоборот, преобразование ЕЭС в валютную зону создало бы необходимые условия для разработки международной реформы, в результате чего западный мир стал бы биполярным или же, если бы Япония была более независимой, триполярным” [Ламфалусси, 1974: 187].

Постоянная разница в темпах инфляции приводила к тому, что курсы национальных валют систематически отклонялись друг от друга. Самой сильной валютой стала немецкая марка; по отношению к ней итальянская лира, французский франк, фунт стерлингов и валюты скандинавских стран неуклонно обесценивались. Когда в марте 1976 г. Франция во второй раз покинула механизм совместного плавления, стало ясно, что больше она туда не вернётся. Сообществу требовалось найти более совершенную форму валютного сотрудничества. За дело взялся активный поборник европейского единства, тогдашний председатель Европейской комиссии англичанин Рой Дженкинс. Выступая в октябре 1977 г. во Флоренции с первой лекцией имени Жана Монне, он выдвинул семь аргументов в пользу создания Европейского валютного союза.

1. Союз устранил валютные риски и ценовую нестабильность, которые делают практически невозможным создание компаний европейского масштаба, снижают привлекательность ЕЭС для внешних инвесторов и торговых партнёров.
2. Создание общеевропейского валютного блока, сравнимого по масштабам с США, уменьшит дестабилизирующее воздействие курса доллара на экономику ЕЭС, уменьшит перепады входящих и исходящих потоков капитала.
3. Плавающие курсы легко транслируют инфляционные импульсы и потому мешают макроэкономической стабилизации. Валютный союз с фиксированными курсами поможет открыть “новую эру ценовой стабильности”, раз и навсегда покончить с “хроническим инфляционным беспорядком”.

4. Для борьбы с высокой безработицей европейской экономике нужна новая мощная движущая сила, сравнимая с промышленной революцией. Валютный союз может стать одним из её элементов. Он повысит уровень делового доверия, улучшит инвестиционный климат, снизит инфляцию и покончит с конкурентными девальвациями.
5. Валютный союз не обеспечит равномерного распределения преимуществ от возросшего экономического пространства, поэтому Сообществу предстоит задуматься о новых инструментах финансовой помощи слабым регионам.
6. Для функционирования валютного союза нужен наднациональный институт, который управлял бы валютным курсом, официальными резервами и внутренней денежно-кредитной политикой. На фоне общего стремления к децентрализации это потребует разработать новую систему многоуровневого управления, где через бюджет Сообщества могло бы перераспределяться до 5–7% ВВП.
7. Валютный союз станет мотором политической интеграции. Успех Европейского валютного союза привел бы ЕЭС к порогу политического союза [Jenkins, 1977].

Как видно, пункты 1 – 2 повторяют резоны Ламфалусси о том, что валютный союз спасает экономическое пространство ЕЭС от фрагментации и снижает его зависимость от США. К ним Дженкинс добавил новый, важный для бизнеса аргумент – о невозможности роста компаний до общеевропейских размеров. Негативная задача в чистом виде.

Пункт 3 о ценовой стабильности навеян событиями того времени – резким подъемом инфляции вследствие нефтяного шока. Данная задача закреплена Маастрихтским договором, она имеет ярко выраженный позитивный характер.

Пункт 4 о безработице формулировался крайне осторожно: валютный союз может стать *одним из слагаемых* нового импульса к развитию европейской экономики. Тот же ход Европейская комиссия повторила в 1995 г., выдав ожидаемый эффект за преимущество.

Пункты 5 – 7 описывают не задачи, а вероятные влияния валютного союза на дальнейшее развитие европейской интеграции (эффект перелива в терминологии неофункционалистов). Создав его, страны ЕС должны будут передать денежно-кредитную политику наднациональному органу, а интеграция распространится на новые сферы: региональную и бюджетную политику. Всё это, согласно федералистской идеологии, приближало Сообщество к политическому союзу.

С марта 1979 г. начала действовать Европейская валютная система (ЕВС), в которую вошли все девять участников Сообщества. Она увязала доставшийся от “змеи” механизм совместного плавания с новой коллективной денежной единицей – ЭКЮ. К ним добавились новые механизмы, значительно повысившие внутреннюю устойчивость системы.

Хуже обстояло дело с внешней стабильностью 1980-е годы прошли под знаком американских валютных горок. С марта 1979 г. по март 1985 г. номинальный эффективный курс доллара (рассчитанный к корзине 27 валют) вырос в полтора раза. За последующие три года он откатился назад [BIS Statistics]. Колоссальные издержки адаптации к курсовым перепадам легли на партнёров США – в основном Западную Европу и Японию. Заключённое с целью регулирования курсов основных мировых валют соглашение Плазы и неофициальное Луврское соглашение (соответственно 1985 г. и 1987 г.) не дали ощутимых результатов.

Высокие процентные ставки в США приводили в первой половине десятилетия к массовому оттоку капиталов из Западной Европы. От снижения курса местных валют выигрывали европейские экспортёры, но проигрывали производители товаров для внутреннего рынка: им не хватало инвестиционных ресурсов. В прессе говорили о новой форме зависимости от США – процентной кабале [Гельвановский, Иванова, 1986]. Профессор Владимир Никитович Шенаев писал по этому поводу: “...в Западной Европе огромное недовольство вызывают осуществляемые американской администрацией манипуляции с курсом доллара и процентными ставками. Опираясь на валютные рычаги, США компенсируют изъяны своего внутреннего развития за счёт конкурентов. Крупный дефицит госбюджета США в значительной мере покрывается за счёт капиталов других стран, в том числе западноевропейских, привлечённых высокими процентным ставками в США. Повышение ссудного процента в этой стране вызывает его увеличение в Западной Европе, что мешает модернизации производственного аппарата западноевропейской промышленности” [Шенаев, 1993: 73].

Во второй половине 1980-х годов темпы инфляции заметно упали, однако валютная курсовая стабильность оказалась недолгой. Самым неожиданным образом на горизонте возникли две новые угрозы – либерализация движения капиталов и бурный рост валютных рынков.

По иронии судьбы, первая угроза была рукотворной, она вытекала из программы ЕВР, согласно которой к 1992 г. в Сообществе не должно было оставаться никаких препятствий на пути движения капиталов. Как следствие спрос и предложение иностранной валюты становились более подвижными, что не могло не повлиять на динамику обменных курсов. Данная проблема известна как часть разработанной на основе модели Манделла-Флеминга концепции невозможной триады (impossible trinity). Согласно ей, в условиях глобализации каждая страна может выбрать только два из трех инструментов макроэкономической политики: фиксированный курс, независимость (автономию) денежно-кредитной политики и либеральный режим движения капиталов [Klein, 2010; Krugman et al., 2015].

Либерализация движения капиталов делала теоретически и практически невозможным поддержание фиксированных курсов в рамках ЭВС. Оставалось отказаться от фиксированных курсов либо перейти к единой валюте. Лидеры ЕС выбрали второй, объективно более перспективный вариант. Представленный в апреле 1989 г. план Делора представлял собой подробную дорожную карту движения к Экономическому и валютному союзу.

Обоснование этого судьбоносного шага излагалось в главе 2, п. 16 документа. Указывалось, что ЭВС обеспечит свободное движение людей, товаров, услуг и капиталов, безвозвратно зафиксирует обменные курсы между национальными валютами, создаст единую валюту. Это, в свою очередь, потребует общей денежно-кредитной политики и высокой степени совместимости экономической, в том числе фискальной политики государств-членов. Что в свою очередь должно вести к поддержанию стабильных цен, сбалансированному росту, конвергенции уровней жизни, высокой занятости и установлению внешнего равновесия [Committee for the Study...]. Нетрудно заметить, что авторы знаменитого доклада уклонились от чёткого обозначения целей и задач ЭВС. Они объединили предпосылки (четыре свободы), средства (единая денежно-кредитная и общая экономическая политика), задачи (фиксация курсов и ценовая стабильность) и ожидаемые благоприятные последствия проекта (сбалансированный рост, высокая занятость, конвергенция уров-

ней жизни). Последние могли восприниматься обществом как цели ЭВС, что, увы, послужило дискредитации евро после кризиса 2008 г.

Вторая угроза стабильности курсов проистекала из природы нового этапа глобализации. Финансовые и валютные рынки начали расти гораздо быстрее, чем мировой ВВП, мировая торговля и золото-валютные резервы центральных банков. Если в 1989 г. в мире ежедневно совершалось валютных сделок на 600 млрд долл., то в 1992 г. эта сумма увеличилась до 1200 млрд долл. [BIS, 1995: 3]. За этот же период золотовалютные резервы Германии выросли с 99 до 123 млрд долл., а Франции – уменьшились с 57 до 50 млрд долл. [World Bank database]. При столь неравных силах центральные банки больше не могли проводить результативные интервенции в поддержку своих валют. Обширный кризис ЕВС 1992–1993 гг. лишь подтвердил наличие этой новой реальности.

Заключение

Проведённый анализ позволяет выявить две группы задач, которые ставились руководителями ЕС при принятии решения о переходе на единую валюту.

Негативные задачи:

- 1) Устранить колебания обменных курсов.
- 2) Снизить зависимость ЕС от динамики доллара и экономической политики США.
- 3) Устранить расходы на конвертирование валют.

Позитивные задачи:

- 4) Обеспечить стабильность цен в еврозоне.
- 5) Завершить создание единого внутреннего рынка ЕС.
- 6) Укрепить международные позиции ЕС.

Хотя на банкнотах евро изображены мосты, с большим основанием на них могли бы красоваться дамбы, наподобие величественной Остерсхельдекеринг в Нидерландах. Потому как самой важной и актуальной задачей ведения евро являлось избавление от колебаний обменных курсов и, соответственно от валютного риска. Именно эту задачу решала европейская валютная интеграция на протяжении четверти века после крушения Бреттон-вудской системы.

Хаотичное движение курсов нарушало торговые потоки, снижало эффективность инвестиций, препятствовало росту европейских компаний. Возникал риск того, что страны с наиболее слабыми валютами переведут международные платежи на доллары США и де-факто окажутся внутри долларовой зоны. Расходящаяся курсовая динамика ставила под удар финансовые инструменты интеграции (сначала единые цены в рамках общей аграрной политики, позже – бюджет ЕС), что в свою очередь грозило острейшими политическими разногласиями и откатом интеграционного процесса. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. два новых фактора – либерализация движения капиталов и опережающий рост валютных рынков – резко актуализировали задачу устранения курсовых колебаний. Её надлежало решить быстро и окончательно, что и было сделано.

Снижение зависимости ЕС от курса доллара, процентных ставок ФРС и макроэкономической политики США – вторая традиционная задача европейского валютного сотрудничества. Ее решение было призвано снизить издержки адаптации к внешним факторам и повысить результативность европейских экономических реформ. Экономия на конверсионных издержках может рассматриваться как полезное дополнение к первым двум результатам.

Среди положительных задач главной являлось обеспечение долгосрочной ценовой стабильности. Заимствованная из практики Бундесбанка норма уходила корнями в немецкую школу ордолиберализма, согласно которой устойчивая валюта – одно из неперенных условий стабильного роста. Актуальность задачи резко возросла в период высокой инфляции 1970-е годов. Однако её успешное выполнение в еврозоне заставляет по-новому поставить вопрос о том, каким образом низкая инфляция способствует хозяйственному развитию. Введение евро не могло напрямую влиять на рост экономики и занятости, а также на социальное сплочение, такие задачи никогда не ставились перед ЭВС.

Единая валюта позволила Евросоюзу завершить институциональные мероприятия по формированию единого внутреннего рынка, а также повысить свой статус в управлении мировыми экономическими процессами. Тем не менее внутренний рынок ЕС не стал полностью однородным, а доллар сохранил лидирующую роль в мире.

На сегодня из шести перечисленных задач полностью выполнены три – первая, третья и четвёртая. Три других выполнены в значительной мере. Следовательно, единая валюта выполняет своё предназначение, что не отменяет вопроса о её роли в реализации стратегических целей ЭВС и Евросоюза в целом.

Список литературы

- Акофф Р. (1982) Искусство решения проблем. М.: Мир, 1982.
- Борко Ю.А. (2012) ЕС после финансово-экономического кризиса / Европейский союз в XXI веке: время испытаний. Под ред. Потемкиной О.Ю. (отв. ред), Кавешникова Н.Ю., Кондратьевой Н.Б. М.: Весь Мир. С. 35–71.
- Бажан А.И. (2011) Еврозона – проблемное будущее // *Белорусский экономический журнал*. № 3 (56). С. 76–85.
- Буторина О.В. (2012) Кризис в зоне евро: ошибки или закономерность? // *Современная Европа*. № 2 (50). С. 82–94.
- Буторина О.В. (2012) Причины и последствия кризиса в зоне евро. // *Вопросы экономики*. № 12. С. 98–115.
- Буторина О.В., Цибулина А.Н. (2016) Экономический и валютный союз / Европейская интеграция. Учебник. Под ред. О.В. Буториной О.В. (отв. ред.) и Н.Ю. Кавешникова. Издание 2-е, доп. и перераб. М.: Аспект Пресс. С. 198–228.
- Гельвановский М., Иванова Н. (1986) Проблемы взаимосвязи цен, покупательной способности валют и валютных курсов // *Мировая экономика и международные отношения*. № 10. С. 41–51.
- Долговой кризис в ЕС и перспективы евро. (2012) *Доклады Института Европы РАН*, № 276. Под ред. Бажана А.И. (отв. ред.), Масленикова А.А. М.: Институт Европы РАН, 2012.
- Дубянский А.Н. (2013) Проблемы евро как единой валюты. // *Петербургский экономический журнал*. № 1(1). С. 65–72.
- Дубянский А.Н. (2014) Теория оптимальных валютных зон и единая европейская валюта // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 5. Экономика. № 2. С. 57–69.
- Иришев Б. (2014) Кризис евро и глобальные риски. М.: “Весь Мир”, 2014.
- Ларионова М.Л., Серегина С.Ф. (2012) Европейский долговой кризис и новые направления реформирования механизмов экономической политики ЕС. // *Российский экономический журнал*. № 6. С. 68–94.
- Ламфалусси А. Валютная интеграция: проблемы и перспективы / IV Всемирный конгресс международной экономической ассоциации (19 – 24 августа 1974 г., Будапешт, Венгерская Народная Республика). Выпуск II. М.: Академия наук СССР. Институт научной информации по общественным наукам.
- Пищик В.Я. (2013) Тенденции развития европейского экономического и валютного союза. // *Международная экономика*. № 2. С. 28–35.

Стрежнева М.В., Прохоренко И.Л. (2013) Управление экономикой в Европейском союзе: институциональные и политические аспекты. М.: Институт мировой экономики и международных отношений.

Цибулина А.Н. (2014) Банковский и фискальный союзы в ЕС: что важнее? // *Вестник МГИМО-Университета*. № 4(37). С. 155–161.

Цибулина А.Н. (2013) Экономический и валютный союзы ЕС: работа над ошибками. // *Вестник МГИМО-Университета*. № 4(31). С. 113–119.

Шенаев В.Н. (1993) Особенности экономического развития Западной Европы. М.: “Наука”.

Энциклопедия эпистемологии и философии науки. (2009) М.: “Канон+” РООИ “Реабилитация”.

References

Ackoff Russel L. (1978) *The Art of Problem Solving*. A Wiley-Interscience Publication. John Wiley & Sons, N.Y.

Borko Yu. A. (2012) ES posle finansovo-ehkonomicheskogo krizisa. In: Potemkina O. Yu., Kaveshnikov N.Yu., Kondratyeva N.B. (Eds.) *Evropejskij Soyuz v XXI veke. Vremya ispytaniy*. Moscow, Ves Mir, p. 35–71.

Bazhan A. I. (2011) Evrozona: problemnoe budushchee. *Belorusskij Ekonomicheskij Zhurnal*, No. 3(56), p. 76–85.

Butorina O.V. (2012) Krizis v zone evro. Oshibki ili zakonomernost. *Sovremennaya Evropa*, No. 2(50), p. 82–94.

Butorina O.V. (2012) Prichiny i posledstviya krizisa v zone evro. *Voprosy Ekonomiki*, No.12, p. 98–115.

Butorina O.V., Tsybulina A.N. (2016) *Ekonomicheskij I valyutnyj soyuz*. In: Butorina O.V., Kaveshnikov N.Yu. (Eds.) *Evropejskaya integraciya*. Uchebnik. 2-nd ed. Moscow, Aspekt Press, p. 198–228.

Gelvanovskij M., Ivanova N. (1986) Problemy vzaimosvyazi cen, pokupatelnoj sposobnosti valyut i valyutnyh kursov. *Mirovaya Ekonomika I Mezhdunarodnye Otnosheniya*, No. 10, p. 41–51.

Bazhan A.I., Maslenikov A.A. (Eds.) (2012) *Dolgovoj krizis v ES i perspektivy evro*. Doklady Instituta Evropy RAN, No. 276, Moscow.

Dubyanskij A.N. (2013) Problemy evro kak edinoj valyuty. *Peterburgskij Ekonomicheskij Zhurnal*, No. 1, p. 65–72.

Dubyanskij A.N. (2014) Teoriya optimalnyh valyutnyh zon i edinaya evropejskaya valyuta. *St. Petersburg Univrsity Journal of Economic Studies*. No. 2, p. 57–69.

Irishev, Berlin. (2014) *Krizis evro I globalnye riski*. Moscow, Ves Mir, 2014.

Larionova M.L., Seregina S.F. (2012) Evropejskij dolgovoj krizis i novye napravleniya reformirovaniya mekhanizmov ekonomicheskoy politiki ES. *Rossiiskij Ekonomicheskij Zhurnal*, No. 6, p. 68–94.

Lamfalussy A. (1974) *Monetary Integration: Problems and Prospects*. Fourth World Congress of International Economic Association, August 19–24, 1974, Budapest. INOIN, USSR Academy of Sciences.

Pishchik V.Ya. (2013) Tendencii razvitiya evropejskogo ekonomicheskogo I valyutnogo soyuza. *Mezhdunarodaya Ekonomika*, No. 2, p. 28–35.

Strezhneva M. V., Prohorenko I.L. (2013) *Upravlenie ekonomikoj v evropejskom soyuze*. Institucionalnye I politicheskie aspekty. Moscow, Institute of World Economy and International Relations.

Tsybulina A.N. (2014) Bankovskij I fisklnyj soyuzы v ES: Chto vazhnee? *Vestnik MGIMO-Universiteta*, No. 4(37), p. 155–161.

Tsybulina A.N. (2013) *Ekonomicheskij I valyutnyje soyuzы ES*. Rabota nad oshibkami. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, No. 4(31), p. 113–119.

Shenaev V.N. (1993) *Osobennosti ekonomicheskogo razvitiya Zapadnoj Evropy*. Moscow, Nauka.

Ehnciklopediya ehpiistemologii I filosofii nauki. (2009) Moscow, Kanon+ ROOI Reabilitaciya, 2009.

Bank for International Settlements. Monetary and Economic Department Central Bank Survey of Foreign Exchange and Derivatives Market Activity 1995. Basle, May 1996.

Bank for International Settlements Statistics. <http://www.bis.org>

Brunnermeier M. K., James H., Landau, J.-P. (2016) *The Euro and the Battle of Ideas*. Princeton University Press, 2016.

Committee for the Study of Economic and Monetary Union. Jacques Delors Chairman. (1989) Report on economic and monetary union in the European Community. Presented April, 17, 1989.

- Economic and Monetary Union. European Commission. – Luxembourg, 1996.
- Feld L.P., Koehler E.A., Nientiedt D. Ordoliberalism, Pragmatism and the Eurozone Crisis: How the German Tradition Shaped Economic Policy in Europe. CESifo Working Paper Series No. 5368. June, 2015.
- Jenkins R. Europe's Present Challenge and Future Opportunity. Florence, 27 October 1977. Режим доступа: http://www.cvce.eu/content/publication/2010/11/15/98bef841-9d8a-4f84-b3a8-719abb63fd62/publishable_en.pdf
- Klein M.W. and Shambaugh J.C. (2010) Exchange Rate Regimes in Modern Era, Cambridge: MIT Press.
- King, M. (2016) The End of Alchemy: Money, Banking and the Future of the Global Economy. Little, Brown Book Group.
- Krugman, P.R., Obstfeld M., Melitz M.J. (2015) International Economics: Theory and Policy, 10-th ed. Pearson Education Limited.
- di Minnena, M., Boi G.M., Verzella P. (2016) The Incomplete currency. The Future of the Euro and Solutions for the Eurozone. John Wiley & Sons Inc..
- One Currency for Europe. Green Paper on the Practical Arrangements for the Introduction of the Single Currency. European Commission, 31 May 1995. COM/95/333 final. – Luxembourg, 1995.
- Pisani-Ferry J. (2014) The Euro Crisis and Its Aftermath. Oxford University Press.
- Scharpf F.W. (2011) Monetary Union, Fiscal Crisis and the Preemption of Democracy. LEQS Paper No. 36. May 2011.
- Stiglitz J. E. (2016) The Euro: How a Common Currency Threatens the Future of Europe. W.W. Norton and Company.
- Tinbergen J. (1954) International Economic Integration. Elsevier, Amsterdam, 1954.
- Vence X. Nogueria A. (2014) Crisis y fracaso de la Unión Europea neoliberal: Una alternativa soberanista y democrática. Eneida.
- World Bank Open Data. <http://data.worldbank.org>
- Wyplosz C. (2010) The Eurozone in the Current Crisis. ADBI Working paper No. 207. Apr. 2010.

Negative and Positive Objectives of the European Monetary Union

Author. Butorina O., Doctor of Economic Science, Deputy Director of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** olgabutori-na@mail.ru

Abstract. Economic tensions in the euro area persist for nearly a decade. This rises a reasonable question: does the single European currency achieves its original objectives? For a proper answer the list of objectives is needed. The research problem stems from the fact that official EU documents point the advantages of the single currency, rather than its objectives. Vast academic literature on the euro pays little attention to its objectives and when it does, these objectives are treated quite arbitrarily. To identify the objectives of the Economic and Monetary Union (EMU) the author analyzes the official documents of the European Union and the history of European monetary integration. The concept of negative and positive objectives is introduced. The objectives of the EMU are separated from the expectations, driving forces and strategic goals of the project. It is proved that the introduction of the euro was forced mainly by negative objectives meant to protect the EU economic space from external pressure. To date, most of the EMU original objectives have been accomplished, which does not guarantee the realization of its strategic goals.

Key words: EU Economic and Monetary Union, the single European currency, euro, crisis in the euro area, monetary integration.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220171829>

УДК 327.7, 005

Татьяна РОМАНОВА¹

УРОВНИ АНАЛИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЭВОЛЮЦИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА

Аннотация. Статья предлагает новый подход к исследованию отношений России и Европейского Союза, основанный на выделении уровней анализа. На основе категорий “уровень” и “уровни анализа” в теории международных отношений формулируются структурный, тематический и институциональный подходы к изучению эволюции международных связей различных акторов. Структурный подход в отношениях России и ЕС предполагает выделение уровней личности, региона, государства, интеграционного объединения (ЕС или Евразийского экономического союза), а также международных организаций и глобальной системы. Тематически выделяются уровни долгосрочных, концептуальных целей и ценностей, длительных целей в конкретных сферах деятельности, а также их имплементации. Наконец, институциональные уровни анализа представлены межгосударственным/межправительственным, трансправительственным и транснациональным. Для каждого из трёх подходов выделяются теоретические предпосылки, определяется суть их уровней, а также демонстрируются те вопросы и аспекты отношений, которые они могут помочь исследовать.

Ключевые слова: уровни анализа, отношения России и ЕС, институты, трансправительственный, транснациональный, наднациональный, нормы и ценности, интересы, нормативная сила.

Эмпирические аспекты отношений России и Евросоюза исследованы хорошо. В то же время теоретическим аспектам уделяется не так много времени и места, особенно в отечественных работах [Романова, 2015]. В нынешней статье предлагается развитие концепции уровней анализа с последующим её использованием для исследования эволюции отношений России и Евросоюза и прогнозирования их будущего. Уровни анализа дают не только таксономическое удобство, но и позволяют по-новому проанализировать динамику связей, поставить новые исследовательские вопросы. В первой части статьи исследуется категория “уровни анализа”, а в последующих предлагаются структурный, тематический и институциональный подходы к уровням анализа. В каждом случае излагаются теоретические предпосылки,

суть уровней, а также те проблемы, которые можно изучить с их помощью в отношениях России и Евросоюза.

Уровни анализа в международных отношениях

М. Бунге точно подметил, что “уровни анализа ... кажутся наиболее полезными... поскольку ... дают средства реалистичной и объединенной категоризации частей материальной и культурной реальности” [Bunge, 1960: 406]. К социальным наукам наиболее применима трактовка уровней как слоёв реальности, характеризующих теми или иными связанными качествами. Критериев для выделения уровней два: внутренняя согласованность одних единиц и наличие у них характеристик, которые отличают их от другой группы единиц [Simon, 1952]. Полной автономии уровней в системе быть не может, она бы лишила уровни смысла, однако “взаимодействие внутри уровней будет значительно выше, нежели взаимодействие между уровнями” [Onuf, 1995: 40].

В теории международных отношений уровни анализа появляются в конце 1950-х годов. К. Уолтц в своей диссертации выявил три обоснования конфликтов: природа и действия человека, политика государства и влияние системы [Waltz, 1959]. Однако само понятие “уровни анализа” возникло с лёгкой руки Д. Сингера, который остановился на двух основных для международных отношений уровнях: государстве и мировой системе, микро- и макросоставляющих. Д. Сингер заявил, что исследователь всегда волен выбирать “цветок или сад, скалу или каменоломню, дерево или лес” [Singer, 1961: 77]. В одном случае взгляд будет детальным, в другом – системным. Следовательно, используя тот или иной фокус, мы можем исследовать различные аспекты одного и того же феномена. Однобокий же подход может исказить результаты (преувеличить роль индивида, государства или системы соответственно). Позднее К. Уолтц сравнил различные уровни анализа с макро- и микро-экономикой, разница между которыми в том, как “они приближаются к объекту исследования” [Waltz, 1979: 110].

В дальнейшем теоретики международных отношений спорили о количестве уровней анализа (добавляя уровни индивидов, бюрократии, регионов, наднациональных и глобальных институтов) и их относительной важности. Кроме того, было предложено сконцентрироваться на взаимосвязях между уровнями. Пристальное внимание привлекала мультипликация акторов, то, как транснациональные корпорации и международные неправительственные организации служат альтернативным каналом агрегации граждан, нарушают иерархичность ранее построенных схем. В результате возникают трансправительственный и транснациональный уровни.

Был поставлен и вопрос о разделении элементов анализа, целого и его частей (units of analysis), и уровней анализа, переменных (levels of analysis), т.е. онтологического и эпистемологического аспектов. В частности, А. Вендт отметил, что “проблема уровней анализа относится к определению уровня социальной агрегации, который даёт наибольшие основания для конструирования теорий, объясняющих поведение государств: [это могут быть] национальные государства, международная система ... внутренняя политика ... индивидуальная психология. Все эти варианты сохраняют тот же элемент анализа как зависимую переменную – внешнюю политику государств – и варьируют лишь вес, который предписывается независимым переменным на разных уровнях социальной агрегации” [Wendt, 1991: 387]. Эта эпистемологическая трактовка лежит и в основе выделения трёх подходов к уров-

ням анализа ниже. Её достоинства и в том, что она позволяет синтез нескольких объясняющих факторов [Ray, 2001: 355–356].

Структурный подход к выделению уровней анализа

Структурный подход к уровням анализа наиболее близок к классическому подходу к уровням анализа в теории международных отношений. Первая предпосылка к их выделению – специфика Евросоюза как международного актора, занимающего промежуточную нишу между международной организацией и государством. Страны–члены ЕС с момента образования Европейского экономического сообщества договорились вести согласованную внешнеэкономическую деятельность, использовать часть суверенных прав вместе. С 1970-х гг. они начали координировать и политические аспекты действия на международной арене, оставляя, однако, в этой сфере суверенитет на национальном уровне, сохраняя свободу действий. Динамика национального и наднационального в ЕС варьируется в зависимости от того, о какой сфере отношений идёт речь. В экономической сфере превалирует наднациональное, в политической – и сегодня сотрудничество идёт на основе уважения суверенитета, с доминированием консенсуса.

Распределение компетенций между национальным и наднациональным уровнями в ЕС эволюционировало с 1992 г., когда возникли отношения новой независимой России и формирующегося Европейского Союза. Всё больше экономических функций передавалось на наднациональный уровень. Усиливалось сотрудничество в политической области. Координация охватывала всё больше сфер. Практически все шаги согласовывались (что заставило даже говорить о брюсселизации сотрудничества во внешней политике, но не о коммунитаризации, т.е. передаче на наднациональный уровень). Был разработан принцип солидарности, т.е. принятие во внимание озабоченностей отдельных стран-членов всем Евросоюзом. Причём общими становятся именно проблемы и потенциальные угрозы для отдельных стран, а не достижения и успехи других. Развивалось и сотрудничество в области безопасности, как внешней, так и внутренней.

Россия остаётся наиболее конфликтным для Евросоюза партнёром. Традиционно принято выделять страны, дружественные России, тех, кто настроен критично, и, наконец, группу нейтральных к Москве государств. Группы эти относительно постоянны. Чем сильнее причины у той или иной группы для озабоченности, тем более сплоченным и солидарным будет Евросоюз. Не случайно принцип солидарности ЕС в отношении России С.В. Лавров охарактеризовал недавно как “наименьший знаменатель” и принесение интересов “в жертву русофобским спекуляциям” [Лавров, 2017].

Интересным трендом последних лет становится воспроизводство на российской стороне динамики национального и наднационального уровней в результате укрепления институтов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), расширения сфер его ведения, увеличения участников. При этом объединение позиционирует себя как экономическое, не претендующее на координацию внешней политики, хотя пример ЕС доказывает, что изолировать одну сферу от другой невозможно. ЕС, однако, пока ЕАЭС не признаёт, официальный диалог Брюссель ведёт только с национальными столицами (хотя неофициально контакты между ЕС и ЕАЭС имеют место).

Структурные уровни анализа должны учитывать и процессы деволюции в Евросоюзе, возрастание роли регионов, а в России – распределение компетенций между

федеральным центром и регионами. Это особенно важно для трансграничного сотрудничества России и ЕС. Особенно региональный уровень выражен во взаимодействии России и ЕС в регионе Балтийского моря (т.н. Северное измерение). Это связано с приоритетами прежде всего Финляндии, стремящейся использовать свой опыт связей с Россией и географическое положение. Другая причина – комплекс новых угроз безопасности, который требует тесного взаимодействия между ЕС и Россией, делящих весьма протяжённую границу (это и экологические риски, и терроризм, и наркотрафик, и торговля людьми). Наконец, нельзя не отметить и особую роль Калининграда в отношениях России и Евросоюза. В современной ситуации напряжённости между Москвой и Брюсселем диалог на региональном уровне – одна из немногих функционирующих площадок, позволяющих сохранять сотрудничество и диалог.

Структурные уровни анализа также требуют учёта роли индивида. В отношениях России и ЕС это будет связано с тем, кто находится во главе отдельных стран-членов и институтов ЕС, каковы их личные взгляды на Россию, её руководство и политический режим, взаимодействие с Москвой. Как они концептуализируют различные события, ведя к их (де)секьюритизации. С российской стороны интерес могут представлять взгляды главы государства, правительства, министров, динамика их предпочтений в европейской и глобальной деятельности, в соотношении внешней и внутренней политики.

В контексте отношений России и Евросоюза необходимо упомянуть и международные организации, которые могут использоваться как арена для диалога и конфликтов. Их преимущество – равенство России и ЕС как членов, позволяющее нивелировать односторонность требований Брюсселя к Москве. В частности, Россия призывает активнее использовать Экономическую комиссию ООН по Европе. Вступление нашей страны в ВТО открыло путь для вовлечения этой организации в двухсторонние отношения и особенно торговые споры. На определённом этапе использовались и Энергетическая хартия и договор к ней.

Наконец, надо отметить уровень глобального порядка. Он связан прежде всего с позициями России в мире и вопросами безопасности. События 2014 г. на Украине и последующее нарастание конфликта вернуло в первые ряды жёсткую безопасность, в т.ч. в Европе. В этих вопросах Евросоюз и его страны-члены на современном этапе не были сильны, они полагались на США. Введённые санкции и политика Москвы по импортозамещению ведут к минимизации экономической взаимозависимости России и ЕС, к частичному сворачиванию человеческих контактов, а значит, и к перераспределению уровня диалога в пользу уровня глобального порядка. Действия администрации Д. Трампа, однако, могут повлечь уплотнение диалога Россия – ЕС.

Таким образом, говоря о структурных уровнях анализа, мы выделяем следующие уровни: личностный политического руководства, региональный, Россия – страны члены ЕС, Россия – ЕС, ЕС – Евразийский экономический союз, Россия и ЕС в международных организациях и в конечном счёте Россия – США.

Какие проблемы помогает исследовать структурный подход к уровням анализа? Во-первых, это анализ изменений отношений в связи с трансформацией политико-правовой природы Евросоюза (а ныне и Евразийского экономического союза), его стран-членов, динамики федерализма в России, а также предпочтений руководства обеих сторон.

Во-вторых, интересно проследить политику России в отношении Евросоюза и его стран-членов на предмет синхронности. Как представляется, до расширения ЕС

на восток в 2004 г. проблема не возникала. После возникает разочарование в ЕС и поиски положительного через диалог с крупнейшими и прагматичными членами Союза (Францией, Германией). Партнёрство ради модернизации стало примером синхронизации двух повесток [Романова, Павлова, 2013]. Однако ухудшение отношений, начавшееся в 2014 г., стимулировало новую десинхронизацию отношений России с ЕС на национальном и наднациональном уровне.

В-третьих, региональное сотрудничество может процветать, благодаря интенсивным отношениям на национальном и наднациональном уровне, а может компенсировать недостаток диалога на верхних уровнях (как это происходит сегодня), быть ареной для поиска конструктивных решений. Централизация в России и солидарность в ЕС выступают ограничителями этого сотрудничества.

В-четвертых, структурный подход к уровням анализа помогает проанализировать роль международных организаций в выстраивании отношений Москвы и Брюсселя. Удельный вес этого уровня трансформировался от вспомогательного в один из основных для практического, деполитизированного сотрудничества, особенно в современной ситуации дефицита прямых контактов.

Наконец, структурные уровни анализа позволяют проследить динамику влияния системных факторов, глобальной и региональной безопасности, США, на отношения России и ЕС. Здесь можно диагностировать повышение самостоятельного качества связей Москвы и Брюсселя в нынешнем веке и его постепенное падение с 2014 г.

Тематические уровни анализа отношений России и Евросоюза

Первой отправной точкой для определения тематических уровней анализа служат теории режима. Согласно классическому определению, режим – это “группа имплицитных и эксплицитных принципов, норм, правил и процедур принятия решения, вокруг которых сближаются предпочтения акторов” [Krasner, 1982: 186]. Они частично ограничивают свободу акторов, давая им взамен гарантии выживания, стабильность и “предсказуемость” [Stein, 1982: 311, Haas, 1980: 396]. Сегодня режимы создаются не только чтобы избежать угроз, но и для согласованного достижения общих ценностей и целей.

Определение режима не останавливается на процитированной нами выше фразе. С. Краснер далее уточняет: “Принципы – это вера в факты, причинно-следственные связи и прямота. Нормы – это стандарты поведения, определённые в терминах прав и обязанностей. Правила – это специфические рецепты и предписания действия. Процедуры принятия решений – это превалирующие практики создания и имплементации коллективного выбора” [Krasner, 1982: 186]. При этом принципы и нормы – это “базовые характеристики режимов”; правила и процедуры могут изменяться в рамках режима, а вот нормы и принципы – только с переходом от одного режима к другому [Krasner, 1982: 187]. С. Краснер, по сути, утверждает иерархию норм и целей. Р. Кеохейн также подчёркивал необходимость отделения международных режимов от более конкретных соглашений; при этом согласие относительно базовых целей, зафиксированное в нормах режима, представляет “канву для правил, норм, принципов и процедур переговоров” [Keohane, 1982: 337]. Э. Хаас отмечал: “Нормы говорят нам, почему государства сотрудничают; правила показывают, в чём субстанциально заключается сотрудничество; процедуры показывают, как будет реализовано сотрудничество” [Haas, 1980: 396]. Эта формулировка демонстрирует разные уровни конкретики целей сотрудничества – от базо-

вых (побуждающих к действию) до прикладных. Базовые цели определяют конкретное сотрудничество. Но последнее также сближает долгосрочные предпочтения участников режима. Таким образом, уровни взаимно влияют друг на друга.

Второй источник для определения тематических уровней анализа можно идентифицировать в теориях политических идей. Дискуссии о политических идеях всегда занимали политологов, но они активизировались с развитием конструктивизма. Прекрасно систематизировал эти дебаты Я. Мехта [Mehta, 2011], обозначив “три уровня обобщения: политические решения, определение проблемы и политические философии/дух времени (*zeitgeist*)” [Mehta, 2011: 1]. Публичную политическую философию он определил, как то, “как понимается цель правительства или публичной политики в свете групп представлений относительно общества и рынка”, а *zeitgeist* – как “совокупность широко разделяемых представлений, которые не критикуются в конкретный исторический момент” [Mehta, 2011: 1]. Определение проблемы Я. Мехта связывает с сутью, которую решает политика, с видением её в системе, а политическое решение – это наиболее конкретная мера, принимаемая в узкий момент времени. Рассуждая об уровнях обобщений политических идей, Я. Мехта отмечает, что как политическая философия и *zeitgeist* могут влиять на определение проблемы и вместе с последней – на политические решения, так и наоборот, политические решения нередко определяют проблемы и способствуют трансформации политической философии и *zeitgeist*. Таким образом, он также фиксирует связь уровней, их взаимное определение. В сходном ракурсе об уровнях политических идей рассуждает В. Шмидт, выделяя специальные политические идеи (наиболее прикладной уровень), “программные установки”, которые позволяют политическим акторам преобразовать картину мира в нечто прикладное, и “общественную философию”, т.е. “основообразующие предположения, редко изменяемые за исключением кризисных моментов” [Schmidt, 2008: 306].

В этой связи нельзя не остановиться на дилемме ценности – интересы в отношениях России и ЕС, старт которой дало исследование Я. Маннерса о нормативной силе Европы [Manners, 2002]. Согласно расхожему тезису, в отношениях России и ЕС Евросоюз исходит из ценностей, а Россия – из интересов. Однако в доказательстве этого тезиса часто присутствуют методологические ошибки. Во-первых, сравниваются идеи разного уровня. Во-вторых, игнорируется то, что Евросоюз чаще всего для продвижения своих идей использует нормативную риторику, тогда как Россия – когнитивную. Наконец, для анализа двух акторов используется разная методология [Павлова, Романова, 2014].

Третий источник для тематических уровней можно найти в теориях политической конвергенции. К. Бенетт, например, говорит, что конвергенция может проявляться в пяти аспектах: сближение целей регулирования, конкретных законодательных актов, институциональных механизмов для администрирования политики, результатов политики и политических стилей [Bennett, 1991: 218]. Д. Доловитц, описывая политическую конвергенцию, говорит, что она может касаться политик, институтов, идеологий (т.е. обоснования норм), идей (т.е. самых базовых положений) и негативных уроков (опыта, который стоит учесть) [Dolowitz, 1997]. Наиболее ярко тематические уровни прозвучали в исследовании П. Холла, где он говорит о “трёх переменных: всеобъемлющие цели, которые направляют политику в конкретной области, техники или политические инструменты, используемые для достижения цели, а также конкретное устройство этих инструментов” [Hall, 1993: 275]. В этом описании мы чётко читаем три субстанциональных уровня действий: от наиболее абстрактного, долгосрочного и целевого до конкретного. Развивая

свою мысль, П. Холл отмечает, что надо говорить о политических изменениях по аналогии с научными парадигмами Т. Куна и их сменами: изменения на уровне политических инструментов и их устройства лишь подправляют детали, а трансформации во всеобъемлющих целях аналогичны сдвигу парадигм Т. Куна.

Согласно П. Холлу, распространение концептуальных идей и их сближение (переход от одной парадигмы к другой) сложнее, нежели распространение конкретных политик и их инструментов. Однако К. Раделли, исследуя трансфер оценки регулятивного воздействия, демонстрирует, что идеи путешествуют легче, чем конкретные политики или их инструменты, поскольку последние требуют сложного изменения административных структур [Radaelli, 2005]. Он показывает, что принять аналогичные парадигмальные идеи на уровне политического дискурса и общих мер не означает сблизиться в имплементации.

Таким образом, теории режимов, концепции политических идей и политической конвергенции обосновывают существование нескольких уровней целей. Именно они и стали основой для выделения нами трёх тематических уровней анализа отношений России и Евросоюза. Во-первых, это концептуальные цели (например, базовые ценности сотрудничества, долгосрочные цели). Во-вторых, это цели конкретно-политические (например, формирование зоны свободной торговли, общего энергетического рынка, пространства внешней безопасности). В-третьих, это инструменты реализации конкретно-политических целей (либерализация торговли и энергетики, выработка политики относительно отдельных компонентов безопасности).

В отечественном изучении отношений России и ЕС присутствуют элементы тематических уровней, хотя и без теоретического их обоснования. Например, Д.А. Данилов, говоря о военно-политическом сотрудничестве, выделяет “а) наличие ясной и последовательной политической воли сторон; б) выработк[у] на этой основе общей стратегии ...; в) переход в рамках общей стратегии (партнёрства, интеграции) к совместным механизмам выработки и принятия решений” [Данилов, 2005: 36]. Аналогичные идеи высказывали О. Потемкина и Н. Кавешников, говоря об определении общих ценностей, постановке целей в политике и экономике, а также выработке инструментов и институтов [Потемкина, Кавешников, 2007].

Что даёт выделение тематических уровней для анализа отношений России и Евросоюза? Во-первых, они позволяют продемонстрировать, что часто Россия и Евросоюз говорят на разных уровнях, это затрудняет их взаимопонимание. Технические вопросы политизируются, ценностные аргументы подменяют конкретные цели в различных областях сотрудничества.

Во-вторых, тематические уровни анализа позволяют иначе взглянуть на проблему ценностей и интересов в отношениях России и ЕС. В реальности нельзя отделять нормативное от интересов [Finnemore and Sikkink, 1998]. В действиях и России, и Евросоюза можно проследить оба компонента. Например, наша страна действует на основе прагматизма, что является нормой; она также требует равенства. А в интересах Евросоюза продвигать либерализацию и гармонизацию со своим законодательством, поскольку это позволяет контролировать соседей и расширять рынок для своего бизнеса.

В-третьих, тематические уровни анализа демонстрируют, что на протяжении всей современной истории средний уровень отношений России и Евросоюза, т.е. уровень долгосрочных целей в конкретной сфере, был самым слабым. Цель формирования зоны свободной торговли оказалась сугубо декларативной, стороны даже не договорились о её сути. В энергетике конвергенция на среднем тематическом

уровне была достигнута условно риторически. В то же время, например, опыт Евросоюза свидетельствует, что ключевым для развития отношений является именно средний тематический уровень, он позволяет преодолевать разногласия в мерах имплементационного характера и одновременно содействует сближению в долгосрочном концептуальном видении.

В-четвертых, тематические уровни демонстрируют, что до 2014 г. в отсутствии разделяемых среднесрочных целей нарастало соперничество вокруг ценностей. В этой дискуссии Евросоюз настаивал на уважении Россией ценностей прав человека, демократии, верховенства закона, считая себя неким верховным судьей. Россия, в свою очередь, не ставя в риторике под вопрос эти ценности, настаивала на взаимном уважении и равенстве акторов на мировой арене.

Наконец, тематические уровни демонстрируют, как отсутствие чётких и разделяемых целей в той или иной области привело к политизации сотрудничества на микроуровне. Политизация заключается в обсуждении вопроса не на том уровне, к которому он принадлежит, а на более высоком, как правило, концептуальном. Другой формой политизации можно считать связывание параллельных вопросов, что особенно ярко проявилось в отношениях Москвы и Брюсселя по четырём пространствам. Усиливает политизацию ощущение, что сотрудничество асимметрично выгодно одному из партнёров, что также обусловлено отсутствием чётких разделяемых секторальных целей.

Институциональный подход к выделению уровней анализа

Третий подход к выделению уровней анализа институциональный. Их суть в том, что контакты не исчерпываются межгосударственным уровнем (т.е. саммитами, встречами высших должностных лиц), а развиваются также по трансправительственной и транснациональной линиям. Этот подход к уровням анализа также имеет развитую базу в теории международных отношений. Его основоположником нередко считают Н. Анджелла, который привлёк внимание к тому, что экономическая взаимозависимость сокращает возможности войны [Angell, 1910]. Однако ключевыми стали работы Р. Кеохейна и Дж. Най, которые в 1970-е годы ввели в теорию международных отношений термин “транснациональный” для обозначения связей, не контролируемых центральными органами государства [Nye, Keohane, 1971]. Они подразумевают неиерархическое, сетевое взаимодействие участников [Powell, 1990], гибкость, быстроту в обмене информацией, важность социализации [Dolowitz, Marsh, 2000] и непрозрачность [Borzel, 1998, Slaughter, 2004].

В 1974 г. Р. Кеохейн и Дж. Най разделили контакты на трансправительственные и транснациональные [Keohane, Nye, 1974]. Трансправительственный уровень – это “комплекс прямых связей между подразделениями различных правительств, которые не контролируются и не направляются непосредственно... основными должностными лицами этих государств” [Keohane, Nye, 1974, 43]. Речь идёт о том, что чиновники среднего и низкого уровней устанавливают контакты со своими иностранными коллегами и вместе продвигают некую повестку.

Делегирование ответственности вниз, отделение политики от администрирования, самостоятельность бюрократии способствуют трансправительственным контактам. Напротив централизация власти налагает ограничения, лишает их самостоятельности. Благоприятны для трансправительственного уровня также международные договорённости (с их дефицитом конкретики), глобализация и важность право-

вой гармонизации в современном мире [Raustiala, 2002, Slaughter, 2004]. А.-М. Слотер даже ввела термин “десегрегированное государство”, т.е. фрагментированное по различным сферам, где служащие контактируют со своими коллегами за рубежом прежде всего [Slaughter, 2004: 31]. Трансправительственные сети выполняют три функции: обмен информацией (что способствует не только прозрачности, но и установлению доверия), гармонизация политик, а также (реже всего) принуждение к выполнению [Raustiala, 2002, Slaughter, 2004].

Транснациональное взаимодействие – результат роста влияния негосударственных акторов во второй половине XX века. Первым объектом изучения стал бизнес, прежде всего транснациональные корпорации. Нацеленные на максимизацию прибыли, они начинают вести хозяйственную деятельность друг с другом, создавая параллельные государственным контакты, минуя государственный контроль. При этом они могут влиять на фискальные доходы государств, на их социальную стабильность, заставляя менять национальное законодательство, ставя под вопрос суверенитет [Krasner, 1976, Strange 1988, 1996]. Чем плотнее взаимодействие бизнеса, тем выше давление на государства.

В 1980-е годы в дополнение к изучению роли бизнеса в транснационализации интенсифицируются исследования международных неправительственных организаций (НПО), “самоуправляемых, частных, некоммерческих организаций, роль которых – улучшение качества жизни” [Vakil, 1997]. Международные НПО выполняют следующие функции: предоставление информации, часто альтернативной официальной, экспертиза отдельных вопросов, определение повестки развития (вплоть до создания новых когнитивных рамок современной политики) и её продвижение на национальном и глобальном уровнях [Keck, Sikkink, 1999, Cowles, 2003]. Особое влияние НПО приобрели в вопросах прав человека, демократии и охране окружающей среды. Их, однако, традиционно упрекают за селективность повестки и недостаточную репрезентативность.

Наконец, третья транснациональная группа – это эпистемные сообщества, т.е. “сети профессионалов с признанной экспертизой и компетенцией в какой-то области и авторитетными претензиями на определение политически-релевантного знания” [Haas, 1992: 3]. Их значение многократно выросло в современном мире, поскольку “знания и информация стали важными измерениями силы” [Haas, 1992: 2]. Эпистемное сообщество связано общими убеждениями и ориентировано на продвижение своего видения, в т.ч. формируя новые когнитивные рамки. Поскольку независимость эпистемных сообществ – их базовый критерий, мы рассматриваем их как часть транснационального (а не трансправительственного) уровня.

Таким образом, транснациональный уровень состоит из бизнеса, неправительственных организаций и эпистемных сообществ. Определяющим для плотности транснациональных отношений становится внутривнутриполитическое развитие. Государство определяет самостоятельность коммерческого сектора. Например, Евросоюз характеризуется как либеральная рыночная экономика, а современное положение в России можно описать как “государственный капитализм” [Bremmer, 2009]. Государство также определяет состояние некоммерческого сектора. Наиболее развит он в западных государствах. В России ситуация двойственна. С одной стороны, их деятельность началась давно [Алексеева, 2002], социально ориентированные организации поощряются. С другой стороны, НПО нередко воспринимаются в России как проводники подрывного влияния иностранных государств, вызывают подозрения

как “преследующи[е] при поддержке извне цели дестабилизации обстановки” [Путин, 2012].

Таким образом, в институциональном подходе выделяются межгосударственный/межправительственный, трансправительственный и транснациональный уровни анализа. В отечественной литературе они уже упоминались в той или иной степени [Бордачев, 2007, 2009, Стрежнева (ред.), 2010, Чихарев, Прохоренко, 2014], хотя и не формулировались чётко и не имели пока должного теоретического обоснования.

Трансправительственный и транснациональный уровни размыывают границы между внутренней и внешней политикой. Плотность этих уровней показывает качество сотрудничества соответствующих акторов: чем теснее экономические и социальные связи, тем более развиты трансправительственные и транснациональные контакты. Они налагают ограничения на действия руководителей государств. Это связано как с рациональными соображениями (привлечение бизнеса, например), так и с распространением идей, постепенной социализацией граждан относительно друг друга. Взаимовлияние уровней проявляется в стадиях принятия решений, где транснациональный уровень формулирует запрос, межправительственный его легитимирует, а трансправительственный – облачает в конкретную форму. В то же время государства научились использовать транснациональный уровень (бизнес, НПО) в своих интересах. Слабый трансправительственный уровень ведёт к политизации принятия решений. В то же время транснациональные отношения могут оказывать разное влияние: бизнес и эпистемные сообщества настроены на прагматизацию и деполитизацию, а неправительственные организации – нередко на политизацию, поскольку она содействует продвижению их повестки.

Институциональные уровни анализа в отношениях России и Евросоюза позволяют нам исследовать несколько вопросов. Во-первых, их применение показывает, что стабилизация и деполитизация отношений России и ЕС развивалась до 2014 г. благодаря уплотнению сотрудничества на трансправительственном и транснациональном уровнях.

Во-вторых, институциональные уровни могут объяснить, почему события 2014 г. и последующие ограничительные меры столь быстро обрушили отношения России и ЕС на трансправительственном и транснациональном уровне. Последние оказались слабы по причинам внутривнутриполитического характера у обоих партнёров.

В-третьих, интересно, как официальные Москва и Брюссель ныне используют трансправительственные и транснациональные отношения. Брюссель жёстко ограничивает бизнес-контакты. Наша же страна создаёт барьеры для взаимодействия НПО.

Наконец, стабилизации и деполитизации отношений, восстановлению доверия содействуют именно трансправительственные и транснациональные отношения. Следовательно, их культивации надо уделять максимум внимания в среднесрочной перспективе.

Заключение

Статья систематизировала существующие исследования по проблеме уровней анализа и предложила их творческое осмысление и развитие (структурный, институциональный и тематический подходы). Их практическая польза была продемонстрирована с помощью тех вопросов в отношениях России и ЕС, изучение которых может продвинуть предложенная концепция.

Во всех трёх подходах уровни анализа понимаются как категория эпистемологическая: предлагается идти вглубь, а не разделять на части. Элементы не существуют отдельно, они составляют целое отношений России и ЕС.

Во всех трёх подходах верхние уровни определяют низшие. В то же время существует и обратная связь, изменение качества низшего уровня может содействовать трансформации качества верхнего уровня. Например, отказ от трансправительственного взаимодействия ведет к меньшей устойчивости межправительственного диалога. Несогласие на низшем секторальном уровне может актуализировать ценностные дискуссии. Подвижки в соотношении между уровнями будут изменять и качество отношений России и Евросоюза.

Одна перспектива на уровни анализа не исключает другую, поскольку “[о]дин и тот же объект может прекрасно встраиваться в несколько уровней структур – особенно если коннотация “уровня” изменяется в каждом случае” [Bunge, 1960: 405]. При этом изменение в соотношении одних уровней ведёт и к трансформации взаимодействия других. Например, активный тематический диалог на мезо- и микроуровнях ведёт к плотному трансправительственному сотрудничеству. Появление уровня международных организаций в структурном подходе содействует уплотнению трансправительственного уровня. Повышение активности на транснациональном уровне повлечет изменения в повестке сотрудничества. Три подхода к уровням анализа дополняют друг друга, позволяя провести более глубокое исследование эволюции отношений России и ЕС и сделать качественный прогноз их дальнейшего развития.

Список литературы

- Алексеева Л.М. (2002) “Третий сектор” и власть // *Общественные науки и современность*. № 6.
- Бордачев Т.В. (2007) Пределы европеизации : Россия и Европейский Союз 1991–2007 теория и практика отношений. М.: ГУ ВШЭ.
- Данилов Д.А. (2005) Общее пространство внешней безопасности России и ЕС: амбиции и реальность // *Мировая экономика и международные отношения*. №2.
- Лавров С. (2017) Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе 53-й конференции по вопросам безопасности, Мюнхен, 18 февраля. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2648249 (дата обращения: 20.02.2017).
- Павлова Е.Б., Романова Т.А. (2014) Идеиное соперничество или “треш-дискурс”? // *Россия в глобальной политике*. №3.
- Потемкина О.Ю., Кавешников Н.Ю. (2007) Россия и Европейский Союз: холодное лето 2007 года // *Современная Европа*. №3.
- Путин В.В. (2012) Россия и меняющийся мир // *Московские новости*, 27 февраля. Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 22.02.2016).
- Романова Т., Павлова Е. (2013) Российская модернизация и Евросоюз // *Современная Европа*. №1.
- Романова Т.А. (2015) Исследования отношений России и Евросоюза в нашей стране и за рубежом (1992–2015 гг.) // *Современная Европа*. №5.
- Стрежнева М.В. (ред.) (2010) *Транснациональное политическое пространство: новые реалии международного развития*. М.: ИМЭМО РАН.
- Чихарев И.А., Прохоренко И.Л. (2014) Трансформации европейского политического пространства: измерения и направления // *Политическая наука*. № 2.

References

- Alekseeva L.M. (2002) “Tretii sector” i vlast' // *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. No. 6.
- Angell N. (1910) *The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power in Nations to their Economic and Social Advantage*. New York: G.P.Putnam's & Sons.

- Bennett C.J. (1991) What Is Policy Convergence and What Causes It? // *British Journal of Political Science*. Vol. 21. No. 2.
- Bordachev T. V. (2007) Predely evropeizatsii : Rossiya i Evropejskij Sojuz 1991–2007 teorija i praktika otnoshenij. M.: GU VSE.
- Börzel T. A. (1998) Organizing Babylon: on the different conceptions of policy networks // *Public Administration*. Vol. 76. No. 2.
- Bremmer I. (2010) The End of the Free Market: Who Wins the War Between States and Corporations? New York: Portfolio.
- Bunge M. (1960) Levels: A Semantical Preliminary // *The Review of Metaphysics*. Vol. 13. No. 3.
- Chiharev I.A., Prohorenko I.L. (2014) Transformacii evropejskogo politicheskogo prostanstva: izmerenija i napravlenija // *Politicheskaja nauka*. № 2.
- Cowles, M.G. (2003) Non-state actors and false dichotomies: reviewing IR/IPE approaches to European integration // *Journal of European Public Policy*. Vol. 10. No 1.
- Danilov D.A. (2005) Obshhee prostanstvo vneshnej bezopasnosti Rossii i ES: ambicii i real'nost' // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. No. 2.
- Dolowitz D. (1997) British Employment Policy in the 1980s: Learning from the American Experience // *Governance*. Vol. 10. No. 1.
- Dolowitz D.P., Marsh D. (2000) Learning from Abroad: The Role of Policy Transfer in Contemporary Policy-Making // *Governance: An International Journal of Policy and Administration*. Vol. 13. No. 1.
- Finnemore M., Sikkink K. (1998) International Norm Dynamics and Political Change // *International Organization*. Vol. 52. No. 4.
- Haas E.B. (1980) Why Collaborate? Issue-Linkage and International Regimes // *World Politics*. Vol. 32. No. 3.
- Haas P.M. (1992) Introduction: epistemic communities and international policy coordination // *International Organization*. Vol. 46. No.1.
- Haggard S., Simmons B.A. (1987) Theories of international regimes // *International Organization*. Vol. 41. No. 3.
- Hall P.A. (1993) Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain // *Comparative Politics*. Vol. 25. No. 3.
- Hall P.A. (1993) Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain // *Comparative Politics*. Vol. 25. No. 3.
- Keck M., Sikkink K. (1999) Transnational advocacy networks in international and regional politics // *International Social Science Journal*. Vol. 51. No 159.
- Keohane R.O. (1982) The demand for international regimes // *International Organization*. Vol. 36. No. 2.
- Keohane R.O., Nye J.S. (1974) Transgovernmental Relations and International Organizations // *World Politics*. Vol. 27. No. 1.
- Krasner S.D. (1976) State Power and the Structure of International Trade // *World Politics*. Vol. 28. No 3.
- Krasner S.D. (1982) Structural Causes and Regime Consequences // *International Organization*. Vol. 36. No.2.
- Lavrov S. (2017) Vystuplenie i otvety na voprosy Ministra inostrannyh del Rossii S.V. Lavrova v hode 53-j Konferencii po voprosam bezopasnosti, Mjunhen, 18 fevralja. Accessed at: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2648249 (20.02.2017).
- Manners I. (2002) Normative Power Europe: A contradiction in terms // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 20. No. 2.
- Mehta J. (2011) The Varied Roles of Ideas in Politics. From “Whether” to “How” // Béland, D., Cox, R.H. (ed.) *Ideas and Politics in Social Science Research*. Oxford: Oxford University Press (e-book).
- Nye J.S., Keohane R.O. (1971) Transnational Relations and World Politics: An Introduction // *International Organization*. Vol. 25. No 3.
- Onuf N. (1995) Levels // *European Journal of International Relations*. Vol. 1. No. 1.
- Pavlova E.B., Romanova T.A. (2014) Idejnoe sopernichestvo ili “trash-diskurs”? // *Rossija v globalnoi politike*. No. 3.
- Potemkina O.U., Kaveshnikov N.U. (2007) Rossiya i Evropejskij sojuz: holodnoe leto 2007 goda // *Sovremennaja Evropa*. No. 3.
- Powell W. (1990) Neither Market Nor Hierarchy: Network Forms of Organization // L.L. Commings and B. Shaw (eds) *Research in Organizational Behavior*. Greenwich: JAI Press.

- Putin V.V. (2012) Rossiya i menjajushhijsja mir // Moskovskie novosti, 27 fevralja. Accessed at: <http://www.mn.ru/politics/78738> (data obrashhenija: 22.02.2016).
- Radaelli C.M. (2005) Diffusion without convergence: how political context shapes the adoption of regulatory impact assessment // *Journal of European Public Policy*. Vol. 12. No. 5.
- Raustiala K. (2002) The Architecture of International Cooperation: Transgovernmental Networks and the Future of International Law // *Virginia Journal of International Law*. Vol. 43. No.1.
- Ray J.L. (2001) Integrating Levels of Analysis in World Politics // *Journal of Theoretical Politics*. Vol. 13. No. 4.
- Romanova T., Pavlova E. (2013) Rossijskaja modernizacija i Evrosojuz // *Sovremennaja Evropa*. №1.
- Romanova T.A. (2015) Issledovanija otnoshenij Rossii i Evrosojuz v nashej strane i za rubezhom (1992–2015 gg.) // *Sovremennaja Evropa*. №5.
- Schmidt V. (2008) Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // *Annual Review of Political Science*. Vol. 11.
- Simon H.A. (1952) Comments on the Theory of Organizations // *The American Political Science Review*. Vol. 46. No. 4.
- Singer J.D. (1961) The Level of Analysis Problem in International Relations // *World Politics*. Vol. 14. No. 1.
- Slaughter A.-M. (2004) *A New World Order*. Princeton, NJ and Oxford: Princeton University Press.
- Stein A.A. (1982) Coordination and collaboration: regimes in an anarchic world // *International Organization*. Vol. 36. No. 2.
- Strange S. (1988) *States and Markets*. New York: Blackwell.
- Strange S. (1996) *The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy*. New York: Cambridge University Press.
- Strezheva M.V. (ed.) (2010) *Transnacional'noe politicheskoe prostranstvo: novye realii mezhdunarodnogo razvitiya*. M.: IMEMO RAN.
- Vakil, A. C. (1997) Confronting the classification problem: Toward a taxonomy of NGOs // *World Development*. Vol. 25. No 12.
- Waltz K. (1979) *Theory of International Politics*. Reading, Mass.: Addison-Wesley.
- Waltz, K. (1959) *Man, the State, and War*. New York: Columbia University Press.
- Wendt A. (1991) Bridging the theory/metatheory gap in international relations // *Review of International Studies*. Vol. 17. No. 4.

LEVELS OF ANALYSIS AS AN INSTRUMENT TO ASSESS THE EVOLUTION OF EU-RUSSIAN RELATIONS

Author. Romanova T., Candidate of Political Science, associate professor, Saint Petersburg State University and National Research University Higher School of Economics. **Address:** 1/3 (entr. 8), Smolnogo St., S.-Peterburg, Russia, 193060. **E-mail:** t.romanova@spbu.ru, romanova@mail.sir.edu

Abstract. The article suggests a new approach for the study of EU-Russian relations, based on levels of analysis. Departing from the categories 'levels' and 'levels of analysis' in IR theory, the article formulates structural, thematic and institutional approaches to the evolution of relations between various actors. Structural approach identifies the levels of personality, region, state, integration entities (the EU or the Eurasian Economic Union) as well as that of international organizations or global order. Thematically three levels are identified: that of long-term conceptual goals and values, long-term goals in specific policy areas as well as the level of their implementation. Finally, institutional levels of analysis consist of interstate / intergovernmental, transgovernmental and transnational relations. For each of the three approaches to the levels of analysis the article describes theoretical roots, defines the levels and demonstrates the value, providing questions and problematic areas, which they help to examine.

Key words: levels of analysis, EU-Russian relations, institutions, transgovernmental, transnational, supranational, norms and values, interests, normative power.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220173042>

УДК 341.16

Вадим ВОЙНИКОВ¹

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СВОБОДЫ, БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОСУДИЯ И МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ЕВРОПЕ

Аннотация. Целью настоящей статьи является обзор и краткий анализ текущих изменений законодательства ЕС в сфере свободы, безопасности и правосудия, вызванных Европейским миграционным кризисом 2015 г. В статье анализируются изменения законодательства, имеющие отношение к европейскому пространству свободы, безопасности и правосудия (ЕПСБП), вызванные иммиграционным кризисом 2015 г. Утверждается, что кризис выявил целый ряд системных ошибок в области управления внешними границами, которые вынудили государства – члены ЕС существенно пересмотреть свою политику. В статье рассматриваются основные направления реформирования законодательства ЕС в указанной области, выявлены главные тенденции, а также рассмотрены ключевые законопроекты в указанной сфере. Анализ законодательных инициатив показывает то, что реформирование затрагивает главным образом сферы пограничного контроля, иммиграции, предоставления убежищ и визовой политики. Автор приходит к выводу о том, что реакция Европейского Союза на миграционный кризис свидетельствует о его желании укрепить ЕПСБП посредством усиления наднациональной составляющей его механизмов, однако государства – члены ЕС не всегда готовы отказываться от части своего суверенитета в такой чувствительной для них области.

Ключевые слова: Европейское пространство свободы, безопасности и правосудия, миграционный кризис, миграция, убежища, пограничный контроль.

В 2013 г. мы уже обращались к вопросам, связанным с развитием ЕПСБП в свете кризисных явлений в ЕС в начале второго десятилетия XXI века [Войников, 2013: 82]. Поводом для этого послужили события, связанные с массовым притоком нелегальных иммигрантов в Италию и последовавший за этим франко-итальянский конфликт.

Весной 2011 г. несколько десятков тысяч нелегалов из стран Северной Африки прибыли на итальянский остров Лампедуза [Зонова, 2011]. Италия, не получив за-

© **Войников Вадим Валентинович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Балтийского Федерального университета им. И. Канта. **Адрес:** 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14.
E-mail: voinicov@yandex.ru

прошенной поддержки из ЕС, приступила к выдаче иммигрантам документов, дающих право свободно передвигаться по территории всего шенгенского пространства. С указанными документами иммигранты направились во Францию, в ответ на это французские власти временно восстановили контроль на границе с Италией в районе города Вентимилья с целью недопущения на свою территорию североафриканских иммигрантов [Соколов, 2011].

Однако в тот момент невозможно было представить какие масштабы приобретёт европейский миграционный кризис!

В 2015 г. было зафиксировано 1 820 000 случаев нелегального въезда на территорию государств – членов ЕС [Frontex Risk ..., 2016], что в шесть раз превышает аналогичный показатель за предыдущий год и в тринадцать раз превышает показатель за 2011 г., когда происходили события в Лампедузе [FRAN Quarterly..., 2011].

Таким образом, само понятие “европейский миграционный кризис 2015 года” можно определить как ситуацию, связанную со значительным увеличением потока нелегальных иммигрантов из регионов Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии в страны ЕС, а также неготовностью Европейского Союза к сдерживанию и эффективному распределению указанного потока.

Европейский миграционный кризис повлёк за собой такие последствия, при которых Европейский Союз вынужден был не только предложить отдельные законодательные инициативы, а провести масштабную реформу всей политики в области пространства свободы, безопасности и правосудия.

ЕПБСП представляет собой одну из политик ЕС, направленную на обеспечение свободного передвижения лиц во взаимосвязи с контролем внешних границ, предоставлением убежища, иммиграцией, а также предотвращением преступности и борьбы с нею [Treaty on European Union, 2009].

ЕПБСП традиционно включает в себя три относительно самостоятельные сферы, которые соответственно обозначаются, как “свобода”, “безопасность”, “правосудие”. В рассматриваемом контексте в понятие “свобода” входит свобода передвижения граждан, пограничный контроль, иммиграция, предоставление убежища; в понятие “безопасность” – обеспечение внутренней и внешней безопасности (борьба с организованной преступностью, терроризмом, торговлей наркотиками и т.д.); в понятие “правосудие” – осуществление тесного взаимодействия и правовой помощи по гражданским и уголовным делам.

Первым формальным ответом ЕС на вызовы, обусловленные миграционным кризисом, следует назвать Сообщение Европейской Комиссии от 13 мая 2015 года, получившее название “Европейская повестка дня по миграции” [Communication A European Agenda on Migration, 2015].

Европейская Комиссия обозначила ряд законодательных и организационных мер, которые должны способствовать более эффективной борьбе с нелегальной иммиграцией и условиями, способствующими её росту [Войников, 2015: 73].

Однако по сути “Европейская повестка дня по миграции” во многом повторяет меры, обозначенные Европейской Комиссией с самого начала формирования общей иммиграционной политики ЕС [Потемкина, 2015: 29].

Европейская Комиссия назвала четыре направления реформ, которые должны были улучшить миграционную ситуацию в Европе (*Four Pillars to Manage Migration Better*): борьба с нелегальной иммиграцией; управление границами; система предоставления убежищ и система легальной иммиграции.

Европейская повестка дня по миграции дала направления реформирования ЕПСБП, которое в дальнейшем было дополнено и конкретизировано с учётом изменения политической ситуации.

На сегодняшний день можно выделить следующие направления реформирования ЕПСБП, обусловленные миграционным кризисом 2015 года:

- реформа законодательства о границах;
- реформа законодательства о предоставлении убежища;
- реформа иммиграционного законодательства;
- реформа визового законодательства.

Реформа законодательства о границах

Анализ европейской повестки дня показывает то, что Европейский Союз наметил существенное реформирование всей системы пограничного контроля, как в области охраны внешних границ, так и в сфере пограничных проверок.

Ключевой инициативой в данной сфере следует назвать создание Европейской пограничной и береговой службы.

14 сентября 2016 г. посредством т. н. письменной процедуры был принят регламент о Европейской пограничной и береговой службе (ЕПБС) [Regulation (EU) 2016/1624, 2016].

Вопреки своему названию Европейская пограничная и береговая служба не является новым органом ЕС. Исходя из смысла статьи 3 регламента о ЕПБС №2016/1624 Европейская пограничная и береговая служба является децентрализованным механизмом, состоящим из двух компонентов: наднационального в виде Агентства Европейской пограничной и береговой службы (бывшее Агентство Фронтекс) и национального в виде пограничных и береговых службы государств – членов ЕС.

Ранее действующее законодательство также выделяло два звена в области охраны границ: национальные пограничные службы и Агентство Фронтекс, отвечающее за координацию деятельности национальных служб. Однако даже формально указанные звенья не были объединены в одну систему.

Новый регламент концептуально изменил систему управления внешними границами [Rosenfeldt, 2016].

Ныне действующее законодательство предусматривает создание формально общей системы пограничного контроля, в которой часть функций реализуется на уровне ЕС Агентством ЕПБС посредством формирования технической и оперативной стратегии, а основная часть функций реализуется государствами – членами ЕС, при этом деятельность национальных пограничных служб должна соответствовать общеевропейской стратегии.

Основная цель ЕПБС состоит в выработке и осуществлении т.н. европейской системы комплексного управления внешними границами (*European integrated border management*). При этом реализация европейской системы комплексного управления внешними границами осуществляется в соответствии с принципом общей ответственности (*Shared responsibility*) Агентства ЕПБС и национальных пограничных служб государств-членов. При этом основная ответственность за охрану и контроль внешних границ возлагается в первую очередь на государства-члены, которые выполняют данные функции в своих интересах и интересах всего Союза.

Анализ регламента о ЕПБС позволяет сделать вывод о том, что посредством данной реформы ЕС усиливает наднациональный компонент в системе управления общими границами. При этом основная ответственность по охране внешних границ, как и прежде, возлагается на государства-члены.

Вместе с тем ЕС, сохраняя независимость национальных пограничных ведомств, фактически обязывает их действовать в соответствии с общесоюзными правилами. Одним из наиболее ярких примеров этого является т.н. право на вмешательство (*Right to intervene*).

Согласно статье 19 Регламента, в исключительных ситуациях, требующих срочных действий, Совет на основе предложения Комиссии вправе принимать решение о мерах по ликвидации чрезвычайной ситуации на внешней границе. При этом такие мероприятия должны реализовываться Агентством ЕПБС совместно с заинтересованным государством – членом ЕС.

Такое решение обязательно для государства – члена ЕС, однако Агентство ЕПБС обязано согласовывать с ним оперативный план по осуществлению пограничных мероприятий. При этом отказ заинтересованного государства-члена от исполнения решения Совета влечёт для такой страны санкции в виде временного восстановления контроля на внутренних границах.

Представляется, что данное положение не в полной мере соответствует основополагающему праву ЕС.

В соответствии со статьей 5 (1) договора о ЕС Европейский Союз осуществляет свои функции в соответствии с принципом делегированных полномочий, согласно которому Союз действует только в пределах компетенции, которую предоставили ему в Договорах государства-члены для достижения целей, установленных этими договорами. Любая компетенция, не предоставленная Союзу в договорах, принадлежит государствам-членам. Положения договора о функционировании ЕС не делегируют Союзу компетенцию в области охраны государственных границ, соответственно ЕС не вправе давать государствам-членам обязательные для исполнения указания в данной области.

В связи с этим положения регламента, касающиеся “права на вмешательство”, можно квалифицировать как попытку со стороны ЕС вторгнуться в сферу национального суверенитета.

Создание Европейской пограничной и береговой службы предполагает расширение полномочий Агентства ЕПБС, увеличение его финансирования и штата. В соответствии с регламентом на Агентство ЕПБС возлагаются обязанности по созданию международной пограничной группы быстрого реагирования в составе как минимум 1500 сотрудников национальных пограничных служб, которые должны быть мобилизованы по решению Агентства в течение пяти рабочих дней (статья 20 регламента).

Европейский миграционный кризис вызвал также изменения в области организации пропуска через внешние границы Союза.

Помимо реформирования Агентства Фронтекс европейская повестка дня по миграции предусматривала модификацию ранее внесенного законопроекта, получившего название “умные границы” (*Smart borders*).

6 апреля 2016 г. Европейская Комиссия подготовила новый пакет законопроектов по внедрению программы “умные границы”. Новый пакет состоит из двух законопроектов: регламента о создании системы регистрации въезда/выезда [*Proposal*

for a Regulation, 2016d] и регламента о внесении изменений в Шенгенский кодекс о границах в части использования системы регистрации въезда/выезда [Proposal for a Regulation, 2016c].

Система регистрации въезда/выезда позволяет записывать и сохранять информацию о дате, времени и месте въезда и выезда иностранного гражданина для целей подсчёта продолжительности его пребывания в шенгенском пространстве. В случае превышения разрешённого срока пребывания система автоматически подаст соответствующий сигнал правоохранительным органам государств – членов ЕС.

Посредством введения мер регистрации въезда/выезда ЕС пытается сделать систему организации пропуска физических лиц через внешние границы Союза более эффективной, что, в свою очередь, позволит, с одной стороны, улучшить порядок пересечения границы законопослушными гражданами, а с другой – повысить уровень борьбы с нелегальной иммиграцией.

Реформа законодательства о предоставлении убежища

Согласно Европейской повестке дня по миграции, одним из ключевых мероприятий в рамках ответа на миграционный кризис в Европе должно стать улучшение системы убежища на территории ЕС.

6 апреля 2016 г. Европейская комиссия подготовила Сообщение для Европейского парламента и Совета ЕС о путях реформирования Общей Европейской системы предоставления убежища и расширения легальных путей в Европу [Communication, 2016c].

Указанное Сообщение следует рассматривать как план по дальнейшей имплементации мер в области убежища и легальной иммиграции, предусмотренных Европейской повесткой дня по миграции. С точки зрения структуры в сообщении можно выделить два основных блока: меры, касающиеся реформирования европейской системы предоставления убежища, и меры, касающиеся реформирования иммиграционной политики ЕС.

В области европейской системы предоставления убежища Комиссия выделила пять приоритетных направлений.

1. Создание устойчивой и справедливой системы для определения государства-члена, ответственного за рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища (Дублинские критерии).

2. Достижение большей конвергенции и предотвращение практики обращения за убежищем в нескольких странах (*Asylum shopping*).

3. Предотвращение практики нелегальных перемещений лиц, ищущих убежища внутри ЕС.

4. Реформирование службы по оказанию содействия в предоставлении убежищ (*European Asylum Support Office (EASO)*).

5. Расширение возможностей европейской дактилоскопической системы (*Eurodac*).

В рамках реализации мероприятий, предусмотренных Сообщением Комиссии от 6 апреля 2016 года, за короткий период Европейская Комиссия подготовила семь законопроектов по ключевым вопросам общей европейской системы предоставления убежищ:

1. Проект новой редакции Регламента № 604/2013 Европейского парламента и Совета ЕС, устанавливающего критерии и механизмы определения государства-члена ЕС, ответственного за рассмотрение запроса о предоставлении убежища (Дублин III) [Proposal for a Regulation, 2016e].

2. Проект Регламента Европейского парламента и Совета ЕС об Агентстве Европейского Союза по вопросам убежища [Proposal for a Regulation, 2016f].

3. Проект нового Регламента Европейского парламента и Совета ЕС, устанавливающего Европейскую дактилоскопическую систему [Proposal for a Regulation, 2016g].

4. Проект Регламента Европейского парламента и Совета ЕС, устанавливающего общую процедуру международной защиты в ЕС [Proposal for a Regulation, 2016h].

5. Проект Регламента Европейского парламента и Совета ЕС о стандартах для квалификации граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве лиц, нуждающихся в международной защите (Квалификационный регламент) [Proposal for a Regulation, 2016i].

6. Проект директивы Европейского парламента и Совета ЕС об установлении стандартов приёма лиц, ходатайствующих о международной защите [Proposal for a Directive, 2016a].

7. Проект Регламента Европейского парламента и Совета ЕС, устанавливающего Союзную систему по переселению лиц, нуждающихся в международной защите [Proposal for a Regulation, 2016j].

Предложенные законопроекты позволяют сделать вывод о том, что Европейская Комиссия намерена осуществить полномасштабную реформу системы предоставления убежищ в ЕС, которая будет охватывать практически все аспекты данной политики. Планируемая реформа предполагает усиление наднациональной составляющей в политике предоставления убежища в рамках Европейского Союза. Характерной особенностью является также изменение формы правового регулирования. Если нормативные акты в первоначальный период развития политики предоставления убежищ принимались в форме директив, то сейчас основным источником права являются регламенты. Данное обстоятельство вызвано тем, что директивы в области убежища содержали слишком широкие возможности для их произвольной имплементации, что породило значительные расхождения в правовом регулировании предоставления убежищ между различными государствами – членами ЕС [Trauner, Servent, 2015].

Реформа иммиграционного законодательства

Второй блок мероприятий, предусмотренных Сообщением Комиссии от 6 апреля 2016 г., касался повышения эффективности политики ЕС в области легальной иммиграции.

Миграционный кризис 2015 года продемонстрировал необходимость совершенствования политики в отношении легальной иммиграции, посредством которой были бы расширены пути переезда в страны ЕС для законопослушных граждан. По мнению Европейской Комиссии, наличие легальных путей переезда в Европу заставило бы многих иммигрантов отказаться от рискованных и незаконных путешествий в страны ЕС и использовать легальные пути. Таким образом, развитие ле-

гальной иммиграции можно рассматривать как одно из средств борьбы с незаконной иммиграцией.

В области легальной иммиграции Европейская Комиссия обозначила пять основных мероприятий:

1. Реформа законодательства о привлечении высококвалифицированных специалистов (Директива о Европейской голубой карте).

25 мая 2009 года была принята директива, касающаяся условий въезда и пребывания иностранцев с целью трудоустройства для выполнения высококвалифицированной работы [Council Directive 2009/50/EC, 2009].

Данная директива устанавливает гармонизированную систему въезда и трудоустройства на территории ЕС высококвалифицированных специалистов из третьих стран. Было бы ошибкой считать то, что реформа законодательства о голубой карте вызвана миграционным кризисом 2015 года. Очевидно, что целевая группа, на которую рассчитана система Европейской голубой карты, не соответствует тем категориям иммигрантов, которые в массовом порядке нелегально прибыли в страны ЕС.

Скорее всего, реформирование системы Европейской голубой карты связано с объективными причинами, возникшими в период имплементации данной системы.

В июне 2016 года Комиссия представила новый проект директивы о Европейской голубой карте [Proposal for a Directive, 2016b].

Проект новой директивы предлагает более гармонизированный, упрощенный и рациональный подход к привлечению высококвалифицированных работников в страны ЕС, что должно привести к повышению эффективности и привлекательности данной системы.

2. Меры по привлечению инновационных предпринимателей в ЕС.

Данная мера направлена на привлечение в страны ЕС предпринимателей из третьих стран, готовых развивать сферу высоких технологий, а также реализовывать иные инновационные проекты.

Исходя из анализа сообщения Комиссии от 6 апреля 2016 года следует, что сама Комиссия пока не определила правовую форму реализации данной идеи. Возможно, это будет реализовано посредством разработки общеевропейских правил, касающихся привлечения иностранных предпринимателей в сферу инноваций.

3. Развитие более последовательной и эффективной модели правового регулирования миграции на уровне ЕС.

Данная мера, как и предыдущая, в сообщении Комиссии не конкретизирована.

Комиссия признала необходимым приступить к исследованию вопроса о возможной разработке механизма на уровне ЕС, который будет направлен на улучшение прозрачности и облегчения согласования между потенциальными мигрантами и работодателями.

В рамках обозначенного мероприятия можно также назвать принятие в мае 2016 года новой директивы об условиях въезда и пребывания иностранцев для научных, учебных и иных целей [Directive (EU) 2016/801, 2016], которая устанавливает новые правила въезда иностранцев для осуществления научной и учебной деятельности. Данная директива должна заменить соответствующие директивы в области научной [Council Directive 2005/71/EC, 2005] и учебной иммиграции [Council Directive 2004/114/EC, 2004].

4. Развитие сотрудничества с третьими странами, главным образом со странами – донорами иммиграции в ЕС.

Сотрудничество со странами – донорами иммиграции и со странами транзита является одним из ключевых элементов любой иммиграционной политики. В данном отношении Европейская Комиссия не предложила никаких принципиально новых идей, подтвердив необходимость и значимость данного сотрудничества.

5. Развитие политики ЕС в области интеграции иммигрантов в принимающее сообщество.

Эффективная система интеграции иммигрантов в принимающее сообщество также является постоянным элементом любой иммиграционной политики.

В сообщении от 6 апреля 2016 года Комиссия ещё раз отметила важность эффективной интеграции легальных иммигрантов как в свете недавних проблем, вызванных миграционным кризисом, так и в свете будущих проблем, связанных с миграцией. Кроме того, Комиссия выразила намерение активизировать свою работу по интеграции иностранцев посредством подготовки плана действий ЕС по интеграции, который был представлен 7 июня 2016 года [Communication , 2016b].

В целом план по интеграции предусматривает стандартный перечень мероприятий, связанных с обеспечением доступа иммигрантов к образованию, здравоохранению, языковым курсам, расширение возможности для трудоустройства и т.д.

В качестве новеллы следует назвать увязку программ интеграции с т.н. европейской схемой переселения (*European resettlement scheme*) и со схемой переселения иммигрантов в рамках договоренностей между ЕС и Турцией¹. Под указанной системой следует понимать перемещение иностранных граждан, нуждающихся в международной защите, с территории третьей страны в страны ЕС. В этой связи Комиссия предлагает осуществлять начальные мероприятия по интеграции иммигрантов на ранних стадиях – до отъезда и до прибытия в страны ЕС (*Pre-departure/pre-arrival measures*).

Реформа визового законодательства

Причина реформирования визового законодательства связана с двумя обстоятельствами: европейским миграционным кризисом и продолжением процесса визовой либерализации со странами Восточной Европы.

Весной 2016 года Европейская Комиссия представила ряд законопроектов об отмене визовых требований для граждан Грузии, Украины, Турции и частично признанного государства Косово. Однако, по мнению ряда государств – членов ЕС, в условиях текущего миграционного кризиса отмена визовых требований в отношении граждан указанных выше стран представлялась весьма рискованным шагом.

В этой связи Европейская Комиссия приняла решение пересмотреть существующий механизм приостановки безвизового режима (*Visa suspension mechanism*) [Proposal for Regulation, 2016k].

Первоначально механизм приостановки безвизового режима был введен в 2013 году в соответствии с регламентом Совета и Парламента №1289/2013 [Regulation (EU) No 1289/2013, 2013]. Данный механизм предусматривал условия, а также процедуру временного восстановления визового режима в отношении граждан третьего государства.

¹ См. EU-Turkey statement, 18 March 2016, <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18-eu-turkey-statement/>

Предложенный Комиссией в мае 2016 года законопроект предусматривал упрощение процедуры восстановления визового режима, а также сокращение сроков для рассмотрения данного вопроса. Основная цель изменения механизма временного восстановления визового режима заключалась в том, чтобы усилить данный механизм и сделать его более гибким и доступным для государств-членов.

Компромисс по законопроекту был достигнут между Советом, Парламентом и Комиссией 7 декабря 2016 года¹.

В итоговом варианте документа были расширены основания для приостановки безвизового режима, сокращены сроки и упрощена процедура принятия соответствующего решения. Кроме того, с шести до двух месяцев сокращен период, на основе которого делается оценка наличия обстоятельств для временного восстановления визового режима.

Следует отметить то, что данный механизм имеет общее применение и распространяется на все государства, независимо от способа установления безвизовых отношений.

Очевидно, что посредством изменения механизма временного восстановления визового режима Европейская Комиссия старается обеспечить баланс между необходимостью укрепления внешних границ и желанием продолжить политику визовой либерализации в отношении “лояльных” государств.

Принятие регламента Совета и Парламента об изменении механизма временного восстановления визового режима формально открывает путь для завершения процедуры визовой либерализации для Украины и Грузии. Вместе с тем, во-первых, изменение механизма временного восстановления визового режима не является гарантией отмены виз для указанных государств, во-вторых, даже в случае введения безвизового режима его сохранение не может быть гарантированным.

На основе анализа рассмотренных проектов изменений законодательства в сфере ЕПБСП можно сделать вывод о том, что реформирование было направлено главным образом на сферу миграции, пограничного контроля, визовой политики и политики предоставления убежища, т.е. тех сфер, которые традиционно относятся к первому элементу пространства – “свобода”. При этом два остальных элемента “безопасность” и “правосудие” пока не затрагиваются существенным образом.

Текущий миграционный кризис является самым серьезным вызовом за все время существования ЕПБСП, который способен поставить по угрозу саму идею пространства без внутренних границ.

Реакция Европейского Союза на миграционный кризис свидетельствует о желании ЕС укрепить ЕПБСП посредством усиления наднациональной составляющей его механизмов. Иными словами, ЕС пытается повысить роль наднациональных институтов в осуществлении политики в рассматриваемой нами области.

Данная идея поддерживается не всеми государствами-членами, которые стремятся сохранить контроль в такой чувствительной сфере, как регулирование порядка въезда и передвижения иностранцев. По данной причине принятие многих законопроектов в сфере реформирования ЕПБСП осложняется непростыми согласительными процедурами. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что госу-

¹ См. Visa suspension mechanism: Council confirms agreement with Parliament, <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/12/07-visa-suspension-mechanism/>

дарства-члены по-прежнему сохраняют ключевую роль в реализации политики в области ЕПБСП [Trauner, Servent, 2015].

Представляется, что намеченные реформы могут привести к необходимости пересмотра учредительных договоров ЕС, поскольку дальнейшее движение на пути усиления роли его институтов в ЕПБСП будет невозможным ввиду ограниченности компетенции самого Союза. При этом реформа конституционных основ ЕС в настоящий момент представляется трудноосуществимой задачей ввиду усиления роли евроскептиков в странах ЕС.

Список литературы

Войников В.В. (2015) Правовые аспекты политики Европейского союза по борьбе с незаконной иммиграцией // *Балтийский регион*. 2015. № 4 (26). С. 73–89,

Войников В.В. (2013) Кризис в Европе и проблема реформирования законодательства в сфере европейского пространства свободы, безопасности и правосудия // *Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения* / Под ред. Ал. А. Громыко, М.: Ин-т Европы РАН, с. 82–93

Зонова Т. (2011) Италия: вызовы иммиграции, URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=52#top (дата обращения: 26.12.2016)

Потемкина О.Ю. (2015) “Европейская повестка дня по миграции” – новый поворот в иммиграционной политике ЕС? // *Современная Европа*. № 4 (64). С. 29.

Соколов А. (2011) Выдержит ли остров Лампедуза? // *Вся Европа*, №4 (54), 2011, URL: <http://www.alieuropa.ru/vidierzhit-li-ostrov-lampeduza> (дата обращения: 26.12.2016)

References

Communication from the commission to the European parliament and the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions a European Agenda on Migration, 2015// URL: https://ec.europa.eu/anti-trafficking/sites/antitrafficking/files/communication_on_the_european_agenda_on_migration_en.pdf (accessed date: 05.09.2016).

Communication from the Commission to the European Parliament and the Council towards a reform of the common European asylum system and enhancing legal avenues to Europe COM/2016/0197 final, 2016a, URL:<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52016DC0197&from=en> (accessed date: 26.12.2016).

Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Action Plan on the integration of third country nationals COM(2016) 377, 2016b.

Consolidated version of the Treaty on European Union. OJ C 326, 26.10.2012, p. 13–390.

Council Directive 2004/114/EC of 13 December 2004 on the conditions of admission of third-country nationals for the purposes of studies, pupil exchange, unremunerated training or voluntary service, Official Journal L 375, 23.12.2004, p. 12–18.

Council Directive 2005/71/EC of 12 October 2005 on a specific procedure for admitting third-country nationals for the purposes of scientific research, Official Journal L 289, 03/11/2005 P. 0015 – 0022.

Council Directive 2009/50/EC of 25 May 2009 on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purposes of highly qualified employment, Official Journal L 155, 18.6.2009, p. 17–29.

Directive (EU) 2016/801 of the European Parliament and of the Council of 11 May 2016 on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purposes of research, studies, training, voluntary service, pupil exchange schemes or educational projects and au pairing, Official Journal L 132, 21.5.2016, p. 21–57.

EU-Turkey statement, 18 March 2016, URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18-eu-turkey-statement/> (accessed date: 24.12.2016).

Florian Trauner Ariadna Ripoll Servent The Communitarization of the Area of Freedom, Security and Justice: Why Institutional Change does not Translate into Policy Change, <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jcms.12397/full> (accessed date: 26.12.2016).

FRAN Quarterly Issue 4 October–December 2011, URL: http://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/FRAN_Q4_2011.pdf (accessed date: 26.12.2016).

Frontex Risk analysis for 2016 //URL: URL: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Annula_Risk_Analysis_2016.pdf (accessed date: 26.12.2016).

Herbert Rosenfeldt. Establishing the European Border and Coast Guard: all-new or Frontex reloaded? URL: <http://eulawanalysis.blogspot.ru/2016/10/establishing-european-border-and-coast.html> (accessed date: 26.12.2016).

Potemkina O.U. (2015) *Europeiskay povestka dny po migracii – noviy povorot v immigracionnoi politike ES // Sovremennay Europa*. 2015. № 4 (64). C. 29.

Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council laying down standards for the reception of applicants for international protection COM/2016/0465 final - 2016/0222 (COD), 2016a.

Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purposes of highly skilled employment COM(2016) 378, 2016b.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EU) 2016/399 as regards the use of the Entry/Exit System. COM/2016/0196 final - 2016/0105 (COD), 2016c.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing an Entry/Exit System (EES) to register entry and exit data and refusal of entry data of third country nationals crossing the external borders of the Member States of the European Union and determining the conditions for access to the EES for law enforcement purposes and amending Regulation (EC) No 767/2008 and Regulation (EU) No 1077/2011. COM/2016/0194 final - 2016/0106 (COD), 2016d.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third-country national or a stateless person COM/2016/0270 final/2 - 2016/0133 (COD), 2016e.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on the European Union Agency for Asylum and repealing Regulation (EU) No 439/2010 COM/2016/0271 final - 2016/0131 (COD), 2016f.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on the establishment of 'Eurodac' for the comparison of fingerprints for the effective application of Regulation (EU) No 604/2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third-country national or a stateless person], for identifying an illegally staying third-country national or stateless person and on requests for the comparison with Eurodac data by Member States' law enforcement authorities and Europol for law enforcement purposes COM/2016/0272 final/2 - 2016/0132 (COD), 2016g.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a common procedure for international protection in the Union and repealing Directive 2013/32/EU COM/2016/0467 final, 2016h.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on standards for the qualification of third-country nationals or stateless persons as beneficiaries of international protection, for a uniform status for refugees or for persons eligible for subsidiary protection and for the content of the protection granted and amending Council Directive 2003/109/EC of 25 November 2003 concerning the status of third-country nationals who are long-term residents COM/2016/0466 final, 2016i.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a Union Resettlement Framework and amending Regulation (EU) No 516/2014 of the European Parliament and the Council COM/2016/0468 final - 2016/0225 (COD), 2016j.

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EC) No 539/2001 listing the third countries whose nationals must be in possession of visas when crossing the external

borders and those whose nationals are exempt from that requirement (revision of the suspension mechanism) COM/2016/0290 final - 2016/0142 (COD), 2016k.

Regulation (EU) 2016/1624 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2016 on the European Border and Coast Guard and amending Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council and repealing Regulation (EC) No 863/2007 of the European Parliament and of the Council, Council Regulation (EC) No 2007/2004 and Council Decision 2005/267/EC. Official Journal L 251, 16.9.2016, p. 1–76.

Regulation (EU) No 1289/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 amending Council Regulation (EC) No 539/2001 listing the third countries whose nationals must be in possession of visas when crossing the external borders and those whose nationals are exempt from that requirement, Official Journal L 347, 20.12.2013, p. 74–80.

Sokolov A. (2011) Viderzit li ostrov Lampedusa? // *Vsy Europa*, № 4 (54), 2011, <http://www.alieuropa.ru/viderzhit-li-ostrov-lampeduza> (accessed date: 26.12.2016).

Visa suspension mechanism: Council confirms agreement with Parliament, URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/12/07-visa-suspension-mechanism/> (accessed date: 24.12.2016).

Voynikov V.V. (2013) Krisis v Europe I problema reformirovaniya zakonodatelstva v sfere uropeiskogo prostranstva svobody, bezopasnosti I pravosudia // *Bolshay Europa v globalnom mire: novye vysovy – novye reshenia* / Pod. Red. Al.A. Gromyko, M, In-t Evropy RAN, 2013, s. 82–93.

Voynikov V.V. (2015) Pravovie aspekty politiki Evropeiskogo Sousa v borbe s nezakonnoi immigraciei // *Baltiiskii region*. 2015/№ 4 (26). С. 73–89.

Zonova T. (2011) Italia: vysovy immigracii // URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=52#top (accessed date: 26.12.2016).

The European area of freedom, security and justice and Europe's migration crisis

Author. Voynikov V., Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International and European Law of the Baltic Federal University I. Kant. **Address:** 14, ul. A. Nevsky, Kaliningrad, 236041. **E-mail:** voynicov@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the changes in the EU area of freedom, security and justice, caused by the migration crisis of 2015. This crisis revealed a number of mistakes in the field of external border management of the Union, which forced the EU member states to review its policy. The author analyzes the main directions of the reform of EU legislation in the field of the European area of freedom, security and justice, identified major trends and examines the key initiatives in this area. Analysis of legislative proposals shows that the reform affects mainly the sphere of border control, immigration, asylum and visa policy. The author concludes that the response of the European Union on migration crisis demonstrates the EU's wish to strengthen the European area of freedom, security by strengthening supranational component of its mechanism, but the EU member state are not always willing to give up part of their sovereignty in this sensitive area.

Keywords: European area of freedom, security and justice, migration crisis, migration, asylum, border control.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220174354>

УДК 327(470+571+4) |20|

Юрий ГОЛУБ,

Денис АЛЕКСЕЕВ*

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И ЗАПАДА

Аннотация. В статье авторы анализируют современные изменения и тенденции в сфере европейской безопасности в контексте нового формата взаимоотношений России со странами Европейского Союза и НАТО. Рассматриваются различные аспекты модернизации военной инфраструктуры и стратегического планирования стран Европейского Союза и НАТО и их влияние на поддержание и перспективы поиска нового баланса сил и интересов в восточно-европейском регионе в условиях формирования новых вызовов и угроз в их российском и западном восприятии. Авторы выдвигают тезис о том, что возвращение в повестку вопросов взаимного сдерживания является новой формой поддержания стабильности в вопросах европейской безопасности, что может на долгое время определить логику взаимодействия между Россией и странами Запада.

Ключевые слова: Европейский Союз, Россия, НАТО, внешняя политика, европейская безопасность.

Современную повестку дня европейской безопасности отличает волатильность и быстрое нарастание неопределённости. Причём подчас по таким аспектам, которые ранее не воспринимались как серьёзный вызов внутриевропейской стабильности и целостности, единству в вопросах евроинтеграции. Всё это заставляет современную Европу вновь задуматься о том, каким образом отвечать на возникающие угрозы, ей предстоит серьёзно пересмотреть приоритеты в их отражении.

Многokrатно возросший поток мигрантов из стран Азии и Африки не только обострил социальную и религиозную напряжённость, но и заметно увеличил опасность усиления экстремизма и терроризма. Рост внутренней напряжённости в ЕС ведёт к обострению разногласий в политике. Самым ярким примером этого стал

© Голуб Юрий Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. **Адрес:** 410012, Саратов, Астраханская ул., 83, **E-mail:** goloub@sgu.ru

Алексеев Денис Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. **Адрес:** 410012, Саратов, Астраханская ул., 83, **E-mail:** alexeyevds@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220175564>

брекзит – выход Великобритании из ЕС в результате проведённого референдума. Все это на фоне экономических сложностей в некоторых странах-членах формирует принципиально новую повестку дня для Европейского Союза, серьёзно отличающуюся от той, что наблюдалась еще три-пять лет назад. Указанные процессы заставляют по-новому взглянуть и на характер изменений в европейской политике безопасности и обороны.

В ряду новых вызовов и угроз европейской безопасности выделяется конфликт на Украине и вызванный им рост напряжённости в отношениях России и Запада. Данный процесс связан с введением экономических санкций и политическим давлением на Россию на различных международных площадках. Всё это во всё большей степени начинает определять и оборонную политику стран – членов ЕС и Союза в целом. Замороженные конфликты на постсоветском пространстве, осложнение ситуации в связи с непрекращающимся противостоянием на Юго-Востоке Украины, а также связанное с этим серьёзное ухудшение отношений с Россией формируют новую, иную логику европейской безопасности, взамен той, которая сложилась после распада СССР. Именно этот процесс, на наш взгляд, набирает силу в настоящее время, предопределяя структурные и доктринальные изменения будущих контуров европейской безопасности.

Очевидно и то, что стержень будущей структуры будет так или иначе строиться вокруг взаимоотношений Россия – ЕС – НАТО. Какими же видятся черты будущей системы сегодня, и каким образом Россия будет встроена в этот процесс? Ответ на этот вопрос может быть найден посредством анализа нынешних тенденций в отношениях между Россией и Западом в области безопасности и обороны. В последние годы наметился устойчивый крен в сторону риторики холодной войны. Россию всё чаще обвиняют в стремлении к расширению своего влияния на сопредельные государства, используя в том числе методы так называемой гибридной войны.

Новая глобальная стратегия ЕС в области внешней политики и безопасности, представленная в июне 2016 г., определяет Россию как вызов для безопасности объединённой Европы. Причём этот вызов связывают исключительно с событиями в Крыму и на Юго-Востоке Украины [Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy, 2016].

НАТО постепенно наращивает группировку войск на своих восточных границах, ссылаясь на рост возможных угроз со стороны России. Российская Федерация, в свою очередь, отвечает аналогичными мерами на своих западных границах, среди которых не только размещение новых воинских контингентов, но и укрепление зоны ограничения доступа и запрета маневра (A2/AD) за счёт РЛС и ракетных комплексов “Искандер” и “Бастيون”. Однако в сценарий военного столкновения, похоже, не верит никто. К чему же может привести укрепление военного потенциала взаимного сдерживания в условиях роста напряжённости в международных отношениях?

В докладе, подготовленном корпорацией РЭНД в июне 2016 г., утверждается, что российским вооружённым силам достаточно шестидесяти часов для того, чтобы занять столицы прибалтийских государств, действуя силами Западного военного округа [David A. Shlapak, Michael Johnson, 2016]. Аналогичные опасения и прогнозы высказывает и целый ряд других экспертов и наблюдателей. Однако никто из комментаторов не объясняет причин, которые даже гипотетически могли бы подтолкнуть Москву к такого рода шагам. Опасения относительно инфраструктуры

НАТО, приблизившейся вплотную к российским границам, имеют место уже много лет – с момента вступления прибалтийских стран в Альянс, но они не воспринимались странами НАТО как возможная причина российской агрессии в отношении стран Балтии. Утверждают, что события в Крыму и на Юго-Востоке Украины дают основания для таких предположений. С этим трудно согласиться. Западные эксперты признают, что для России вооружённый конфликт со странами НАТО, превосходящими в совокупности её в военном, экономическом и технологическом отношении, обернулся бы тяжёлыми, неприемлемыми для неё последствиями.

Возникает парадокс: Россия, как утверждается, может стать “агрессором” в отношении стран Балтии, однако для неё это было бы катастрофическим сценарием. В этой логике Кремль предстаёт неким иррациональным игроком, который при определённых обстоятельствах может пожертвовать всем ради достижения эфемерной цели восстановления своего влияния в Прибалтике и, возможно, в Северном Причерноморье. Однако есть серьёзные сомнения, что подобное иррациональное поведение является частью политической культуры современной России.

Дело, наверное, не в этом, а в том, что появление в повестке дня НАТО вновь функции сдерживания России возвращает организации смысл её существования, чему во многом способствуют реальные или надуманные опасения стран – соседей России, союзников по Альянсу в Центральной Европе и Прибалтике.

Обосновывая свои прогнозы, западные аналитики ссылаются на новую Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, в которой НАТО и США определяются как источники угроз для РФ [Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 “О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации”, 2015]. Кроме того, по их мнению, конфликт на Украине будет затяжным, и это якобы является стратегической целью России. Россия, утверждают они, опасается распространения цветных революций, что также добавляет нервозности в её политическом поведении [Preparing for the Cold: NATO and Eastern European Responses to Russian Military Activism, 2016]. Всё это вместе взятое убеждает Россию в необходимости мобилизации по всем стратегическим направлениям, прежде всего в военном отношении, для формирования более приемлемого для неё военно-политического баланса в регионе и в мире. Тем более что такая мобилизация вписывается в общую стратегическую нестабильность в мире в последние годы [Andrew Monaghan, 2016]. Имеется в виду масштабный мировой экономический кризис, рост напряжённости на Ближнем Востоке, обострение конфликтов на постсоветском пространстве и в АТР. Этими же причинами объясняется и повышенное внимание к проблемам безопасности в самих странах Запада. Таким образом, происходит своего рода зеркальный процесс, который, однако, не всегда беспристрастно оценивается западными наблюдателями, предпочитающими делать акцент прежде всего на изменениях в российской политике.

В частности, отмечается существенный рост расходов на оборону, который происходит в последние годы в России. Согласно отчёту о военных расходах за 2015 год, направленного Россией в Управление ООН по вопросам разоружения (UNODA), они возросли на 48%, или приблизительно 5,3% ВВП [Ткачев И., Бочарова С., Макаров О., 2016]. А согласно оценкам Совета по международным делам США, затраты РФ на оборону увеличились на 100% за последнее десятилетие, что, по мнению его экспертов, является беспрецедентным в новейшей истории России [Stephen Sestanovich, 2016]. Похожие данные предоставляет Стокгольмский инсти-

тут исследований проблем мира (SIPRI), по данным которого, расходы РФ на оборону за период с 2006 по 2015 г. увеличились на 91% [Trends In World Military Expenditure, 2016].

Представители западных аналитических центров полагают, что Россия не заинтересована в мирном урегулировании конфликта на Украине и не собирается выполнять взятые на себя в Минске обязательства. Как считается, Россия заинтересована в сохранении замороженного конфликта как минимум до 2019 г. для оказания влияния на процесс будущих президентских выборов на Украине [Preparing for the Cold: NATO and Eastern European Responses to Russian Military Activism, 2016]. В этой связи необходимо, по мнению западных экспертов, сохранять экономические санкции, которые оказывают давление на российскую экономику, и будут препятствовать её дальнейшей “милитаризации”.

Своеобразным ответом на усиление России должно стать размещение подразделений армий стран – членов НАТО вдоль западных российских границ. Предполагается также начать трансформацию военного строительства в странах – соседях России, призванную постепенно придать вооружённым силам этих членов Альянса способность вести военные действия на восточном направлении в условиях конфликта высокой интенсивности.

Прошедший в июле 2016 г. в Варшаве саммит стран НАТО определил стратегические направления взаимодействия Альянса с Россией, которые укладываются в формулу трех составляющих: оборона, сдерживание и диалог. Так или иначе, все эти термины заимствованы из времён холодной войны и хотя в настоящий момент имеют несколько другую смысловую нагрузку, общий контекст и характеристика данной политики вполне очевидны. Тем более что задача сдерживания видится в настоящий момент первоочередной и призвана дополняться диалогом, который ещё предстоит налаживать. Таким образом, новый формат взаимодействия являет собой симбиоз практик времен холодной войны, характеризовавшихся довольно высоким уровнем взаимного недоверия и желания выстраивать новые отношения, ориентируясь исключительно на степень готовности партнёров к обсуждению и решению лишь отдельных проблем европейской безопасности.

Ещё 3 июня 2014 г. президент США Б. Обама провозгласил проект European Reassurance Initiative, направленный на укрепление военного присутствия в Европе и защиту союзников на континенте в случае возникновения вооружённого конфликта подобного украинскому (включающего и так называемые гибридные войны). Рост присутствия вооружённых сил США в Европе имеет основную цель убедить союзников в готовности США участвовать в обеспечении их безопасности. Данная инициатива формирует новую реальность в форматировании системы европейской безопасности после присоединения Крыма к России.

Расходы, запланированные на поддержание присутствия войск США в Европе к 2017 г., должны быть увеличены в четыре раза – с 750 млн до примерно 3,4 млрд долларов в год. При этом подчёркивается, что данные поправки в бюджет носят временный характер и могут быть быстро изменены, как только изменится конъюнктура. Таким образом, США оставляют для себя пространство для маневра. Основные денежные траты направляются США на поддержание присутствия и ротации войск и установку постоянного военного оборудования в странах НАТО на территории Европы (включая элементы ПРО). Ротация войск США, дислоцированных в Европе, будет осуществляться каждые девять месяцев. Основными региона-

ми присутствия станут Северная Италия, Южная Германия – контингенты постоянного базирования, Польша, Румыния, Болгария и страны Балтии – ротационное базирование [Nicholas R. Burns, James L. Jones, Jr., 2016].

Структурно ротационные силы США в том виде, в каком они были при администрации Обамы, будут представлять девять бригад, из которых три – в существующих зонах (в настоящее время Корея, Европа и Кувейт), три будут готовиться к их смене, а оставшиеся три в это время будут находиться на военных базах на территории США.

Большинство экспертов действительно отмечают слабую подготовленность армий восточноевропейских стран к действиям в условиях конфликта высокой интенсивности. Именно в этой связи НАТО намеревается разместить там ротационные силы. Помимо размещения войск к 2017 г. США планируют перебросить в зону приграничных с РФ стран военную технику для всех ротационных войск. Из восточноевропейских государств, пожалуй, наибольшие усилия для укрепления собственной обороноспособности в настоящий момент прилагает Польша. Варшава не только собирается увеличить численность своих вооружённых сил со 100 тысяч до 150 тысяч, но и реализовать программу по модернизации армии стоимостью около 35 млрд долларов [Richard Shirreff and Maciej Olex-Szczytowski, 2016]. Причём в эту программу входят комплексные меры по перевооружению армии тяжёлой военной техникой и созданию новой системы управления войсками, расширению возможностей ПВО и ракетных войск путём доведения возможной дальности поражения целей до 900 км.

Похожие модели модернизации, только несколько меньшего масштаба намечаются в Болгарии, Румынии и странах Балтии. Здесь программы перевооружения не столь амбициозны и менее затратны, чем в Польше. Но они также направлены на повышение боеготовности армий союзников на случай прямого столкновения с потенциальным противником. В случае со странами Балтии речь идёт о закупке нового стрелкового вооружения и бронетехники. При этом приоритет отдаётся приобретению уже бывших в употреблении в войсках западноевропейских государств бронетранспортёров и лёгких танков [Preparing for the Cold: NATO and Eastern European Responses to Russian Military Activism, 2016]. Вместе с тем стоит отметить, что в случае с балтийскими союзниками по НАТО, США предусматривают развертывание широкомасштабной программы военного сотрудничества, которая позволит компенсировать недостаточную оснащённость армий прибалтийских государств [Andrew Michta, 2016].

Указанные меры, в том числе ротационный принцип размещения войск в восточной Европе и Балтии, переносят центр тяжести военной инфраструктуры НАТО к границам РФ, что неизбежно будет провоцировать ответные действия с российской стороны.

Союзники НАТО в Западной Европе также прилагают большие усилия для укрепления своих вооружённых сил по трём основным направлениям:

- предоставление ротационных военных возможностей и вооружений для стран Балтии и Восточной Европы.
- перестройка принципов подготовки войск к новым задачам в связи с акцентом на укрепление восточных границ НАТО.
- перевооружение и модернизация собственных вооружённых сил за счёт наращивания закупок тяжёлой техники в войска и увеличения численности личного состава.

Однако в целом модернизация вооружённых сил в Европе всё же идёт достаточно медленными темпами, и усилия союзников по НАТО в этом вопросе остаются весьма скромными. США продолжают упрекать западноевропейские страны, что их военные бюджеты продолжают оставаться менее 2% ВВП. В настоящий момент только пять из двадцати восьми стран поддерживают расходы на оборону в размере рекомендуемых НАТО 2% ВВП. Большинство европейских стран – членов Альянса вплоть до 2015 г., напротив, снижали военные расходы.

Примечательно, что Германия впервые с момента окончания холодной войны предлагает в ближайшие несколько лет пойти на увеличение численного состава своих ВС. Кроме того, партнёры по НАТО возлагают большие надежды на то, что именно ФРГ сможет стать своеобразным стержнем европейской обороны и континентального военного строительства, особенно в свете недавнего выхода Британии из ЕС и растущих евроскептических настроений внутри Евросоюза.

К сказанному следует добавить, что наряду с трансформацией роли НАТО в европейской военно-политической повестке дня отмечается и новый всплеск голосов за усиление независимости Европы в вопросах обеспечения безопасности. И связано это не только с сохраняющимися расхождениями во взглядах между Вашингтоном и его европейскими союзниками на принципы поддержания безопасности по ряду важнейших проблем современности. Во многом в Европе постепенно вновь укрепляется понимание того, что ряд новых вызовов и угроз имеют исключительно европейское измерение, и в решении этих задач необходимо будет полагаться на собственные силы. Речь идёт в первую очередь о миграции в страны ЕС, растущей напряжённости в средиземноморском регионе, террористической угрозе и т.п.

Этим, как представляется, была вызвана необходимость проведения неформальной встречи министров обороны стран ЕС и представителей НАТО, состоявшаяся в Братиславе 26–27 сентября 2016 г. Главной темой на ней стало обсуждение обновленной европейской стратегии в области обороны и безопасности. Участники обсудили также и германо-французскую инициативу, предусматривающую расширение и углубление военного сотрудничества в рамках ЕС, выдвинутую в середине сентября 2016 г. Тогда военные эксперты Франции и Германии заявили о необходимости углубления военного сотрудничества между странами ЕС. Для этого они предложили создать единый командный центр, который бы обеспечивал работу подразделений и занимался организацией международных военных операций и миротворческих миссий. Координировать эту работу предлагается Европейскому оборонному агентству (ЕОА).

Высказанные идеи и предложения легли в основу нового видения политики европейских государств по усилению собственной роли в вопросах обеспечения европейской безопасности. 14 ноября 2016 г. на встрече в Брюсселе главы МИД и минобороны Европейского Союза обсудили и согласовали план по имплементации этой стратегии. План, разработанный по результатам дискуссий, получил название “Шенген обороны”. Документ включает три составляющих: возможности ЕС по реагированию на внешние конфликты и кризисы, укрепление обороноспособности уязвимых партнёров Евросоюза на востоке и юге, защита Евросоюза и граждан Союза “через внешние действия”. Комментируя решение профильных министров, глава дипломатии ЕС Ф. Могерини особо отметила, что стратегия не предполагает создания европейской армии. Важность подобного акцента понятна. Ведь ещё в августе глава Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер заявлял, что Европейскому Союзу необходимо создать собственную армию как инструмент отстаивания интересов Европы в мире. По словам же Ф. Могерини, Евросоюз намерен сделать существующие обо-

ронные структуры объединения рациональнее, но при этом не планирует создавать генштаб и заниматься коллективной обороной, которая входит в сферу ответственности НАТО и является национальной компетенцией [Council Conclusions On Implementing The EU Global Strategy In The Area Of Security And Defence, 2016].

План предполагает существенное укрепление сотрудничества европейских стран по целому комплексу проблем, связанных с обороной, начиная от готовности реагировать на внешние конфликты и кризисы, защиты граждан ЕС и заканчивая универсализацией структур управления, подготовки кадров и финансирования европейской обороны. Кроме того, согласно плану действий, Брюссель планирует существенно увеличить финансирование оборонной составляющей, которая включает финансирование исследований и технологий в оборонных целях. Так, с 2017 по 2020 год Еврокомиссия вложит 90 млн евро в разработки в области обороны и по 500 млн ежегодно после 2020-го, а на увеличение боеспособности стран ЕС предполагается выделять по 5 млрд евро ежегодно. При всей относительности размеров финансирования, это стало первым за последнее время практическим шагом в вопросе укрепления европейской обороны. При этом министры обороны подчёркивают, что выделение средств в общий бюджет ЕС не заменяет необходимости финансирования национальных армий [Communication From The Commission To The European Parliament, The European Council, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions European Defence Action Plan, 2016].

Выводы, которые делают эксперты из анализа ситуации в этой сфере, чаще всего сводятся к тому, что вероятность открытого вооружённого конфликта между НАТО и РФ остается крайне низкой. Представить себе сценарий, который мог бы привести к масштабному конфликту России и НАТО в настоящее время довольно сложно. Более того, сценарии, рассмотренные экспертами корпорации РЭНД, говорят о том, что и при укреплении наземной группировки НАТО, Россия будет иметь превосходство в воздухе, по крайней мере, в ближайшие несколько лет. В этой связи модель “сдерживания и диалога” между Россией и НАТО могла бы вполне стать базовой в двусторонних отношениях на обозримую перспективу.

Кроме того, несмотря на все усилия стран НАТО по модернизации своих вооружённых сил, процесс этот идёт медленно. И дело не только в деньгах. Для содержания на границах России группировки войск в относительно высокой постоянной боеготовности по подсчётам РЭНД потребуется порядка 2,7 млрд долларов в год. На фоне оборонного бюджета государств – участниц НАТО это не выглядит непомерной цифрой. Однако для целого ряда государств – членов ЕС и такие расходы могут всё же стать достаточно чувствительными [David A. Shlapak, Michael Johnson, 2016]. Тем не менее предполагаемое усиление группировки войск НАТО, как считает большинство сторонников данного подхода, должно скорректировать картину мира, какой она видится из Москвы.

При этом складывается впечатление, что Крым определил на годы вперёд все западные оценки политики России на постсоветском пространстве, особенно в контексте настойчивой ретрансляции образа источника угроз в лице России, в пространство европейской безопасности [Данилов, 2016: 34–36]. Точно так же, как конфликт Грузии и Южной Осетии в 2008 г. (согласно докладу ОБСЕ, спровоцированный в первую очередь грузинской стороной) в одночасье окрасил в негативные цвета более десяти лет миротворческой миссии России в этом регионе. И это несмотря на то что за время работы миссии не произошло ни одного открытого вооружённого столкновения между сторонами. Такие резкие смены в оценках поли-

тики России, не основанные на всей совокупности фактов, вряд ли могут быть приняты. Однако именно они, на наш взгляд, конструируют современную стратегическую реальность в отношениях между Россией и Западом. Аналогичный дрейф в восприятии Запада в России, как вновь формирующегося основного противника, также следует этой логике и отвлекает внимание от более значимых угроз и проблем, стоящих как перед Россией, так и перед странами НАТО.

Кроме того, активность России вблизи своих западных границ, в том числе и в Калининградской области, за истекший 2016 год не только не стала более интенсивной, но и несколько снизилась. В частности, по данным литовских и эстонских министерств обороны, количество контактов российских ВКС с ВВС НАТО в 2016-м сократилось до уровня 2011–2012 годов. Нет также и убедительных свидетельств существенной модернизации военной инфраструктуры в приграничных районах. Другими словами, в последнее время Россия явно посылает сигналы Евросоюзу и НАТО о своём нежелании дальнейшей эскалации конфронтации. В этом можно прочесть стремление Москвы сохранить сложившийся *status quo* без сползания в гонку вооружений.

Нельзя также не обратить внимания на несколько моментов, которые в связи с украинскими событиями отошли на второй план. В первую очередь российский рост расходов на оборону стартовал задолго до обострения ситуации на Украине и был связан с давно назревшей необходимостью перевооружения и обновления морально устаревшего советского комплекса вооружений. Во-вторых, утверждённый ещё президентом Д.А. Медведевым план перевооружения российской армии до недавнего времени не вызывал ни у НАТО, ни у отдельных государств ЕС острой реакции, связанной с необходимостью срочной модернизации вооружённых сил в приграничных с Россией регионах.

Однако есть основания полагать, что низкий уровень доверия и накопившиеся взаимные претензии не позволяют преодолеть инерцию последних лет. Представляется, что сползание отношений России и Запада в новый формат, имеющий отдельные черты холодной войны с элементами взаимного сдерживания, снижения уровня доверия, подсчетов военного потенциала противоборствующих сторон на “опасных” направлениях и прочее, может оказаться одним из элементов трансформации системы международной безопасности. Россия и Запад находятся в поиске нового *status quo*. Формирующийся сейчас баланс, который долгое время отсутствовал в силу транзитарной ситуации, связанной с процессом расширения НАТО, эволюцией внешнеполитической стратегии России, процессом политических изменений в целом ряде стран постсоветского пространства, может стать достаточно устойчивой формой новых взаимоотношений России и Запада. К сожалению, устанавливающийся новый *status quo* существенно сужает пространство сотрудничества между сторонами, что, безусловно, являет собой негативный тренд в связи с необходимостью решения общих задач укрепления европейской безопасности [Громыко Ал.А., 2016: 15–17]. Но, как ни парадоксально это звучит, может привести к стабилизации в отношениях, пусть и на довольно низком уровне, который будет заставлять стороны более осторожно относиться друг к другу, не допуская появления резких дисбалансов и эскалации напряжённости.

Можно с большой вероятностью предположить, что появление нового силового баланса между Россией и НАТО в Европе создаст более стабильные условия взаимодействия, которые при этом не будут характеризоваться прежним уровнем взаимного доверия. Однако они позволят постепенно выстроить новый формат отношений, включая постепенное налаживание сотрудничества по вопросам, которые

представляют общую озабоченность. По нашему мнению, стабильность будет обеспечиваться возрастающей ценой просчётов и необдуманных действий с обеих сторон. Вместе с тем отношения их будут лишены волатильности, продолжение которой может спровоцировать стороны на необдуманные решения и действия. В таких условиях они не только получают возможность переосмыслить общее видение будущего европейской безопасности, но и заново определить области дальнейшего диалога, что, в свою очередь, облегчит понимание стратегических целей его участников. В настоящий момент это представляется проблематичным из-за высокой конъюнктурной политизированности текущих взаимоотношений. Но именно такая, пусть и низкая точка отсчёта уровня стабильности в отношениях России и Запада, может стать отправным моментом создания новой архитектуры безопасности в Европе в XXI веке.

Избрание Д. Трампа президентом США, который выступает за сокращение военного присутствия США за их границей и выполнение странами – членами НАТО своих финансовых обязательств перед Альянсом, может привести к пересмотру многих элементов инициативы European Reassurance Б. Обамы. В этом случае планы размещения дополнительного американского контингента в странах Восточной Европы могут быть скорректированы. Однако ожидать скорого потепления в отношениях России и Запада всё же не стоит. Возможные изменения американской внешнеполитической линии, скорее всего, могут подстегнуть европейский дрейф в сторону автономности. В этом случае, как представляется, будет открыто более широкое поле в российско-европейской повестке дня в сфере безопасности.

Список литературы

Громыко Ал.А. (2016) Структуры соперничества и опыт истории // *Современная Европа*. №4, с. 15–17.

Данилов Д.А. (2016) Стратегия национальной безопасности Украины: возможные последствия для российско-украинских отношений // *Современная Европа*. № 2, с. 34–36.

Ткачев И., Боcharова С., Макаров О. (2016) Воздушно-космический рост расходов, *РБК Газета* №134 (2390) (2807) 27 Июля, URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2016/07/28> (дата обращения 27.10.2016)

Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года №683 “О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации” (2015) *Российская газета*, 31.12.2015 <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 27.10.2016)

References

Gromyko Al.A. (2016) Struktury sopernichestva i opyt istorii // *Sovremennaja Evropa*. №4, s. 15–17.

Danilov D.A. (2016) Strategija nacional'noj bezopasnosti Ukrainy: vozmozhnye posledstviya dlja rossijsko-ukrainskih otnoshenij // *Sovremennaja Evropa*. № 2, s. 34–36.

Tkachev I., Bocharova S., Makarov O. (2016) Vozdushno-kosmicheskij rost rashodov, *RBK Gazeta* №134 (2390) (2807) 27 Ijulja, URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2016/07/28> (data obrashhenija 27.10.2016)

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 dekabrya 2015 goda №683 “O Strategii nacio-nal'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii” (2015) *Rossijskaja gazeta*, 31.12.2015 <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (data obrashhenija 27.10.2016)

Andrew Michta (2016) Partial Answers to the Russia Question. *National Interest*, May 24, 2016. Available at URL: <http://www.the-american-interest.com/2016/05/24/partial-answers-to-the-russia-question/> (Accessed 21.10.2016) Council Conclusions on Implementing the EU Global Strategy in the Area Of Security and Defence, (2016) Council of the European Union, Meeting n°3498, Brussels, 14/11/2016, available at URL: http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/11/pdf/Council-conclusions-on-security-and-defence_pdf/ (Accessed 21.12.2016).

Andrew Monaghan (2016) Russian State Mobilization Moving the Country on to a War Footing Chatham House, May 2016, P. 15. available at URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2016-05-20-russian-state-mobilization-monaghan-2.pdf> (Accessed 27.10.2016)

Communication From The Commission To The European Parliament, The European Council, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions. European Defence Action Plan (2016) Brussels, 30.11.2016 COM (2016) 950 final. Available at URL: <http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/20372/attachments/2/translations/en/renditions/native> (Accessed 21.12.2016)

David A. Shlapak, Michael Johnson (2016) Reinforcing NATO Eastern Flank. Wargaming the Defense of the Baltics. RAND Corporation, P. 18. Available at URL: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1253.html (Accessed 23.10.2016)

David A. Shlapak, Michael Johnson (2016) Reinforcing NATO Eastern Flank. Wargaming the Defense of the Baltics. RAND Corporation, 2016, P. 1. Available at URL: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1253.html (Accessed 27.10.2016)

Nicholas R. Burns, James L. Jones, Jr (2016) Restoring the Power and Purpose of the NATO Alliance. *The Atlantic Council*, June 2016, available at http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Restoring_the_Power_and_Purpose_of_the_NATO_Alliance_web_0624.pdf (Accessed 27.10.2016)

Preparing for the Cold: NATO and Eastern European Responses to Russian Military Activism. (2016) *IHS Jane's Intelligence Briefings*, 02.06.2016. available at URL: <https://janes-ihs-com.ezproxy.members.marshallcenter.org/IntelBriefings/Display/1768506> (Accessed 30.10.2017)

Richard Shirreff and Maciej Oleks-Szczytowski (2016) Arming for Deterrence: How Poland and NATO should Counter Resurgent Russia *Atlantic Council*, July 2016. P.12 available at URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Arming_for_Deterrence_web_0719.pdf (Accessed 21.10.2016)

Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) available at URL: <https://europa.eu/globalstrategy/en/global-strategy-foreign-and-security-policy-european-union> (Accessed: 27.10.2016)

Stephen Sestanovich (2016) The Warsaw Summit: NATO Examines Itself, Again. *Council on Foreign Affairs. Expert Brief*, June 30, 2016. available at URL: <http://www.cfr.org/defense-and-security/warsaw-summit-nato-examines-itself-again/p38105> (Accessed 27.10.2016)

Trends In World Military Expenditure, 2015 (2016) SIPRI Fact Sheet, April 2016, available at URL: <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1604.pdf> P. 2.

European security in new conditions of interaction between Russia and the West

Authors: Golub Yu., Professor, Head of the Department of International Relations and Russian Foreign Policy. **Address:** 410012 Astrakhanskaya, 83. **E-mail:** goloub@sgu.ru

Alexeev D., Associate Professor, Department of International Relations and Russian Foreign Policy. **Address:** 410012 Astrakhanskaya, 83. **E-mail:** alexeyevds@gmail.com

Abstract: The article represents analysis of the ongoing trends and transformations in European security in the context of new format of relations between Russia and the West. Authors explore some key aspects of modernization of military infrastructure and strategic planning of NATO and the EU countries, as well as its impact on the balance of interests and power in the region of Eastern Europe. While the perception of threats and challenges between Russia and the West remain diverge, authors suggest the thesis that the revival of the context of mutual deterrence, represents a new form of preserving a stabilization trend in regard to the current issues of European security, shaping the future logic of cooperation between Russia and its Western partners.

Key words: European Union, Russia, NATO, regional security, foreign policy.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220175564>

УДК 327.7

Юрий КИЛИН¹

НЕЙТРАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА НА РАСПУТЬЕ: ПРОБЛЕМА ВСТУПЛЕНИЯ В НАТО ФИНЛЯНДИИ И ШВЕЦИИ

Аннотация. В статье анализируются этапы сближения Финляндии и Швеции с НАТО после распада СССР, оценивается степень их политического и военного сотрудничества, отношение политических партий и общественного мнения к проблеме вступления этих стран в Североатлантический Альянс, даётся прогноз дальнейшего развития событий. В военном и экономическом отношении Финляндия и Швеция были готовы к вступлению в НАТО в начале 2000-х гг. В настоящее время препятствиями для принятия политического решения о подаче заявки о членстве являются преимущественно негативное общественное мнение двух стран, отсутствие парламентского политического консенсуса, необходимость проведения референдумов и зависимость от одновременного вступления этих государств в НАТО. В нормальных условиях окно возможностей для нового раунда актуализации натовской повестки может открыться только после парламентских выборов в 2018 и 2019 г., чему должна предшествовать активная обработка общественного мнения с неочевидным результатом. Понимая это, правящие элиты Финляндии и Швеции в условиях украинского кризиса в сентябре 2014 г. инициировали присоединение к программе Альянса Поддержка принимающей страны. Программа даёт двум странам вне НАТО возможность в условиях обострения международных отношений немедленно принять военную помощь от США, минуя бюрократические механизмы Альянса, и представляет гораздо большую опасность для России, чем формальное членство Финляндии и Швеции в НАТО.

Ключевые слова: проблема вступления в НАТО, Швеция, Финляндия.

В начале 1990-х гг. вследствие распада СССР и разрушения биполярной геополитической системы радикально изменилась как вся глобальная система международной безопасности, так и входившие в её структуру региональные элементы. Основным бенефициаром возникшего хаоса стал возглавлявшийся США Североатлантический альянс, начавший свой продолжительный “натиск на Восток” за счёт

© *Килин Юрий Михайлович* – д.и.н., заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений, Петрозаводский государственный университет, председатель Карельского отделения АЕВИС. **Адрес:** 185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33–410. **E-mail:** kilinyuri@mail.ru

Статья подготовлена при выполнении проекта в рамках государственного задания Министерства образования и науки России 28.4306.2017/НМ.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220176576>

поглощения бывших государств – членов ОВД и некоторых бывших республик СССР. Весьма сложная ситуация сложилась в Балтийском регионе с вступлением в блок Прибалтийских государств с 2004 г. НАТО практически полностью, за исключением Калининградской области, контролирует южное побережье Балтийского моря, а также выход в Атлантику через Датские проливы. Логическим завершением процесса превращения Балтийского моря во “внутреннее озеро НАТО”, по мнению его руководства, стало бы вступление в этот военно-политический блок Швеции и Финляндии, что “было бы нетрудно для двух таких дееспособных и преданных делу стран”¹ [Kirk, 2016].

На пути в НАТО две прежде нейтральные Северные страны действовали в рамках принципа “вместе и одновременно”². Несмотря на схожесть геополитического положения, однотипную модель социально-экономического развития, длительный позитивный опыт Северного сотрудничества, география и история бросают разные вызовы этим двум странам. Финляндия имеет с Россией границу длиной 1300 км, тяжёлый опыт двух войн в XX в., страны являются крупными торговыми партнёрами. Швеция более удалена от России географически, не имея с ней общей границы, взаимный торговый оборот примерно в 2,5 меньше, чем российско-финляндский, а военные раны за 200 лет залечила история. География также диктует особенности отношения к ним НАТО – опираясь на Готланд, Швеция контролирует центральную часть Балтийского моря, играя ключевую роль в обеспечении безопасности Эстонии, Латвии и Литвы. Финляндия, расположенная в восточной части Балтийского моря, для Североатлантического альянса не столь важна, и лишь её ВВС и ВМС могли бы стать ценным дополнением натовских сил в Балтийском регионе [Karvinen, Puistola, 2015].

Сотрудничество Финляндии и Швеции с НАТО развивалось по разным сценариям: в период холодной войны нейтралитет Финляндии был направлен против участия в военном сотрудничестве с СССР, и до начала 1990-х гг. отношения с НАТО, видимо, ограничивались только передачей Альянсу через Швецию некоторых сведений военно-технического характера о вооружённых силах большого восточного соседа. Тайное политическое и военное сотрудничество, включая совместное оперативное планирование, Швеции с НАТО (на практике с США) началось ещё в 1950-х гг., когда в обмен на разрешение использовать свою территорию силам Альянса для обороны Норвегии Швеции было обещано оказать помощь в кризисной ситуации [Iloniemi, 2015: 170]. Готовая вступить в НАТО в 1950-е гг., в 1960 г. Швеция получила секретные односторонние военные гарантии США в случае нападения СССР [Nordberg, 2004: 186]. В коридорах штаб-квартиры НАТО Швецию шутливо называли “17-м членом НАТО” [Valtasaari, 2015: 167], а о масштабах её сотрудничества, включавшего в себя, в частности, создание правительства в изгнании в случае военной оккупации СССР [Iloniemi, 2015: 108–109], стало известно относительно недавно [Holström, 2011]³. При этом Швеция предпочитала

¹ Слова анонимного представителя руководства НАТО на полях первой в истории встречи министров иностранных дел государств – членов НАТО, Финляндии и Швеции, состоявшейся в Брюсселе в мае 2016 г.

² В большей степени этого подхода придерживаются финны.

³ Об этой книге см.: [Воронов К., 2013].

взаимодействовать на двусторонней основе с Великобританией и США, избегая натовские структуры [Ponniemi, 2015: 106–107]¹.

В 1990-х гг. определилось несколько форматов включения Финляндии и Швеции в систему безопасности западного мира – государства одновременно развивают военное сотрудничество в рамках ЕС² и NORDEFCO³, ведут консультации об оборонительном союзе Финляндии и Швеции, рассматривают возможность вступления в НАТО, а с 2014 г. интенсивно продвигают двустороннее военное сотрудничество с США. Путь от робких гостей в “прихожей” военной квартиры коллективного Запада до положения хозяев, принимающих НАТО в собственном доме⁴ занял немногим более 20 лет. Все это время за невзрачным внешним фасадом вялотекущей дискуссии о вступлении Финляндии и Швеции в Североатлантический альянс, происходила быстрая трансформация военных систем этих двух государств, в основном перешедших на стандарты НАТО в начале 2000-х гг.

В силу различий в политической культуре двух стран в Финляндии активной пронатовской силой выступает влиятельная часть политической элиты, которая купировала публичную дискуссию о НАТО, а важнейшие решения принимаются в тесном кругу военно-политического руководства страны, выбравшего тактику малых шагов, секретных договорённостей, обходных маневров и адресованной обществу полуправды с целью отвлечения общественного мнения и избежания негативной реакции России [Ervasti, Laakso, 2001: 10–11]. В этом Финляндия сильно отличается от Швеции, в которой дискуссия о вступлении в НАТО, активно развернувшаяся только после войны 08.08.08 [Ponniemi, 2015: 173], носила и носит более открытый демократический характер, а партийный консенсус, как и референдум, обязательны [Ojanen, 2016: 152]. Аргументация за и против вступления в Альянс за почти 25 лет, в течение которых ведётся дискуссия в Финляндии, претерпела лишь незначительные изменения [Pesonen, 2015: 63].

Сближение Финляндии с НАТО⁵ началось в июне 1992 г. с участия в Совете сотрудничества Североатлантического альянса в качестве наблюдателя. С вступлени-

¹ Двустороннее взаимодействие с США для Финляндии и Швеции вновь стало приоритетным после начала украинского кризиса, так как для НАТО характерна затянутая процедура принятия решений, требующая согласия всех 28 членов Альянса, США же могут быстро реагировать на угрозы.

² В форме т.н. управления кризисами, предложенного Финляндией и ставшего для Финляндии и Швеции своеобразной “задней дверью” в НАТО.

³ Северное оборонное сотрудничество, в котором участвуют Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия и Исландия. Меморандум о создании подписан 4 ноября 2009 г. в Хельсинки. Официальный сайт: <http://www.nordefco.org/>.

⁴ Меморандум Швеции и Финляндии с НАТО по оказанию поддержки принимающей стороне (Host Nation Support), подписанный на саммите НАТО в Уэльсе 4 сентября 2015 г., и ратифицированный шведским риксдагом 25 мая 2016 г. [Yes to memorandum of understanding with NATO, 2016], финский парламент отказался его рассматривать, считая политическим, а не международным договором [Elo, 2016].

⁵ Для создания благоприятной атмосферы в отношениях с США в мае 1992 г. правительство Э. Ахо приняло решение о закупке крупнейшей по стоимости в истории страны партии из 64 самолётов американских истребителей-бомбардировщиков F-18 “Хорнет” общей стоимостью 18 млрд марок (3 млрд евро). Предложения Франции (“Мираж-2000”) и Швеции (“Грипен”) всерьёз не рассматривались, российские самолёты к тендеру не были допущены [Ervasti, Laakso, 2001: 25–28].

ем в должность 1 марта 1994 г. президента М. Ахтисаари, сторонника сближения с НАТО, было снято последнее политическое препятствие для углубления сотрудничества с Альянсом [Дерябин, 2003: 71]. Ставший в апреле 1995 г. премьер-министром П. Липпонен также входил в лагерь сторонников сближения с НАТО. В мае 1994 г. Финляндия и Швеция подписали рамочный документ о вступлении в Партнёрство во имя мира. Во второй половине 1990-х гг. основным инструментом военно-технического и политического сближения Финляндии и Швеции с НАТО стало их участие в трёх этапах планирования и анализа процессов (PARP – Planning and Review Process) Программы партнёрства во имя мира [Ervasti, Laakso, 2001: 25–73].

С 1995 по 1999 г. в Финляндии и Швеции было реализовано два этапа планирования и анализа процессов, которые включали в себя, в частности, унификацию тактических знаков и использование английского языка для управления военными самолётами. С начала 2001 г. был реализован третий этап, включавший в себя в случае с Финляндией 64 пункта (20 общих, 22 для сухопутной армии, 12 для ВМС и десять для ВВС оборонительных сил страны) и налажено сотрудничество практически со всеми министерствами Финляндии, включая министерство образования. Финляндия и Швеция вошли также в ключевые комитеты НАТО: Технического обслуживания и снабжения (NAMSO), Комитет планирования для гражданского населения по чрезвычайным ситуациям (CEPC) [Ervasti, Laakso, 2001: 69–73, 137].

Финляндия не только сама занималась решением проблемы совместимости военных систем, перехода на тактическом и оперативном уровне к управлению войсками по стандартам НАТО¹, но и по настоянию США² с 1992 г. отвечала за проведение мероприятий по усилению обороноспособности Эстонии для её последующего вступления в НАТО, подготовив, в частности, к 2000 г. 100 эстонских кадетов в Военной академии и военных училищах и подарив артиллерийский дивизион (19 полевых орудий) своему южному соседу. В марте 2000 г. вице-адмирал Ю. Каскеала и зам. канцлера министерства обороны Эстонии Ю. Барбо подписали соглашение об обмене секретными данными [Ervasti, Laakso, 2001: 155–156]³.

В марте 1999 г. в интервью газете “Илта-Саномат” командующий оборонительными силами генерал Г. Хеглунд заявил, что Финляндия во всех существенных отношениях готова стать членом НАТО. Действительно, по оценке экспертов, совместимость вооружённых сил члена Альянса, Польши с НАТО к этому времени составляла лишь 25%, а Финляндии – по меньшей мере 70% [Ervasti, Laakso, 2001: 58, 79]⁴. Тогда же министр обороны Финляндии А. Тайна подвела итог натовскому спурту Финляндии: мы “обручены, но день свадьбы ещё не назначен”. В свою очередь, министр иностранных дел, будущий президент Финляндии Т. Халонен определила характер этих отношений как “гражданский брак”, заявив, что от вступления в НАТО страну отделяет “маленький шаг” [Forsberg, 2002: 251].

¹ По меткому выражению бывшего командующего оборонительными силами Финляндии Г. Хеглунда, совместимость ВС НАТО и Финляндии как у “штепселя и розетки” [Hägglund, 2014: 170].

² США отклонили предложения Дании и Швеции о проведении ими работы по повышению уровня обороноспособности Эстонии, настояв на выборе Финляндии [Ervasti, Laakso, 2001: 155–156].

³ Такие же соглашения Эстония подписала с США и Польшей.

⁴ В 2002 г. о полном соответствии вооружённых сил Финляндии стандартам НАТО и желательности вступления в Альянс заявил адмирал Ю. Каскеала [Kuusisto, 2003: 131].

С начала 2000-х гг. до украинского кризиса основной формой взаимодействия Финляндии и Швеции с НАТО было участие военных контингентов двух государств в операциях Альянса в Косово (KFOR) и Афганистане (ISAF)¹ [Nato-led Resolute Support in Afganistan, 2014]. Украинский кризис и проблема Крыма инициировали новый этап отношений Финляндии и Швеции с НАТО, выведя их на качественно новый уровень под воздействием иррационального страха перед несуществующей военной угрозой со стороны России. 4 сентября 2014 г. на саммите НАТО в Уэльсе командующий оборонительными силами Финляндии Я. Линдберг и командующий вооружёнными силами Швеции генерал С. Горансон в присутствии министров обороны двух стран подписали меморандум о взаимопонимании, согласно которому страны присоединились к программе Альянса Поддержка принимающей страны (Host Nation Support) [Finland and Sweden sign Memorandum of Understanding with NATO, 2015]².

Эта допускающая широкое толкование новая форма взаимодействия с НАТО включает в себя право принимающей страны приглашать войска Альянса или других стран³ как в мирное время, так и в период кризиса. Критики НАТО сразу же увидели в этом соглашении большую опасность [Näin Suomea viedään, 2016], и бывший министр иностранных дел (1976–1977) профессор К. Корхонен назвал его “большим гвоздём, забитым в гроб независимости Финляндии”. Обратив внимание общественности на отсутствие официального перевода документа на финский язык, Корхонен выделил его принципиальные моменты: отсутствие ограничений на количество иностранных войск, мест их дислокации, снабжения, вооружений, включая ядерные, право на транзит, что напомнило ему о транзитном договоре 1940 г., заключённом Финляндией с нацистской Германией [Korhonen, 2015: 18–19]. 7 января 2015 г. К. Корхонен обратился с открытым письмом к подписавшему соглашение генералу Я. Линдбергу, предложив ему поставить себя на место российского генерала в Москве или в штабе Ленинградского военного округа и задав вопрос, каким образом командующий оборонительными силами будет защищать свою страну в случае упреждающего неядерного ракетного удара России по натовским целям в условиях возможного предвоенного кризиса [Korhonen, 2015: 27–29].

Ситуацию с соглашением, без его упоминания, несколько прояснил в новогоднем обращении к гражданам Финляндии 1 января 2015 г. президент С. Ниинистё, заявивший: “России хорошо известно, что Финляндия была и остаётся частью Запада”, а ответом на новые вызовы и “неожиданные угрозы”, станет “обеспечение обороноспособности в изменившейся ситуации”, что невозможно “без существенных дополнительных усилий” [Tasavallan presidentti Sauli Niinistön uudenvuodenpuhe, 2015]. Таким образом, соглашение 4 сентября 2014 г. является одним из “существенных усилий”. В 2016 г. дополнительными “существенными усилиями” стали совместные учения финских ВВС и 173-го истребительного крыла национальной гвардии Орегона, которое прибыло в Финляндию для проведения учебных боев “один на один”. Кроме выполнения поставленных учебных задач, американские “Орлы” (F-15 Eagle) прибыли и с целью пощекотать русского медве-

¹ Швеция также участвовала в операции НАТО в Боснии и Герцеговине [NATO's relations with Sweden, 2015].

² Подробная оценка саммита содержится в [Данилов, 2015].

³ На двусторонней основе.

дя. По словам командира крыла полковника Д. Смита, из-за сложных погодных условий ему пришлось пролететь в 24–32 км от российско-финляндской границы. На завершающем этапе учений, американские и финские лётчики совместно обороняли район авиабазы в Риссала, а роль нападавшей стороны играли прибывшие в Рованиеми шведские самолеты [Holopainen, 2016].

Сторонникам и противникам членства Финляндии в Североатлантическом альянсе трудно подвести баланс. Выгоды совместной обороны в рамках НАТО очевидны для сторонников вступления в блок: Швеция, Дания и Норвегия имеют лучше технически оснащённые вооружённые силы, Финляндия же сохраняет крупный мобилизационный потенциал (армия военного времени 350 тыс. человек), систему всеобщей воинской повинности и эффективную систему территориальной обороны [Nordberg, 2004: 181] и могла бы в случае необходимости предоставить “свои резервы” союзникам, для чего необходимо “срочно принять закон” о возможности применения вооружённых сил Финляндии в целях обороны “не только на своей территории” [Valtasaari, 2015: 171, 174]. Сторонники членства Финляндии в НАТО считают, что благоприятное время для вступления страны в НАТО было упущено в начале 2000-х гг., возлагая “тяжёлую ответственность перед историей” за это на руководителей государства [Tarkka, 2015: 328]¹.

С другой стороны, ценность Швеции как военного союзника в рамках любых форматов обеспечения безопасности для Финляндии невысока. Состояние вооружённых сил Швеции после военной реформы в этой стране вызывает “особую озабоченность” в Суоми, так как, по мнению финского военного эксперта, её западный сосед не в состоянии защитить самого себя, сократив сухопутную армию до десяти батальонов и отказавшись от системы территориальной обороны, что не позволяет шведам оказать достойное сопротивление даже немногочисленным войскам специального назначения [Nordberg, 2004: 187]. Бывший начальник управления образования оборонительных сил Финляндии полковник Э. Нордберг с нескрываемой горечью отмечал, что “Швеция чувствует себя в полной безопасности за Финляндией и Прибалтикой” [Nordberg, 2004: 186, 187]².

Подача заявки на вступление в НАТО является как внешне- так и внутривнутриполитической проблемой. Опросы общественного мнения в Швеции и Финляндии о членстве в НАТО, проведённые в 2014–2016 гг., дают схожие результаты. Несмотря на некоторый рост пронатовских настроений, вызванный кризисом на Украине и присоединением Крыма к России, противников вступления в НАТО в Швеции в декабре 2015 г. насчитывалось 50% (56% в апреле 2014 г.), сторонников – 34% (28%), колеблющихся – 16% (15%) [Hur bör man fråga om Nato?, 2016)]. В Финляндии позиции сторонников вступления в НАТО в 2015 г. заметно укрепились (26% в сравнении с 18% в 2014 г.), число противников уменьшилось на 8 процентных пунктов (43% и 51%). В сравнении со Швецией, в Финляндии в два раза выше число колеблющихся – 32% (30% в 2014 г.) [EVAn Arvo- ja asennetutkimuksen

¹ В этом перечне М. Ахтисаари, Т. Халонен, П. Липпонен, М. Ванханен и Э. Туомиоя.

² Отмечается, что Швеция стала сокращать свои вооружённые силы в 2004 г., когда началось военное усиление России. В 1970 г. военный бюджет Швеции в восемь раз превышал показатель Финляндии. В 2014 г. у Швеции была самая маленькая армия в сравнении с Данией, Норвегией и Финляндией. [Karvinen, Puistola 2015: 25, 26]. В конце 1980-х гг. шведская армия военного времени составляла почти 700 тыс. человек. [Tarkka, 2015: 96].

ennakkotieto, 2016]. Эти данные свидетельствуют о большой степени устойчивости общественного мнения двух Северных стран к интенсивной антироссийской кампании в национальных мейнстримовых СМИ, в том числе благодаря активно действующим пацифистским организациям¹ и влиятельным политическим партиям.

Самым большим препятствием в Финляндии и Швеции для подачи заявки на вступление в НАТО является сильная политическая, в том числе парламентская, оппозиция этому шагу в неизвестность. Из восьми финских парламентских партий членство в НАТО открыто поддерживают лишь две: правоцентристская Коалиционная партия² и Шведская народная партия, совместно имеющие в парламенте 47 депутатов из 200 [Eduskunta ryhmät, 2016]. Похожая картина и в шведском риксдаге: из восьми представленных в нём партий четыре выступают за подачу заявки в НАТО, четыре – против³ [Ojanen, 2016: 157], из 349 депутатов к пронаатовским партиям относятся 141, к противникам членства в НАТО – 208 [Ledamöter & partier, 2016]. Эти выкладки в обоих случаях несколько упрощают ситуацию, так как в лагери сторонников и противников членства в НАТО входят и оппоненты политического консенсуса в каждой отдельно взятой партии. Тем не менее, противники членства в Альянсе в парламентах (в риксдаге их заметно меньше) имеют явное большинство и эта ситуация, если не будет резкого обострения кризиса в международных отношениях, сохранится до следующих выборов, в Швеции в 2018 г. и в Финляндии в 2019 г.

В Швеции и Финляндии придерживаются разных точек зрения о процедуре вступления в НАТО в случае, если об этом будет принято политическое решение: в Швеции в обязательном порядке будет проведён консультативный референдум, в Финляндии же этот вопрос является открытым и активно обсуждается⁴. Учитывая силу антинатовских настроений в этой стране, сторонники членства в Альянсе предлагают упрощенную процедуру вступления⁵: вопрос о подаче заявки решает президент по предложению Госсовета, в парламенте требуется большинство в 2/3, а после обращения к Генеральному секретарю НАТО начинается “интенсивный диалог”, который в случае с Финляндией, учитывая её длительное сотрудничество с НАТО, будет продолжаться считанные месяцы. Исходя из опыта других государств, Финляндия может завершить свой путь в НАТО в течение года. Надежды сторонников “парламентского пути” в НАТО связаны с тем, что депутаты будут

¹ В Швеции антинатовские силы, в частности, объединяются вокруг сайта Bevara Alliansfriheten Nej till NATO medlemskap [Preserving Freedom From Alliance. No to NATO membership]. URL: <http://www.alliansfriheten.se/>. В Финляндии большую активность проявляют “Rauhanliitto” [“Союз за мир”]/ URL: <http://www.rauhanliitto.fi/>, Rauhanpuolustajat [“Защитники мира”]. URL: <http://www.rauhanpuolustajat.org/>, Sadankomitea [“Комитет ста”]. URL: <http://www.sadankomitea.fi/>.

² Начала открыто поддерживать членство в НАТО с 2006 г. [Karvinen, Puistola, 2015: 218].

³ За НАТО выступают Партия центра (22 депутата), Народная партия – либералы (19), Умеренная коалиционная партия (84) и Христианско-демократическая партия (16), против – СДПШ (113), Шведские демократы (49), Партия зелёных (25), и Левая партия (21).

⁴ Впервые о необходимости проведения этого референдума было заявлено в передовице самой влиятельной финской газеты “Хельсингин Саномат” 26 ноября 2002 [Newby, 2003: 152].

⁵ В январе 2015 г. председатели всех парламентских партий заявили о неактуальности подачи заявки. Тогда же идею необходимости проведения референдума о членстве в НАТО поддержали 63% опрошенных граждан страны. [Karvinen, Puistola, 2015: 231].

голосовать индивидуально, не придерживаясь партийной дисциплины [Karvinen, Ruistola, 2015: 231, 235].

Для принятия политического решения о подаче заявки на вступление в НАТО требуется проведение всестороннего анализа, учитывающего положительные и негативные стороны последствий этого шага. В Финляндии с 1990-х гг. в рамках МИД, Института внешней политики и Атлантического общества¹ проводилась активная аналитическая работа, оценивающая последствия вступления в НАТО; в Швеции до 2015 г. на государственном уровне деятельность аналогичных масштабов не велась [Valtasaari, 2015: 176], что объясняется меньшей актуальностью проблемы для этого государства, уже более 50 лет делающего ставку на двусторонние военные отношения с США.

В рамках подготовки Государственным советом Финляндии доклада по вопросам внешней политики и политики безопасности в январе 2015 г. по поручению финского МИД независимый международный коллектив авторов (Швеция, Франция, Финляндия) приступил к работе над вторым после 2007 г. [Sierla, 2007] докладом о возможных последствиях вступления Финляндии в НАТО. Доклад [Bergquist, Heisbourg, Nyberg, Tiilikainen, 2016] был передан министру иностранных дел Т. Сойни 29 апреля 2016 г. Авторы заняли нейтральную позицию, оценив все возможные положительные и негативные воздействия членства Финляндии в НАТО [Bergquist, Heisbourg, Nyberg, Tiilikainen, 2016: 3]. В Швеции судьба аналогичного доклада складывалась сложнее как в силу более запутанной внутривнутриполитической ситуации, так и меньшей в сравнении с Финляндией спешки [Ojanen, 2016: 157]. В августе 2015 г. подготовка доклада была поручена шведскому дипломату К. Брингеусу. Доклад был опубликован 9 сентября 2016 г. [Bjereld, 2016].

В случае принятия положительного решения процедура вступления Швеции в Альянс, что обусловлено проведением общенационального референдума, будет продолжаться 12–15 месяцев [Bringéus, Eriksson, 2016: 147]; график аналогичного процесса в Финляндии доклад не определяет, учитывая влиятельную внутривнутриполитическую оппозицию и негативное общественное мнение по вопросу о вступлении в НАТО [Bergquist, Heisbourg, Nyberg, Tiilikainen, 2016: 51–52].

В докладе К. Брингеуса подача заявки Швецией не обуславливается аналогичными действиями Финляндии, при этом указывается, что оборонное сотрудничество двух стран на Балтике оказывает стабилизирующее воздействие на регион. С другой стороны, в кризисный период это сотрудничество увеличивает риски для Швеции, которой, возможно, придётся принять участие в обороне протяжённой восточной границы Финляндии, в то время как Финляндия укрепит свою безопасность, выдвигаясь на запад за счёт Швеции, что вносит дисбаланс в существующую систему безопасности [Muilu, 2016]. Финский доклад, напротив, подчёркивает необходимость совместной подачи заявки², в противном случае Финляндия может оказаться в небезопасном положении [Bergquist, Heisbourg, Nyberg, Tiilikainen, 2016: 6].

В обоих докладах российская угроза оценивается примерно одинаково – поведение России стало более угрожающим и непредсказуемым, имея своей исходной точ-

¹ Атлантическое общество (фин. – Atlanttiseura), основная пронатовская площадка Финляндии, объединяющая 900 представителей политической и академической элиты страны. Официальный сайт: <http://atlanttiseura.fi/>

² О координации действий Швеции и Финляндии см.: [Громыко, Плевако, 2016: 14].

кой присоединение Крыма, что привело к ослаблению безопасности и в Балтийском регионе [Bergquist, Heisbourg, Nyberg, Tiilikainen, 2016: 36, Bringéus, Eriksson, 2016: 36–37]. В публичном дискурсе Швеции и Финляндии эта проблематика обсуждается в различном ключе – на западном побережье Ботнического залива тема русской угрозы стала обсуждаться раньше и носила более интенсивный характер, включая публикацию множества сценариев военного нападения России [Muilu, 2016].

Согласно докладу, в случае вступления в НАТО, в условиях военного конфликта на Балтике Швеция примет участие в военных действиях, учитывая фактор “ворот в Балтику”, о. Готланда, российский контроль над которым воспретит доступ вооруженным силам других стран – членов НАТО в Балтийское море, что заставит Швецию предоставить НАТО своё воздушное пространство, военно-воздушные базы и порты. В свою очередь, Финляндия сосредоточится на защите своей собственной территории. Этот же вариант действий для Финляндии предпочтителен и при гипотетическом нападении России на государства Прибалтики, так как переброска войск через Финский залив ослабит возможности сильной территориальной обороны государства. Согласно докладу К. Брингеуса, в условиях кризиса Швеция окажет военную поддержку как Северным странам, так и государствам Прибалтики. В последнем случае Швеция будет быстро вовлечена в военные действия, так как НАТО нуждается в её воздушном пространстве и контроле над Готландом [Muilu, 2016].

В настоящее время два бывших нейтральных государства Балтики находятся на перепутье. Ни один из существующих форматов обеспечения безопасности Швеции и Финляндии не является для этих стран комфортным, поэтому обе они сохраняют возможность отказа от неприсоединения к военным блокам, причём позиция Финляндии выражена более отчётливо [Valtioneuvoston ulko- ja turvallisuuspoliittinen selonteko, 2016: 19]. Создание оборонительного союза двух государств политически неприемлемо для Швеции [Varjus, 2016], военное сотрудничество с ней финские военные считают в целом неэффективным, хотя и полезным [Hägglund, 2014: 174–175], Европейский Союз по-прежнему не имеет независимых от НАТО военных сил¹, а подаче совместной заявки (другие варианты финнами не рассматриваются) о вступлении в НАТО препятствуют общественное мнение и парламентское большинство двух стран.

В этих условиях помимо укрепления национальной обороны² остаётся только один реалистичный сценарий – укрепление двусторонних военных отношений с США. По авторитетному мнению генерала Г. Хеглунда, который семь лет командовал оборонительными силами Финляндии, после чего в течение трех лет возглавлял военный комитет ЕС, хорошие отношения с мировым лидером “не требуют членства в НАТО, так как Альянс является лишь внешнеполитическим инструментом США, а не способом получить одобрение Вашингтона” [Hägglund, 2014: 179].

¹ Бывший командующий оборонительными силами Финляндии Г. Хегглунд предлагает передать военные структуры НАТО в Европе Евросоюзу, создав “НАТО двух опор”. По его мнению, шведский МИД опасается, что тесное военное сотрудничество с Финляндией приведёт Швецию в НАТО и повредит её давним отношениям с США в военной сфере [Hägglund, 2014: 174, 180].

² В случае со Швецией – прекращение дальнейшего ослабления её оборонительных сил.

Для Швеции, имеющей более чем полувековой опыт военного сотрудничества с США, этот подход также представляется очевидным.

Несмотря на то, что де-факто Финляндия и Швеция с начала 2000-х гг. являются членами НАТО, вероятность подачи заявки о вступлении в Альянс до следующих парламентских выборов исчезающе мала, если не произойдёт резкого ухудшения международной ситуации. Между тем, воспользовавшись событиями на Украине, инициированными Евросоюзом и США, Финляндия и Швеция 4 сентября 2014 г. заключили соглашение, которое в военном отношении гораздо более эффективно, чем членство в пораженном бюрократией и внутренними дразгами Североатлантического Альянса, институционально и организационно неспособном к быстрой реакции на новые вызовы и угрозы. Учитывая характер соглашения, в условиях гипотетического кризиса у лидера НАТО появилась уникальная возможность в течение считанных часов¹ поставить под контроль всё северное побережье Балтийского моря от Датских проливов до финских портов Котка и Хамина. Соглашение 2014 г. является высокоэффективным полноценным субститутom формального членства Швеции и Финляндии в НАТО, пистолетом, ствол которого направлен против второго по значимости города России – Санкт-Петербурга.

В настоящее время вступление Финляндии и Швеции в НАТО с учётом текущей внутри- и внешнеполитической ситуации не является актуальной проблемой для этих стран, так как основное препятствие на пути к формальному членству – негативное отношение общественного мнения – не является легкоустранимым и требует больших дополнительных усилий пронатовских сил, окно возможностей для которых может открыться только в случае резкого обострения международной ситуации, способного актуализировать натовскую повестку в ходе следующих парламентских выборов. Учитывая это, правящие политические элиты Финляндии и Швеции ускорили сближение с НАТО, воспользовавшись кризисом на Украине для присоединения к программе Североатлантического альянса “Поддержка принимающей страны”, представляющей для России гораздо большую угрозу, чем формальное членство её соседей по Балтике в НАТО.

Список литературы

- Громыко Ал.А., Плевако Н.С. (2016) О возможности вступления Швеции и Финляндии в НАТО // *Современная Европа*, №2, с. 13–16.
- Данилов Д. (2015) “Валлийская стратегия” НАТО: искусство перевоплощения. // *Обозреватель – Observer*, №4, с. 54–70.
- Дерябин Ю.С. (2003) Все ли так спокойно на Севере Европы? // *Современная Европа*, №4, с. 68–79.
- Воронов К. (2013) Швеция – НАТО: конспиративная уния под лейблом нейтралитета // *Мировая экономика и международные отношения*, №5, с. 110–120.

References

- Gromyko Al.A., Plevako N.S. (2016) O vozmozhnosti vstupleniya Shvetsii i Finlyandii v NATO // *Sovremennaya Evropa*, №2, с. 13–16.
- Danilov D. (2015) “Valliyskaya strategiya” NATO: iskusstvo perevoploscheniya. // *Obozrevatel – Observer*, №4, с. 54–70.
- Deryabin Yu.S. (2003) Vse li tak spokojno na Severe Evropy? // *Sovremennaya Evropa*, №4, с. 68–79.
- Voronov K. (2013) Shvetsiya – NATO: konspirativnaya uniya pod leyblom neytraliteta // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, №5, с. 110–120.

¹ Как отмечает генерал Г. Хегглунд: “очевидно, помощь придёт по воздуху” [Hägglund, 2014: 181].

Bergquist M., Heisbourg F., Nyberg R. and Tiilikainen T. (2016) Arvio Suomen mahdollisen Nato-jäsenyyden vaikutuksista [An Estimation of the Impacts of Finland's possible NATO membership]. Suomen ulkoasianministeriö [Ministry of Foreign Affairs of Finland], Helsinki, Finland.

Bjereld U. (2016) "Sverige, Nato och Krister Bringéus utredning" [Sweden, NATO and Krister Bringéus' investigation], available at: <http://ulfbjereld.blogspot.ru/2016/09/sverige-nato-och-krister-bringeus.html>. (Accessed 10 October 2016).

Bringéus K. and Eriksson C. M. (2016) Säkerhet i ny tid [Security in the New Time]. Betänkande av Utredningen om Sveriges försvars- och säkerhetspolitiska samarbeten. [A Report by Swedish Commission on Defense and Security Policy collaborations]. Elanders Sverige AB, Stockholm, Sweden, available at: http://www.sou.gov.se/wp-content/uploads/2016/09/SOU-2016_57_webb.pdf. (Accessed 7 November 2016).

Eduskunta ryhmät [Parliament Groups]. (2016), available at: <https://www.eduskunta.fi/FI/kansanedustajat/eduskuntaryhmat/Sivut/default.aspx>. (Accessed 10 October 2016).

Elo M. (2016) "Onko isäntämaasopimus laillinen" [Is the Host Nation Contract Legal?], available at: <https://vastavalkea.fi/2016/02/29/onko-isantamaasopimus-laillinen/>. (Accessed 10 October 2016).

Ervasti P. and Laakso J. (2001) Karhun naapurista Naton kainaloon – puolueettoman Suomen marssi läntisen sotilasliiton leiriin [From Bear's neighborhood to NATO's armpit – a Neutral Finland's March Into the Camp of the Western Military Alliance]. WSOY, Helsinki, Finland.

EVA An Arvo- ja asennetutkimuksen ennakkotieto: Nato-kannat muuttuneet myönteisemmiksi [EVA Preliminary Investigation of Values and Attitudes: NATO opinions become more positive]. (2016), available at: <http://www.eva.fi/blog/2015/02/03/evan-arvo-ja-asennetutkimuksen-ennakkotieto-nato-kannat-muuttuneet-myonteisemmiksi/>. (Accessed 10 August 2016).

Finland and Sweden sign Memorandum of Understanding with NATO. (2015), available at: <http://www.shape.nato.int/finland-and-sweden-signing-a-memorandum-of-understanding-with-nato-for-operational-and-logistic-support>. (Accessed 10 September 2016).

Forsberg T. (2002) Nato-kirja [NATO-book]. Ajatus Kirjat, Jyväskylä, Finland.

Holopainen S. (2016) "F-15-hävittäjät harjoittelevat Suomessa – näin lähellä Venäjän rajaa amerikkalaiskone lensi" [F-15 fighters train in Finland – the American plane flew so close to the Russian border], available at: <http://www.iltasanomat.fi/kotimaa/art-2000001177456.html>. (Accessed 10 October 2016).

Holström M. (2011) Den dolda alliansen [The Hidden Alliance]. Atlantis, Stockholm, Sweden.

Hur bör man fråga om Nato? [How should we talk about NATO?]. (2016). Ipsos Public Affairs. Available at: <https://opinionslaget.wordpress.com/category/nato/>. (Accessed 10 August 2016).

Hägglund G. (2014) Rauhan utopia [Peace Utopia]. Docendo, Jyväskylä, Finland.

Kirk L. (2016) "Sweden and Finland upgrade Nato relations", available at: <https://euobserver.com/nordic/133493>. (Accessed 7 September 2016).

Iloniemi J. (2015) Maantieteelle emme mahda mitään [We Can Do Nothing to Geography]. Docendo, Jyväskylä, Finland.

Korhonen K. (2015) "Luovutus sopimus" [A Transfer Treaty], in Näin Suomea viedään [In This Way Finland is Being Dragged], VS-Kustannus, Alajärvi, Finland, pp. 17–24.

Korhonen K. (2015) "Kirje Suomen puolustusvoimien komentajalle" [A Letter to the Commander of the Finnish Defence Forces], in Näin Suomea viedään [In This Way Finland is Being Dragged], VS-Kustannus, Alajärvi, Finland, pp. 27–29.

Kuusisto R. (2003) "Turvallisuusretoriikkaa: Nato ja Suomi" [Security Rhetoric: NATO and Finland], in Kangaspuro, M. and Matinpuro T. (ed.), Suomi ja Nato – eurooppalaisia näkökulmia sotilasliitosta [Finland and NATO – European perspectives of a Military Alliance], Like, Helsinki, Finland, pp. 129–149.

Ledamöter & partier [Members & parties]. (2016), available at: <http://www.riksdagen.se/sv/ledamoter-partier/>. (Accessed 7 October 2016).

Muili H. (2016) "Miten Suomen ja Ruotsin Nato-selvitykset eroavat toisistaan?" [How Finland's and Sweden's NATO reports differ?], available at: <http://yle.fi/uutiset/3-9155066>. (Accessed 11 November 2016).

Nato-led Resolute Support in Afganistan. (2014), available at: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_113694.htm (Accessed 10 October 2016).

NATO's relations with Sweden. (2015), available at: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52535.htm?selectedLocale=sv. (Accessed 10 October 2016).

Newby A. and Titley G. (2003) "11.9. ja puolueettomuuden kuolema – Suomi, Irlanti ja Nato" [11.9. and the Death of Neutrality – Finland, Ireland and NATO], in Kangaspuro, M. and Matinpuro T. (ed.), Suomi ja Nato – eurooppalaisia näkökulmia sotilasliitosta [Finland and NATO – European perspectives of a Military Alliance], Like, Helsinki, Finland, pp. 151–181.

Karvinen J. and Puistola J.-A. (2015) *Nato ja Suomi* [NATO and Finland]. Auditorium Kustannusosakeyhtiö, Helsinki, Finland.

Nordberg E. (2004) *Suomi, EU, Nato ja Venäjä* [Finland, EU, NATO and Russia]. Art House, Helsinki, Finland.

Ojanen H. (2016) "Ruotsin ulko-, turvallisuus- ja puolustuspolitiikka" [Sweden's Foreign, Security and Defense Policy], in Blomberg F. (ed.), *Suomen turvallisuuspoliittisen ratkaisun lähtökohtia* [Starting Points of Finland's Security Policy Solution], National Defence University, Helsinki, Finland, pp. 131–165.

Pesonen R. (2015) *Nato hampaankolossa* [NATO – Unfinished Business]. Like, Helsinki, Finland.

Sierla A. (2007) *Suomen mahdollisen Nato-jäsenyyden vaikutukset* [Impacts of Finland's Possible NATO Membership]. Suomen ulkoasianministeriö [Ministry of Foreign Affairs of Finland], Helsinki, Finland.

Tarkka J. (2015) *Venäjän vieressä – Suomen turvallisuusilmasto 1990–2012* [Close to Russia – Finland's Security Climate 1990–2012]. Otava, Helsinki, Finland.

Tasavallan presidentti Sauli Niinistön uudenvuodenpuhe 1.1.2015 [President of the Republic Sauli Niinistö New Year's speech 1.1.2015], available at: <http://presidentti.fi/public/default.aspx?contentid=319058&nodeid=44810&contentlan=1&culture=fi-FI>. (Accessed 5 October 2016).

Valtasaari J. (2015) *Suomen turvallisuus* [Finland's security]. Docendo, Jyväskylä, Finland.

Valtioneuvoston ulko- ja turvallisuuspoliittinen selonteko [The Government Council's Foreign and Security Policy Report]. (2016), available at: http://valtioneuvosto.fi/documents/10616/1986338/VNKJ072016_fi.pdf/9a3a074a-d97f-43c4-a1d8-e3ddb8d1da. (Accessed 17 October 2016).

Varjus S. (2016) "Ruotsin pääministeri Löfven: Ei puolustusliittoa Suomen kanssa" [Swedish Prime Minister Löfven: No defense alliance with Finland], available at: <http://www.iltasanomat.fi/kotimaa/art-2000001203880.html>. (Accessed 5 October 2016)

Yes to memorandum of understanding with NATO on host nation support. (2016), available at: <http://www.riksdagen.se/en/news/2016/maj/27/yes-to-memorandum-of-understanding-with-nato-on-host-nation-support-ufou4/>. (Accessed 10 October 2016).

Neutral states at the crossroad: the issue of Sweden and Finland's membership in NATO

Author. Kilin Yu., Doctor of History, Head of the Department of World History, Political Science and International Relations, Petrozavodsk State University, Chairman of the Karelian Branch of the Association of European Studies. **Address:** 185910, Russia, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Pr. Lenina, 33–410. **E-mail:** kilinyuri@mail.ru

Abstract. The author analyzes the stages of convergence of Finland and Sweden with NATO after the collapse of the Soviet Union, assesses the degree of their political and military cooperation, the attitude of political parties and public opinion to the problem of membership of these countries in the North Atlantic Alliance, makes a forecast of further developments. Economically and militarily, Finland and Sweden were ready to join NATO in the early 2000s. At present principal obstacles to a political decision to apply for NATO membership are predominantly negative public opinion in both countries, the lack of political consensus, the need for a referendum, and the dependence on the simultaneous accession of these countries to NATO. Under normal conditions, the window of opportunity for a new round of updating the NATO agenda can only be opened after the parliamentary elections in 2018 and 2019 in Finland and Sweden, which should be preceded by an active pro-NATO propaganda with an unobvious result. In these circumstances, the political establishment of Finland and Sweden, under the pretext of the Ukrainian crisis, initiated the process of joining the Alliance's Host Nation Support program in September 2014. The program gives the two non-NATO countries the opportunity in a situation of aggravation of international relations to accept swift military assistance of the US, bypassing the bureaucratic mechanisms of the Alliance. This poses a greater danger to Russia than the formal membership of Finland and Sweden in NATO.

Keywords: problem of joining NATO, Sweden, Finland.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220176576>

УДК 341.1

Андрей КЛЁМИН

ФРГ: СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье рассматривается порядок имплементации норм международного права в ФРГ и специфика имплементации норм права ЕС. Раскрывается юдикатура Конституционного суда ФРГ о соотношении норм ЕС и Германии, верховенство немецкой конституции над внешними актами. Разъясняется смысл компромисса, полученного в результате 25-летней судебной тяжбы с обеих сторон. Освещаются также другие аспекты проблемы соотношения германского и международного права.

Ключевые слова: европейское право, Евросоюз, Германия, международное право, имплементация, верховенство конституции.

Послевоенная правовая традиция Германии – это преимущество международного права перед немецким. Но не всех его норм, а лишь общепризнанных. И хотя это понятие конвенционно не прояснено, к их числу можно отнести: основные принципы международного права, конвенции ООН и обычно-правовые нормы¹. Согласно ст. 25 конституции ФРГ, “общепризнанные нормы международного права являются составной частью федерального права. Они имеют преимущество перед законами и порождают права и обязанности непосредственно для лиц, проживающих на территории Федерации”. То есть общепризнанные нормы международного права – это составная часть внутреннего права Германии. Более того, суд дополнительно оберегает эти [общие] нормы следующим запретом: “Управленческим органам и судам запрещается в силу статьи 25 Основного закона давать силу актам не немецкого происхождения, нарушающим общие нормы международного права” [Bundesverfassungsgericht, Beschluß vom 21.5.1987].

Что касается не норм *jus cogens*² и международных обычаев, а международного договорного права, то для немецких публичных органов и судов приоритетным является не международный договор, а германский ратификационный закон. Именно он даёт гарантию сохранения национального *ordre public*³, сердцевиной которого в ФРГ считается федеративная нарезка страны и каталог основных прав. Привержен-

¹ Справедливо ли относить к общепризнанным нормам международного права общие принципы права – в этот вопрос мы сейчас не вдаёмся.

² *jus cogens* – императивная норма (лат.)

³ *ordre public* – общественного порядка (фр.)

ность этому порядку прекрасно сформулировал федеральный финансовый суд ФРГ: “Статья 25 Основного закона не распространяется и на международные договоры в том числе. Они становятся составной частью внутригосударственного правопорядка только на основе ратификационного закона” [Bundesfinanzhof, Urteil vom 1.2.1989].

То есть, если ст. 25 Конституции обязывает администрации и суды применять общепризнанные нормы без имплементации и с “преимуществом перед законами”, то для международных договоров требуется ратификация. А о “преимущество перед немецкими законами” ничего не сказано. Подтвердил эту установку на ратификацию и Конституционный суд ФРГ. В 1986 г. он вынес заключение, что “Современное международное право не содержит всеобщего правила о том, что государства были бы обязаны инкорпорировать свои договоры во внутригосударственное право и там приобрести приоритет в действии и применении перед внутригосударственным правом” [Deutsche Rechtsprechung in völkerrechtlichen Fragen 1986 – 1993 Giegerich].

Таким образом, с соотношением классического международного права и германского в основном ясно. Следовало бы ответить и на вопрос, каково соотношение германского права с нормами ЕС? Внесло ли членство в ЕС коррективы в соотношение международного и национального права?

Принято считать, что коммунитарное право обладает привилегированным, т.е. более высоким рангом по сравнению с классическими нормами международного права. Но имеют ли они такое же “преимущество перед законами” и такое же освобождение от ратификации, как и общепризнанные нормы международного права? Имеется ли у ФРГ обязанность, как говорит суд, “инкорпорировать свои договоры во внутригосударственное право и там приобрести приоритет...”?

Сразу скажем, что нет, не имеют и не являются. Нормы права ЕС хотя и международные, но не “общепризнанные”. Это нормы договорные – региональные, локальные, индивидуальные. Конституция ФРГ не наделяет их преимуществом перед законами ФРГ и не избавляет от ратификации. Норм о преимуществе и обязанности инкорпорации в основном законе мы не находим. О том, подпадают ли нормы ЕС под категорию “общепризнанных” или это нормы международного договорного права, – на этот счёт можно дать разъяснение Федерального финансового суда ФРГ. Своим заключением 1987 г. он не признал европейские учредительные договоры “общепризнанными нормами международного права” и составной частью немецкого права. По его заключению, “к общепризнанным нормам международного права в смысле статьи 25 Основного закона относятся *jus cogens*, международное обычное право и общие правовые принципы” [Bundesfinanzhof, Urteil vom 1.2.1989].

Другими словами, международные договоры, коими являются все акты ЕС, не получили никаких исключений. Для них сохранён немецкий порядок имплементации. Согласно ему, не сами договоры ЕС являются для органов ФРГ “своим” правом, а немецкие ратификационные законы, имплементирующие их в немецкое право. То есть конвенции ЕС разворачивают своё действие в Германии только через акты немецкого происхождения. В то же время именно в ЕС наибольшее развитие получил институт самоисполнимых норм международного права, т.е. отмены ратификационных процедур не только для “общепризнанных”, но и для “рядовых” международных договоров. За десятилетия существования ЕС мы привыкли воспринимать его “постановления” и “решения” как уникальные акты, которые выпадают из числа международных договоров. Это, конечно, не так. Все акты ЕС, даже если они и именуются иначе, остаются международными договорами. Любой акт ЕС – это всегда соглашение, либо он принят на основе соглашения. Венская конвенция 1969 г. позволяет именовать международные договоры как заглагорассудится. Казалось бы, на название обращать внимание не стоит. Но именно государ-

ствоподобные наименования конвенций ЕС (постановления (фр. регламенты), директивы, решения), плюс обязанность их сквозной инкорпорации и вводит в заблуждение.

За всеми актами ЕС стоят “высокие договаривающиеся стороны”. Другое дело, что их участие “припудрено”, а имплементация ушла в тень. Однако какой бы акт ни приняла Комиссия, Совет, Европарламент, это всегда плод согласования воли государств и международный договор в смысле Венской конвенции 1969 г. Собственно говоря, в международной организации других и быть не может. Однако с ЕС согласование воли и парламентская ратификация будто отмерла. А государства будто перешли на более прогрессивный и быстрый стиль сотрудничества – отказ от ратификации. Но если мы чего-то не видим, это не значит, что этого нет. Какое государство откажется от своего суверенитета. А ратификационная процедура – это контрольно-пропускной пункт в суверенитет. Для актов ЕС не сделано исключений. Учредители не отказались от их имплементации. Но они широко и смело применили институт самоисполнимых норм, известный международному праву.

Самоисполнимость состоит в том, что государства позволяют структурам, созданным ими, самостоятельно принимать акты в заранее оговоренных секторах. Как правило, это акты малозначительные. Почему так, потому что они не имеют учредительного характера, и не требуют изменения условий Договора или расширения коммунитарных полномочий. Но контроль и участие государств в нормотворчестве ЕС не снимается не только для учредительных конвенций, но и для многотысячных “малых” актов. Добровольно отказавшись от труда их всякий раз ратифицировать, государства остались их соавторами и контролёрами.

На эти “мелочи” литература, как правило, не обращает внимания. Однако напомним, что в арсенале ЕС есть такой акт как Протокол “Об участии национальных парламентов в правотворчестве ЕС”, согласно которому их участие обязательно. Брюссель обязан рассылать проекты всех своих актов в 28 парламентов. Обсуждают, ратифицируют, отвергают. Такое случается. Но снаружи это “участие” выглядит, как говорят, “в рабочем порядке” – будто решения принимаются лишь Брюсселем. При этом конвенции ЕС уподоблены “наднациональным” предписаниям, которые якобы спускаются столицам лишь для исполнения. Но, судя по ФРГ, ратификация не исчезла. Она имеет даже два уровня – федеральный и земельный. От результата их голосования зависит голос ФРГ в Совете ЕС – за/против. То есть ратификация не только не исчезла, но её итог к тому же и мало предсказуем.

Акты ЕС воспринимаются в ФРГ как “внешние”. Подтверждает их конвенционную природу сама Конституция. По ст. 24 Евросоюз – это не внутреннее формирование, а “межгосударственное учреждение” (*Zwischenstaatliche Einrichtung*). Второе, праву ЕС не придан конституцией ФРГ никакой иной статус, отличный от международного. Мы не встречаем нормы, которая прямо или косвенно сообщила бы нам, что право ЕС отличается от международного и что у него иной статус. Евросоюз подпадает под статус “межгосударственного учреждения”, а право учреждения – под статус международного, как того и требуют нормы ст. 23, 24, 25. Поэтому для норм ЕС конституцией установлены те же правила, что и для права любой международной организации. Процедура имплементации, принятая для международных договоров, обязательна и для актов ЕС.

Заметим, что Конституционный суд в своих заключениях о соотношении права ЕС и ФРГ, делает ударение на том, что деятельность ЕС строится на межгосударственном принципе сотрудничества. Он заключил, что согласно ст. 23 абз.1 Основного закона для членства ФРГ в ЕС, его дальнейшего развития, изменения условий договора или расширения коммунитарных полномочий каждый раз требуется изда-

ние немецкого ратификационного закона. Изменилось ли что-нибудь в этом соотношении за десятилетия членства в ЕС? Эволюционировал ли порядок взаимодействия двух правовых систем? Нет, не изменилось и не эволюционировал. “Преимущество” права ЕС перед Конституцией по-прежнему зиждется на шатком фундаменте джентльменского соглашения судов. А акты ЕС в том или ином виде проходят процедуру ратификации. То есть постановление, директива и решение ЕС нуждаются в акте имплементации, так как сами по себе не имеют для судов и публичных органов юридической силы. Для Берлина только статья 24(1) и на её основе ратификационный закон становятся юридическим основанием для действия акта ЕС в праве ФРГ. Для директив ратификация требуется каждый раз. Для регламентов и решений – одна генеральная.

Пробивная сила актов ЕС воспринимается многими как доказательство специфики ЕС. Но в действительности её здесь нет. На все прямые инкорпорации государствами заранее дано генеральное согласие в самих учредительных договорах. В Договоре о ЕЭС 1957 г., например, в ст. 189. государства предвидели, что впереди тысячи новых актов и сочли за лучшее облегчить себе труд, удешевив расходы на имплементацию. Чисто техническое решение. Базовые договоры ратифицированы специальными законами [*Zustimmungsgesetz*] и вступили в силу благодаря им. Поэтому безратификационные регламенты и решения на самом деле уже генерально ратифицированы и пропускаются насквозь при условии, что ею не превышены договорные полномочия. Государства следят за *ultra vires*¹.

Таким образом, юридическую силу и в случае классической конвенции, и коммунитарного регламента приобретает только “немецкий приказ на исполнение” [*Zustimmungsgesetz*]. Объявленные прямодействующими постановления и решения не менее других нуждаются в имплементации, но не каждый раз, а достаточно одного *Zustimmungsgesetz*. Например, закона 1959 г. о ратификации договора о ЕЭС. Самоисполнимыми стали и другие учредительные договоры – о Европейском объединении угля и стали (ЕОУС) или Европейского общества по атомной энергии (ЕВРАТОМ). Все они ратифицированы в Германии и благодаря этому вступили в силу. В этих и других случаях ФРГ добровольно отказалась от того, чтобы всякий раз подвергать соответствующие постановления и решения ратификации. Правда с условием, что те не являются жизненно важными и чувствительными для всей страны или её земель. Но контроль на конституционность сохранился, хотя и абстрактный.

Учредительные договоры действуют в ФРГ только на основе ратификационных законов. Договор о ЕОУС (1951 г.) – *Zustimmungsgesetz* 1952 г. Договоры о ЕЭС и ЕВРАТОМе (1957 г.) – закон “Об одобрении...” (*Zustimmungsgesetz zu den Gruendungsvertraegen der EWG und der Euratom vom 25. Maerz 1957*). Единый европейский акт 1985 г. – законом 1986 г. Маастрихтский договор 1992 г. – законом 1992 и т.д. Не все они самоисполнимые, но те, которыми прописана нормативная сила регламентов и решений, несомненно. Поэтому о прямом действии актов ЕС можно говорить лишь условно. Они подконтрольны немецкой юрисдикции. Ни один договор, если он учредительный, не остаётся не ратифицирован. А исполнительные акты (постановления и решения) принимаются на их основе. Согласие на их самоисполнимость добровольное. Оно принято государствами и ими же может быть изменено. А учитывая английский Brexit, продемонстрировавший, кто там в действительности хозяин, в этом нет ничего невероятного. Тем более что о возврате некоторых европолномочий Берлин поговаривает давно.

Обязанность прямой инкорпорации не значит, что регламенты и решения не

¹ *ultra vires* – с превышением полномочий (лат.)

проверяются на конституционность. Это случается, если те оказываются чувствительными для государства, т.е. по публичным соображениям (безопасности, государства, основных прав). Берлин способен включить процедуру ратификации любого вторичного акта. К чувствительным (ощутимым) он относит и иммиграционную политику. А если открыть ст. 108 Основного закона ФРГ, то можно обнаружить и ряд других чувствительных секторов – “таможенные пошлины, финансовые монополии, налоги с оборота, регулируемые федеральным законодательством, включая налоги на импорт и выплаты в рамках Евросообщества, регулируются федеральными финансовыми ведомствами”. Подчеркнём, немецкими, а не брюссельскими, хотя по Договору часть этих юрисдикций отошла ЕС в исключительное ведение.

По той же причине – защите суверенитета (национальной идентичности) Берлин не доверяет и методу квалифицированного большинства. Важные решения принимаются в Совете единогласием (налогообложение, сотрудничество в сфере юстиции, внутренних дел, общая внешняя политика и политика безопасности). При этом что более 80% актов, относящихся к внутреннему рынку, принимается квалифицированным большинством [Alexander Stubb, 2002: 11]. Правительства делят акты ЕС на публичные и экономические, т.е. “ощутимые” и обычные. Причём каждая страна сама решает какие “ощутимые”, а какие обычные. Для первых – единогласие. Для вторых – большинство. ФРГ отстаивает и сохранение метод единогласия в сфере иммиграции. Берлин стремится сохранить здесь право вето ввиду особой чувствительности сферы. Практика показывает, что ФРГ регулярно включает контроль для сквозных постановлений и решений.

Не забудем и принцип субсидиарности, ключом от которого, т.е. контролем за исполнением, владеют государства. Подчеркнём, Берлин действительно отклоняет.??? Он не просто абстрактно наблюдает, как “дырывается” его правопорядок чужими актами, он “конкретно” отклоняет их. Основание – принцип субсидиарности. По данным министерства финансов, количество европроектов, оспоренных на его основе: 2 из 60 (1999 г.); 5 из 84 (2000 г.) [Anna Vergés Bausili, 2002: 13]. А частично те или иные аспекты проектов оспариваются всегда. Таким образом, прямая инкорпорация – это красивая формула, несправедливо убеждающая нас в уникальности ЕС. Типичность ЕС подтвердил сам Суд ЕС, когда решением “Франкович” (1990 г.) заявил, что в вопросе об ответственности принцип тот же, что и в международном праве – за обязательства по договору отвечает только государство. Юридические и физические лица недостижимы для такого внешнего учреждения, как ЕС и несут ответственность за свои европейские действия в рамках лишь внутренних процедур – по уголовному, гражданскому административному праву государства.

То есть отказ от ратификации добровольен и давно известен международной практике. Сама правоспособность ЕС производна от государств. У неё, как и у любой международной организации, нет правотворческой самостоятельности. Она – вторичный субъект международного права. По заключению Конституционного суда ФРГ, у ЕС нет компетенции компетенций. Поэтому договоры ЕС заключаются только по мандату столиц, особенно внешние. Запрос и выдача мандата не демонстрируются, поэтому может казаться, будто ЕС и тут самостоятелен. Однако хозяевами конвенций (и учредительных, и производных) остаются государства. Они способны отменить любую норму ЕС, не испрашивая ничего согласия. Брюсселю, напротив, на любой, особенно внешний договор, требуется мандат. Это лицензия, без которой ЕС вправе самостоятельно издавать лишь политические декларации, резолюции, программы, стратегии, хартии, дорожные карты. Но разрешение на соглашение с третьими странами Комиссия испрашивает у государств письменным запросом. На это договором учреждена специальная процедура запроса мандата

(Комитет ст.133). Наряду с принципами субсидиарности и пропорциональности, мандат – это инструмент охраны суверенитета.

В ФРГ на страже суверенитета стоят нормы конституции и Конституционный суд. Правда, Берлин, как экспортная экономика, больше других заинтересован в ЕС. Поэтому суд стремится к лояльному сотрудничеству с ним, а не к конфронтации. Неудивительно, что он джентельменски отступил перед Люксембургом. В то же время линия Конституционного суда на обеспечение защищённости от влияния извне очевидна. Это он отстаивает право проверки актов ЕС на конституционность. Это, по его мнению, регламенты и решения, хотя и наделены прямым действием, но и над ними возвышается *Zustimmungsgesetz*. Это он рассматривает их как правовой фильтр от нежелательных внешних воздействий на немецкий *ordre public*. Это он отказал нормам ЕС в верховенстве над своей конституцией и сохранил право контроля над ними. Государства сохранили за собой не только право на имплементацию, но и собственные процедуры.

Все учредительные конвенции вырабатываются сообща, а ратифицируются по отдельности. Это известно. Таков порядок и в других международных организациях – единогласие и право вето. Правда, Европарламенту, тоже пропагандистски придано право ратификации, но оно не влечёт правовых последствий. Акты ЕС действуют насквозь не только потому, что так записали в базовой конвенции. Но и потому, что они ратифицируются на предварительном парламентском слушании. Поэтому, когда Минюст ФРГ получает из Брюсселя очередной регламент, то бывает достаточно лишь его простой сверки с обсуждавшимся проектом рядовым секретарём МИД. Включения процедуры ратификации на входе уже не требуется. Практичная, экономная, самоисполнимая конструкция. Поэтому акты ЕС лишь по форме напоминают подзаконные акты. На самом деле они остаются международными договорами, как их и определяет Венская конвенция 1969 г. Суверенитет государств никто не отменял.

Можно только поддержать проф. С.В. Черниченко, что как бы Брюссель не провозглашал “прямой эффект” европейских норм во внутригосударственные сектора, “в любом случае осуществление международного права не происходит без осуществления внутригосударственного права” [Черниченко, 1999: 147]. Международное и внутригосударственное право не подчинены одно другому. При этом он очень верно обратил внимание на вариативность согласования национального и международного права: “способы согласования внутригосударственного и международного права различны и зависят от права конкретного государства... государства могут договориться об использовании определённых способов согласования. Но сущность этого процесса всегда одинакова – приведение государством своего внутреннего права в соответствие с международным с целью обеспечить выполнение предписаний, дозволений и запретов, установленных последним” [Черниченко, 1999: 148].

В том же русле высказался и проф. Мюллерсон Р.А.: “Учредительные договоры ЕС – это нормы, которые для своего применения нуждаются в конкретизации. Их положения конкретизируются на международном уровне в других нормах международного права. Регламенты, директивы, решения и рекомендации – это нормы договорного права. Их санкционирование не обязательно требует издания закона. Это может быть акт исполнительной власти (короля, президента) в упрощённой форме – декретом или министерским приказом. В каждом государстве имплементация может быть своеобразной и отличаться от других. В частности, в федеративных государствах она имеет более сложный характер, т.к. в неё включены субъекты федерации” [Мюллерсон, 1982: 109].

В правовой науке не раз высказывалось мнение, что, чтобы суметь реализовать-

ся, право ЕС во многих отношениях зависит от национального права. Не секрет, что Союз не располагает собственными агентствами на местах для реализации своих предписаний. Их исполняют национальные звенья, которые подчинены не Брюсселю, а правительству страны-члена. “Прямое” действие норм ЕС в немецком праве целиком и полностью зависит от позиции Берлина. А правовой основой для действия евроактов в ФРГ являются не внешние конвенции, а только германские законы: а) Конституция ФРГ; б) решения федеральных судов; в) Договор об объединении ФРГ и ГДР 1990 г.; г) ратификационные законы; д) законы о взаимодействии Бунда и земель в делах ЕС.

Отсюда другой аспект проблемы соотношения и имплементации – двухуровневое право, которое в ФРГ требует участия в коммунитарном нормотворчестве не только федерального, но и земельных парламентов. В этом её специфика. Её федеративное деление считается незыблемым и ст. 79 Конституции гарантируется навечно. Поэтому процедура ратификации в ФРГ более длительная и результат её не очень-то предсказуем. Земля – Бундесрат – Бундестаг, только после всех трёх инстанций федеральный министр получает мандат, предписывающий голос в Совете – за/против.

Напрашивается вопрос: “А бывали ли случаи отклонения ландтагами евроактов или там лишь одобряют?”. Нет, Германия не всегда так послушна. Случалось, что ландтаги отказывали акту ЕС в легитимности, как противоречащему немецким интересам. Правда, кабмин не всегда учитывал их неодобрение и голосовал проевропейски. За это правительство беспощадно критиковалось, но всегда обстоятельно аргументировало своё поведение, ссылаясь на (широкие) цели интеграции. Самая дерзкая – Бавария – годами воюет против расширения компетенций ЕС. В 1989 г. она отклонила сразу две директивы. При первоначальном обсуждении в Совете ЕС кабмин согласился с её проектом. Но Бавария пожаловалась в Конституционный суд на неправомерность нарушения ею ст. 30 Конституции (“осуществление госполномочий и решение госзадач является делом земель”). В итоге решение Кабмина было названо судом кабинетным и не подлежащим исполнению. Однако он всё равно голосовал в пользу ЕС. Можно усмотреть в этом поражение Баварии и Конституционного суда, но для нас важно то, что и земельный контроль за евроактами сохранён и действует.

Не раз на предварительной стадии отклонял проекты и Бундесрат. Так, он отказал в одобрении тех же “табачных” директив 1989 г. и рекомендовал кабмину голосовать против. Но Бундесрат лишь рекомендует. Тем не менее правительство обязано учитывать его мнения. Уклониться от этого оно может лишь в случае существенных внешнеполитических и интеграционно-политических оснований. Берлин обязан проводить в ЕС политику в интересах земель и согласованную с ними.

Был случай когда Бавария обжаловала в конституционный суд позицию правительства о проекте телевизионной директивы ЕС. Ею вводилось требование применять телепродукцию коммунитарного происхождения – коммунитарная теле-квота. Программы ЕС должны были составлять 30%, а через три года уже 60% от всех. Но земли усмотрели в ней нарушение своих прав в сфере культуры, которая считается их исключительной компетенцией, и неправомерность вторжения в сферу телевидения и радиовещания. Бундесрат отклонил её, но кабмин вновь одобрил¹. В ответ на демарш центра Мюнхен обжаловал неучёт в Конституционном суде. Так что

¹ Надо отметить, что в ФРГ телевидение и радиовещание – дело земель. В частности, телеканалы ZDF, ARD, радио NDR, MDR учреждены именно землями на основе горизонтальных межземельных договоров.

случаются и конфликты, и отклонения.

В 1993 г. сотрудничество федерального центра и земель в делах ЕС было наконец урегулировано законом, согласно которому от центра требуется обязательное согласование острых вопросов, “Перед согласием на намерения, которые опираются на статью 235 Договора о ЕС, федеральное правительство добивается взаимного согласия с Бундесратом, поскольку и если его согласие требуется по внутригосударственному праву или поскольку земли обладают соответствующей компетенцией” [Scholz, 1990: 942]. То есть проблема соотношения европейского и национального права имеет в ФРГ и нелёгкое земельное обременение.

Третий аспект проблемы – это соотношение актов ЕС и конституции. Он наиболее чувствительный. Сейчас, когда Россия отстаивает верховенство российской конституции над решениями Европейского суда (ЕСПЧ), эта тема для РФ становится такой же актуальной, как когда-то для Германии.

Нормы ЕС, как все нормы международного права, обладают в праве ФРГ рангом простого федерального закона. Это не устраивает Брюссель. И активистский Суд ЕС уже в 1960-х гг. взялся сам узаконить верховенство норм ЕС над конституциями государств. В решении Коста против ЕНЕР 1964 г. он заявил, что приоритет права ЕС действует по отношению к национальному праву каждой ступени, включая конституции государств [Клёмин, 2004]. Однако немцы оказались тверды в своей конституции. В особенности норм о федеративном устройстве (ст. 79) и правах человека. Конституция не допускает их нарушения ни международным правом, ни даже изменением самой конституции. Это публичная оговорка. Она запрещает вторгаться в эти сектора как внешним, так и внутренним учреждениям.

Поэтому, чтобы вторгнуться Суд ЕС присвоил себе законодательные функции. Для начала он ввёл в практику расширительное толкование договора, а затем придал своим решениям прецедентную силу. Именно таким способом Суд ЕС ввёл в оборот несколько новых принципов, которых не было в стартовом договоре. В частности, “принцип верховенства права ЕС”. Суд развязал себе руки, перестав связывать себя конкретной нормой конвенции, а начав руководствоваться целями интеграции, либо аргументом *effet utile*¹ для интеграции несанкционированного расширения. Это решение кардинально изменило правопорядок ЕС.

Схема гениально проста – вначале Суд ЕС расширительно толкует норму ЕС, а позже сам ссылается на своё же толкование и тем легитимирует его. Сложилось даже правило “Эстоппеля” – если недоговорное действие ЕС не оспаривается, оно становится легитимным. Таким способом решение суда приобретало нормативный [а не индивидуальный] характер – нормотворческий, а не правоприменительный. Так, впервые Суд ЕС заговорил о приоритете права ЕС в 1960 г. в решении *Humblet*, где он лишь осторожно коснулся “ранга права”, указав, что Договор о ЕОУС обладает приоритетом перед внутригосударственным правом [Decision 6/60, 1972: 296]. Последовало ещё несколько осторожных касательств на тему ранга, где он эволюционно провозгласил непосредственное действие таких норм Договора, как: ст. ст.: 7, 9, 12, 13 абз.2, 16, 30, 32 абз.1, 48, 52, 53, 59 абз.1, 60, 85, 86, 90 абз.3, 95 абз.1 и 2, 119. А через четыре года (в 1964 г.), не видя сопротивления, суд сделал решительный поворот к этой проблеме (*Costa v ENEL*) – прямо заявил о приоритете европрава в случае любого коллизионного вопроса.

Пользуясь лояльностью правительств, суд оказался настоящим узурпатором полномочий государств-членов, взломщиком национальных правовых систем. Он фактически легализовал за собой право “достраивать” правопорядок ЕС, дописы-

¹ *effet utile* – полезный эффект (фр.).

вать учредительный договор 1957 г., вначале заполняя в нём пробелы, а потом расширяя поле его применения. Так бы продолжалось и дальше, если бы он однажды не переступил чувствительную для государств, черту суверенитета. Такова предыстория спора, потрясшего “интеграционный правопорядок”.

Бонн, оказавшись на переднем крае битвы с ЕС, первым распознал опасность для суверенитета этих судебных уловок и ползучего присвоения национальных полномочий. ФРГ выступила против в лице Конституционного суда. Соседи десятилетия с надеждой следили за битвой гигантов – судов ЕС и ФРГ. Она продолжалась более 25 лет, было вынесено более 25 судебных решений с обеих сторон. Напомним, что в стартовом договоре 1957 г. о ранге права ЕС не оказалось ни слова. Тем более нет норм о верховенстве права ЕС перед конституциями. И это понятно, ведь в 1957 г. государства заключали типичный международный договор, а не некую “уникальную евроконституцию”. И когда Суд ЕС в 1960-х гг. вдруг “присвоил” верховенство вторичным актам ЕС, то ФРГ не сдержалась и сделала ответный выстрел. Читаем решения Суда и удивляемся твердости его заявлений о приоритете конституции над нормами ЕС [Europäische Union Europäische Gemeinschaft, 1997: 280; Heinz Laufer/Ursula Muench, 2003: 389]. Уже из их тональности становится ясно, что ни о какой “надгосударственности” ЕС или его верховенстве нет и речи. Германия чётко постулировала, что настоящий хозяин договоров – государство. Для ФРГ нет различий – внутренняя норма или внешняя – они не могут противоречить Конституции. ФРГ требует контроля за конституционностью всех актов, будь то прямые регламенты или не прямые директивы или классические конвенции. Правоприменители ответственны за конституционность всего – как чисто европейского регламента, так и онемеченной директивы.

Карлсруэ отказал актам ЕС в верховенстве над конституцией, но признал постановления и прочие акты, имеющими преимущественную силу перед простыми законами. Итогом тяжбы стало неписаное джентльменское соглашение судов. В нём немцы не отказались от права контролировать акты ЕС на конституционность. Но взяли на себя (судебное) обязательство по-дружески не применять контроль. Суд уступчиво согласился считать нормы ЕС соответствующими. А Суд ЕС взял ответственное обязательство не нарушать её конституцию, и самому контролировать акты ЕС на конституционность. Контроль норм ЕС стал абстрактным, т.е. контролируем, но не запрещаем. А вы не нарушаете. И нарушений нет. Брюссель с тщанием прорабатывает качество своих актов.

Немцы же не отменили ни одной ратификационной процедуры в угоду ЕС, и ни одной нормы о соответствии конституции. Берлин продолжает считать, что внешние дела страны – это сфера германского суверенитета. Однако в эйфории первых лет интеграции Комиссия и Суд ЕС ошибочно сочли, что им переданы и полномочия, и суверенитеты.

Принцип верховенства над конституциями, о котором почему-то пишут как о факте само собой разумеющемся, на самом деле договорный нонсенс. В договорах его нет. Конституция в случае с ЕС едва ли не последний оплот независимости. Но для нового амбициозного правопорядка, каким стал ЕС, верховенство потребовалось сразу. Причем и над простыми законами, и конституцией. Суд ЕС установил, что органы государств обязаны применять предписания ЕС как свои собственные. По его мнению нормы ЕС наделены юридической силой более высокой, чем классические международные договоры. А регламенты и решения и вовсе запрещают вмешательство государств в дела ЕС со своей “устаревшей” имплементацией.

Однако вторжения в юрисдикции оказались чувствительнее, чем полагалось. И государства отреагировали. В праве ЕС появились защитные принципы субсидиар-

ности и пропорциональности. А ФРГ первой из стран ЕС выразила приверженность традиционной концепции имплементации. Правда, в 1986 г. Конституционный суд ФРГ под напором ЕС было дрогнул. Но позднее (в 1993 г.) подтвердил приоритет немецкой конституции знаменитым решением “Маастрихт”: “Федеративная Республика Германия после вступления в силу договора о Евросоюзе стала членом союза государств, в котором власть Сообщества производна от государств-членов и в сфере немецких суверенных компетенций может действовать обязывающим образом только в силу немецкого приказа на применение его права. Германия – это один из “господ договора”, которые обосновали свою связанность “на неограниченное время” заключённым договором о Союзе (Ст. Q ЕС) волей к долгосрочному членству, но в любой момент могут вновь отменить эту свою принадлежность встречным актом. Действие и применение европейского права в Германии зависят от приказа на применение права, содержащегося в ратификационном законе. Германия, таким образом, сохраняет качество суверенного государства исходя из своего собственного права, также как и статус суверенного равенства с другими государствами согласно ст. 2, Nr.1 Устава ООН от 26 июня 1945 г.” [Bundesverfassungsgericht, Urteil vom 12.10.1993].

Из этой выдержки ясна позиция Берлина сразу по нескольким аспектам. Во-первых, ни о какой пресловутой “наднациональности” нет и речи. Верховенство немецкого правопорядка декларируется твёрдо, без заигрываний. Своей неуступчивой позицией ФРГ повлияла в том же духе и на соседей. Да, малочувствительные сектора приносятся в жертву Брюсселю, тем более если они способствуют экспорту германской продукции (внутренний рынок). Но в принципиальных и чувствительных (публичных) вопросах ФРГ неуступчива. Не стоит обманываться – правовая интеграция охватывает лишь малую часть “правового немецкого айсберга” – всё что угодно, кроме суверенитета и публично-правовых основ.

В решении “Маастрихт” Конституционный суд ФРГ сформулировал и следующее: “В рамках Евросообщества сотрудничество остаётся межправительственным. Особенно этот принцип распространён на внешнюю политику и политику безопасности, так же, как и на сферы юстиции и внутренних дел. Федеративная Германия после вступления в силу Маастрихтского договора стала членом союза государств, чья управленческая власть производна от стран-членов и в сфере германского суверенитета может действовать обязывающим образом только в силу немецкого “приказа о правоприменении” [Bundesverfassungsgericht, Urteil vom 12.10.1993]. Яснее не скажешь. Поэтому решение “Маастрихт” важно не забывать, а освещать в учебниках. Оно чётко расставляет точки над *i*. В сегодняшней битве Конституционного суда РФ с юрисдикцией ЕСПЧ эта аргументация очень бы пригодилась. Тем более что суд ФРГ дезавуирует и домыслы о “наднациональности”. Очевидно, что Суд о ней и понятия не имеет. Её нет ни в договорах, ни даже в решениях судов. Она не используется ни в качестве конвенционного понятия, ни в качестве термина – разве что художественного эпитета.

В Венской конвенции 1969 г. говорится только о “международных организациях”, но ни “наднациональных”, ни “интеграционных” в ней нет. Суд заключил, что “Германия – один из “господ договора”, которые сами связали себя членством в ЕС. И предупредил, что могут и выйти из состава ЕС, т.е. свою принадлежность к ЕС государства могут отменить встречным актом. Ни добавить, ни убавить. Это особенно актуально в связи с брекситом. Великобритания вышла из ЕС именно таким встречным актом (референдум). Лондон откровенно игнорирует ст. 50 Лиссабонского договора – о выходе, как будто её нет в природе. Он выходит по своим правилам. И не считает нужным хотя бы помочь Брюсселю сохранить лицо. Реше-

ния в ЕС принимают национальные столицы.

Наконец, имплементация – здесь позиция Берлина конкретна: применение и действие в ФРГ любого коммунитарного предписания зависит от немецкого приказа – *Zustimmungsgesetz*. Эту часть решения суда надо вспомнить тем, кто уже списал национальную имплементацию в утиль. Этого, видимо, никогда не случится. Государства не хотят отмирать. ФРГ сохраняет качество суверенного государства исходя из собственной воли. А суверенное равенство с другими – на основе Устава ООН. Свой суверенный статус ФРГ подтверждала и последующими международными соглашениями [*Vertrag zwischen der Bundesrepublik*].

То есть монистическая концепция, традиционная для Германии, означающая, что международное право действует в правовом пространстве страны без ратификации и с преимуществом перед её внутренним правом, с членством в ЕС не унаследована. Последовательный монизм исходит из того, что международному праву придаётся приоритет над национальным правом включая конституцию. Немецкая доктрина монизма опирается в основном на учение Кельзена [*Kelsen, Reine Rechtslehre*, 2. Aufl. 1960], согласно которому существует единый всемирный правопорядок, охватывающий как международное право, так и национальное. Он якобы базируется на нормах международного права и его приоритете. Нормы конвенций при этом должны действовать напрямую для внутренних субъектов. А их юридическая сила должна вытекать из самой конвенции, а не из национального акта. Имплементация становится как бы излишней.

Страны ЕС стали “испытательным полигоном” международно-правового монизма. Некоторым видам норм ЕС была придана именно такая [монистическая] юридическая сила – без ратификации. Однако Конституционный суд ФРГ усмотрел в этом угрозу своему *ordre public* и дал официальное разъяснение, что их непосредственная применимость вытекает не из воли договора, а из того факта, что договоры ЕС, трансформируясь во внутренний правопорядок, становятся либо национальным законом, либо должны быть рассматриваемы как национальный закон и применяться национальными судами уже как национальные законы. Имплементация международных актов в ФРГ не отменена, а, напротив, подтверждена новыми судебными аргументами. Списывать её рано. На этот счёт в Конституции ФРГ имеется ещё одна статья – 59 (2), которая невзирая на позицию ЕС о “прямом применении”, конституирует обязательность имплементации норм ЕС: “договоры, регулирующие политические отношения Федерации или касающиеся вопросов федерального законодательства, требуют одобрения или содействия органов, компетентных в сфере федерального законодательства; договоры оформляются федеральным законом...”. Кажется, какие аргументы ещё нужны. Отказ от ратификации актов ЕС и их преимущество базируются в ФРГ не на нормах ЕС, а на ратификационных законах и политическом компромиссе.

Однако и Суд ЕС оказался крепким орешком. Он заявил, что приоритет права ЕС над германским не должен базироваться на её конституции. По его мнению, единственной и исключительной основой приоритета норм ЕС является само коммунитарное право, т.е. Брюссельский приказ на исполнение. По мнению ФРГ, наоборот, любое действие внешних актов внутри должно базироваться на немецком законе. Берлин отказался от распространения принципа монизма на все отношения между международным правом и национальным. Он исключил монистический подход к Конституции. То есть проверка норм ЕС на соответствие основному закону возможна и допустима. Берлин может включить её в любой момент, не нарушив этим Договора. Его проверочной компетенции ЕС отменить не может. Любой акт ЕС не исключён из подчинения Конституции. Эти постулаты подтверждены и убе-

дительно доказывают, что Германия следует дуалистической схеме соотношения европейского и национального права.

А вот как ответил о правовой природе ЕС Конституционный Суд ФРГ: “ЕС – это не суверенное государство, которому принадлежала бы компетенция компетенций во внутренних делах. Государства-члены есть сейчас, как и ранее, господа договоров о ЕС” [Deutsche Rechtsprechung in völkerrechtlichen Fragen 1986–1993].

Не только в ФРГ, но и в Италии гармонизация национального [дуалистического] подхода и [монистических] претензий права ЕС отдана на разрешение конституционным судам. Компромисс найден. Он неустойчив. С оговорками Конституционный суд ФРГ через десятки лет согласился с тем, чтобы нормы ЕС разворачивали своё действие на основе самих себя, а не конституции. С боями суд признал, что его контроль отступает, если принцип правового государства будет достаточно удовлетворяться посредством Суда ЕС и евростандартов прав человека. Гарантом конституции вместо Суда ФРГ объявлен Суд ЕС. Эта тяжба, кстати, побудила Брюссель к разработке Хартии основных прав ЕС.

Нельзя не упомянуть и о таком аспекте проблемы, как отношение немцев к заполнению пробелов посредством заключений Суда ЕС. Для этого на авансцену выступил Федеральный финансовый суд. Решением 1988 г. он постановил, что “это не дело судов заполнять договорные пробелы через дополняющие решения. Такого рода заполнение пробелов – дело исключительно самих договаривающихся государств”. И второе: “Если в результате изменения жизненных отношений созревают изменения международного договора, которых не могли предусмотреть договаривающиеся стороны, то это их дело заняться коррекцией договора” [Deutsche Rechtsprechung in völkerrechtlichen Fragen 1986–1993]. Вот так критически государство относится к фетишизации Суда ЕС и ползучему расширению им своей юрисдикции до прецедентной. То есть Суд ЕС воспринимается Берлином как незаконный правотворец (“не дело судов”). Сам он далёк от подчинения Суду ЕС – “Конечно, Конституционный суд, осуществляя своё правосудие в отношении применения производного права ЕС в Германии, находится к Суду Евросообществ в “отношениях кооперации” [Deutsche Rechtsprechung in völkerrechtlichen Fragen 1986–1993]. То есть если решение Суда ЕС и признаётся “как бы” нормой права, то это происходит в нарушение договора и не гарантирует исполнения.

* * *

Таким образом, немецкие суды отвергли верховенство права ЕС перед конституцией; отвергли притязание Суда ЕС на нормотворчество; Суд ЕС рассматривается в ФРГ лишь как “сотрудник”, а не высший суд; хозяевами договоров объявляются лишь государства; сохранено право проверки и имплементации. Такова часть аспектов, которые имеет проблема соотношения германского и международного права.

Список литературы

Клёмин А.В. (2004) Европейское право и Германия. Баланс национального и наднационального. / Изд-во Казанского университета. 589 с.

Мюллерсон Р.А. (1982) Соотношение международного и национального права / М.: Международные отношения. С. 109.

Черниченко С.В. (1999) Современные теоретические проблемы. Том 1. // Теория международного права. В 2-х томах. М.: Издательство “НИМП”. С. 147.

References

Kljomin A.V. (2004) Evropejskoe pravo i Germanija. Balans nacional'nogo i nadnacional'nogo. / Izd-vo Kazanskogo universiteta. 589 s.

Mjullerson R.A. (1982) Sootnoshenie mezhdunarodnogo i nacional'nogo prava / M.: Mezhdunarodnye otnoshenija. S. 109.

Chernichenko S.V. (1999) Sovremennye teoreticheskie problemy. Tom 1. // Teorija mezhdunarodnogo prava. V 2-h tomah. M.: Izdatel'stvo "NIMP". S. 147.

Alexander Stubb, (2002) Debating the Future of the European Union: From Laeken to IGC 2004 // Collegium, No.23, Spring 2002, P. 11.

Anna Vergés Bausili, (2002) Rethinking the Methods of Dividing and Exercising Powers in the EU: Reforming Subsidiarity and National Parliaments New York 2002, p. 13 // http://www.fedtrust.co.uk/eu_constitution.htm

Bundesverfassungsgericht, Urteil vom 12.10.1993, BVerfGE 89, 155.

Bundesverfassungsgericht, (1. Kammer des Zweiten Senats), Beschluß vom 21.5.1987 // Neue Juristische Wochenschrift 1988, 1462 / Deutsche Rechtsprechung zum Völkerrecht und Europarecht 1986–1993, Giegerich / Philipp / Polakiewicz / Rädler / Zimmermann, Heidelberg 1998.

Bundesfinanzhof, Urteil vom 1.2.1989 (I R 74/86), [89/1] / Deutsche Rechtsprechung zum Völkerrecht und Europarecht 1986–1993, Giegerich / Philipp / Polakiewicz / Rädler / Zimmermann, Heidelberg 1998 // available at: http://www.mpil.de/en/pub/publications/archive/rspr/r86.cfm?fuseaction_rspr=act&act=r8693_1

Decision 6/60 (Humblot) URT. v. 16.12.1960, rulings. VI, 1163 in: Ipsen H.P., European Community law, Tübingen, 1972, S. 296, RN. 71.

Deutsche Rechtsprechung in völkerrechtlichen Fragen 1986–1993 Giegerich / Philipp / Polakiewicz / Rädler / Zimmermann. 221. Verhältnis von völkervertragsrecht und innerstaatlichem Recht nr.86/3. Bundesverfassungsgericht, Beschluß vom 22.10.1986 (2 BvR 197/83), BVerfGE 73, 339 (s. 1822 [86/1]) // available at: http://www.mpil.de/en/pub/publications/archive/rspr/r86.cfm?fuseaction_rspr=act&act=r8693_21

Deutsche Rechtsprechung in völkerrechtlichen Fragen 1986–1993 Giegerich / Philipp / Polakiewicz / Rädler / Zimmermann 1801. Rechtsnatur der Europäischen Gemeinschaften. Nr.87/1 Bundesverfassungsgericht, Beschluß vom 8.4.1987 (2 BvR 687/85), BVerfGE 75, 223 (242) (s. 1881 [87/3]) // available at: http://www.mpil.de/en/pub/publications/archive/rspr/r86.cfm?fuseaction_rspr=act&act=r8693_224

Deutsche Rechtsprechung in völkerrechtlichen Fragen 1986–1993, Giegerich / Philipp / Polakiewicz / Rädler / Zimmermann 120. Völkervertragsrecht. Nr.88/2, Bundesfinanzhof, Urteil vom 14.12.1988 (s. 410 [88/1]) // available at: http://www.mpil.de/en/pub/publications/archive/rspr/r86.cfm?fuseaction_rspr=act&act=r8693_231

Deutsche Rechtsprechung in völkerrechtlichen Fragen 1986–1993, Giegerich / Philipp / Polakiewicz / Rädler / Zimmermann 120. Völkervertragsrecht. 1820. Europäische Gemeinschaftsrecht und deutsches Recht, Bundesverfassungsgericht, Urteil vom 12.10.1993 (2 BvR 2134/92, 2 BvR 2159/92), BVerfGE 89, 155 (ZaöRV 55 [1995], 870ff.) Nr.93/1 [g] // available at: http://www.mpil.de/en/pub/publications/archive/rspr/r86.cfm?fuseaction_rspr=act&act=r8693_231

Europäische Union Europäische Gemeinschaft: Die Vertragstexte von Maastricht mit den deutschen Begleitgesetzen. Bearb. Thomas Laeuffer. Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 6. Aufl. 1997. S. 280.

Heinz Laufer/Ursula Muench, Das föderative System der Bundesrepublik Deutschland, Opladen, 2003. S. 389.

Kelsen, Reine Rechtslehre, 2. Aufl. 1960.

Scholz R., Wie lange bis "Solange III"? // Neue Juristische Wochenschrift 1990, Heft 15. S. 942.

Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik – Einigungsvertrag. Preamble. Satz 2.

FRG: the correlation between international and national law

Author. Klemin A., Head of Department of International and European law. Kazan innovative University. Doctor in Law, professor. **Address:** 420111, Russia, Kazan, ul. Moskovskaya 42. **E-mail:** Kleminandrey@mail.ru

Abstract. The article deals with the German order of implementation of norms of international law. It covers the specifics of the implementation of EU law and reveals the judicature of the Constitutional Court of the FRG on the correlation of EU norms, and Berlin, which stands on the position priority of the German Constitution over external acts. Explains the meaning of compromise ("gentlemen's agreement"), as a result of a 25-year litigation on both sides. The undertaken research highlights other aspects of the problem of correlation of German and International law.

Key words: European law, European Union, Germany, International law, implementation, supremacy of the Constitution.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220177789>

УДК 339.94

Тарас МЕДВЕДКИН,
Евгения МЕДВЕДКИНА¹

ИРЛАНДИЯ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ОФШОР ИЛИ ЛИДЕР ЕВРОПЕЙСКОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ?

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования национальной инновационной системы Ирландии, особенностей привлечения прямых иностранных инвестиций в высокотехнологичные отрасли ирландской экономики, корпоративного налогового законодательства Ирландии и Европейского Союза, а также методов прямого государственного стимулирования в сфере исследований и разработок. Представленным анализом подтверждается авторская гипотеза о технологической офшоризации национальной инновационной системы Ирландии, которая требует трансформации на основе имеющегося инновационного потенциала и сформированных финансовых ресурсов.

Ключевые слова: Ирландия, инновации, исследования и разработки, высокотехнологичный экспорт, прямые иностранные инвестиции, налоговый кредит, налог на исследования и разработки, корпоративный налог, офшор.

Маленький город Бандоран (*Bundoran*), графство Донегол (*Donegal*), расположенный на Северо-Западе страны в заливе Донегол, является наиболее популярным местом для сёрфинга в Ирландии, на пляже которого образуются две знаменитые волны – Пик (*Peak*) и Пампа – Поинт (*Pampa Point*). Как искушенный сёрфингист, Ирландия, восстанавливаясь после банковского и финансового кризисов 2008–2009 гг., снова пытается не просто “поймать” волну экономической глобализации, но и “оседлать” её с помощью новых драйверов социально-экономического развития: трансфер знаний, технологий и инноваций. Ждёт ли Ирландию удача или подводные течения глобального рынка высоких технологий выбросят её на беспощадные инновационные рифы?

Масштабы и тенденции современной глобализации формируют новые вызовы и возможности эволюции экономических систем различных уровней научной аб-

© *Медведкин Тарас Сергеевич* – д.э.н., профессор кафедры “Мировая экономика, политика и глобализация”, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), доцент. **Адрес:** г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69. **E-mail:** taras.medvedkin@gmail.com

Медведкина Евгения Александровна – д.э.н., профессор кафедры “Мировая экономика, политика и глобализация”, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), доцент. **Адрес:** г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69. **E-mail:** yevgeniya.medvedkina@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope2201790100>

стракции, аргументируют необходимость их тонкой настройки исходя из конкурентной позиции, а также определяют роль в международном разделении труда в XXI в.

Так, устойчивое и долгосрочное экономическое развитие государства может быть достигнуто только лишь исходя из синергетического эффекта, полученного в результате структурных макроэкономических трансформаций и стратегического (целевого) планирования изменений национальной инновационной системы как, с одной стороны, *обособленного* конструкта, обеспечивающего формирование долгосрочной международной конкурентоспособности государства, а с другой – глубоко *интегрированной* (инкорпорированной) системой в рамках глобальных цепочек создания стоимости, базовым элементом которых в настоящее время являются исследования и разработки.¹

Исходя из того, что инновационный процесс на государственном уровне из дискретного трансформировался в перманентный, произошло слияние национальной инновационной деятельности и государственной макроэкономической политики, а в рамках Европейского Союза, ещё и интеграционного взаимодействия в целом, актуальным становится изучение стимулирования инновационной деятельности как одной из основных целей европейской политики развития постиндустриальной экономики, которая предусматривает достижение целевого показателя инвестирования исследований и разработок на уровне не менее 3% от ВВП².

Одним из наиболее значимых факторов привлечения иностранного бизнеса в экономику любого государства является комфортная налоговая среда, а именно корпоративный налог (налог на доход корпораций) (*corporate tax*), являющийся прямым налогом, который часто соотносится с налогом на прибыль или налогом на капитал компаний. Следует отметить, что партнёрские отношения в рамках производственной кооперации в системе корпоративной цепочки создания стоимости, как правило, не облагаются налогом на уровне предприятия, но в то же время под правовые нормы этого закона попадают и иностранные корпорации, которые имеют постоянное представительство в стране базирования, и корпорации, считающиеся налоговым резидентом страны базирования для оптимизации (минимизации) налоговых обязательств.

Фискальное законодательство ЕС, касающееся размеров ставок корпоративного налога, не отличается единообразием и постоянством, что во многом объясняется особенностями посткризисного восстановления, размерами экономики и структурой хозяйства. Однако в течение как минимум последних десяти лет в Европейском Союзе существовали налоговые бреши в монолитном конструкте европейского фискального законодательства – Кипр, Ирландия и Болгария, которые сохраняли уровень ставки корпоративного налога на уровне, не превышающем 12,5%.

Исходя из особенностей структуры экономик Кипра, Болгарии и Ирландии, только лишь последняя обладает необходимым промышленным потенциалом (фармацевтика, производство медицинского оборудования, информационные и мультимедийные технологии, машиностроение, пищевая промышленность), который при инвестиционном стимулировании может дать значительный экономический эффект в высокотехнологической сфере.

¹ OECD-World Bank Group report “Inclusive Global Value Chains: Policy options in trade and complementary areas for GVC integration by small and medium enterprises and low-income developing countries”

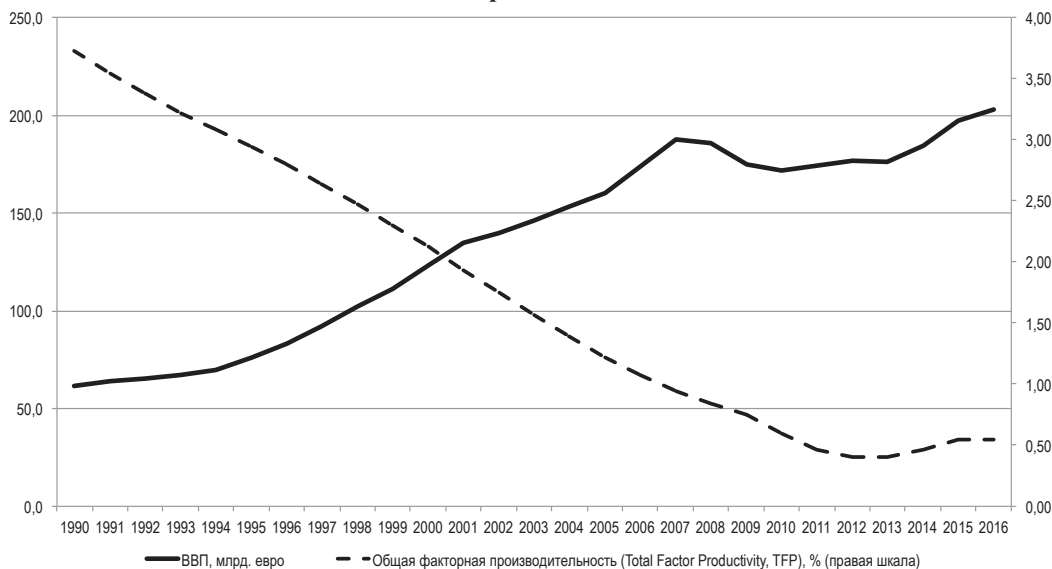
² URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:EN:PDF>

Своевременным становится вопрос о глубинных причинах достаточно стремительного восстановления экономики Ирландии, триггерах постиндустриального развития и дальнейшем мейнстриме инновационной политики Ирландии в контексте усиления научно-технологической глобализации и уплотнении “материи” международного рынка высокотехнологичной продукции.

Ирландия прошла тяжёлый путь восстановления после 2010 г., когда рухнула банковская система и наблюдался глубокий кризис суверенного долга, итогом которого стало включение в программу финансовой поддержки и стабилизации ЕС и МВФ. По прогнозным показателям, в 2016 г. экономика Ирландии должна увеличиться на 4% по приросту ВВП, что ниже, чем достигнутый 6%-ый прирост в 2015 г., но в то же время такая динамика обеспечивает лидирующее место среди стран ОЭСР (см. график 2). Государственный дефицит, приближающийся к показателю в 100% ВВП (-2% по сравнению с 2015 г.), позволяет говорить об относительном оздоровлении банковской системы на фоне существенного снижения безработицы с 15,1% до 9,3% к концу 2016 г.

График 2.

Динамика валового внутреннего продукта и общей факторной производительности Ирландии

Источник: данные ОЭСР

С одной стороны, Ирландия столкнулась с нисходящей динамикой общей факторной производительности (*total factor productivity*) как экономического понятия, обозначающего совокупность факторов, влияющих на выпуск продукции, за исключением затрат труда и капитала. Другими словами, это так называемый остаток Солоу, отвечающий за те изменения в объёме выпуска продукции, которые не вызваны затратами труда и капитала, исходя из функции Кобба – Дугласа. В случае Ирландии общая факторная производительность может рассматриваться как индикатор долгосрочных технологических изменений или технологической динамики, хотя чёткая аналогия с макростатистическими показателями, такими, как, напри-

мер, государственные расходы на науку и образование, бизнес – расходы на НИОКР, отсутствует.

С другой стороны, положительная динамика роста валового внутреннего продукта в посткризисный период иногда поверхностно объясняется только лишь притоком иностранных инвестиций. Так, за период с 2009 г. по 2013 г. объём иностранных инвестиций в экономику Ирландии составил 125 млрд евро, что составило 61% ВВП по итогам 2013 года. Даже в самый разгар банковского, финансового и миграционного кризиса иностранный капитал и интеллект продолжали вливаться в экономику Ирландии. Наиболее заметным свидетельством этого процесса можно определить функционирование так называемых Кремниевых доков (*Silicon Docks*), расположенных в восстановленных доках в порту Дублина. Это место считают ядром кластера информационных технологий Ирландии. Ряды стратегических партнёров, таких, как IBM и Microsoft, в последние годы дополнились партнёрами из европейских, ближневосточных и африканских представительств компаний, оказывающих онлайн услуги и администрирующих социальные сети, такие, как Google, Facebook, Twitter и LinkedIn.

В отличие от традиционных концепций и подходов, предлагаем исследовать это достаточно новое явление с точки зрения офшорной составляющей функционирования высокотехнологичных транснациональных компаний, их подразделений и филиалов, которые позиционируют себя налоговыми резидентами Ирландии.

Национальная инновационная система Ирландии представляет собой противоречивый механизм генерирования новых знаний и идей, который не всегда поддается экономической логике (далее по тексту подтвердим этот аргумент), поэтому предлагаем рассматривать его как элемент теории системного анализа под названием “черный ящик” (*black box phenomena*).

Валовые расходы на исследования и разработки в Ирландии за исследуемый период существенно не изменились и почти достигли 3 млрд евро, в контексте снижения доли государственного сектора в инвестиционном процессе с 33% до четверти от ВВП (см. график 3). Однако указанное снижение компенсируется не только сохранением значения иностранного инвестирования, но и увеличением этого показателя почти до 50% (или 1459 млн евро).

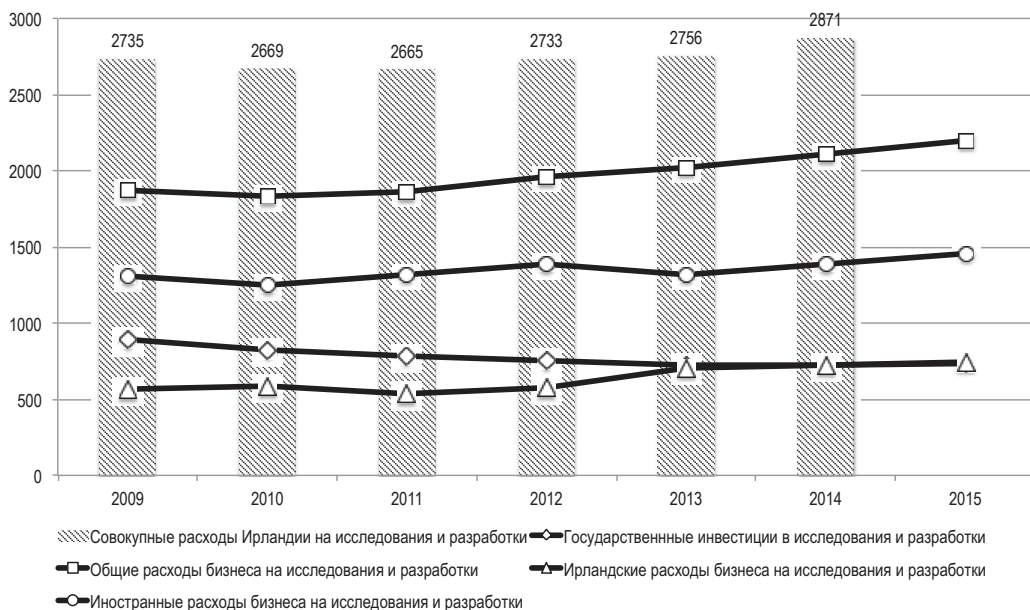
Влияние прямых иностранных инвестиций в инновационной системе трудно недооценить, так как по итогам 2013 г. 80% (1574 ед.) инновационно активные фирмы Ирландии являются иностранными компаниями, с одной стороны, и налоговыми резидентами Ирландии – с другой. Следует отметить, что из указанных компаний 74% – это предприятия мелкого бизнеса, 19% – среднего и только лишь 7% – крупного. Сферы хозяйственной деятельности инновационно активных компаний также существенных изменений не претерпели – 42% составила сфера материального производства и 32% – информационные и коммуникационные технологии.

Таким образом, краткий обзор текущего состояния национальной инновационной системы Ирландии даёт полное основание говорить о доминировании малых неирландских компаний, которые активизируют свою деятельность в высокотехнологичном секторе – “электроника и телекоммуникационное оборудование”.

Приведённые выше макростатистические данные, которые характеризуют инновационную сферу Ирландии, являются результирующими показателями, напрямую зависящими от государственной политики, институциональной среды и налогового законодательства. Государственное стимулирование инновационной деятельности может реализовываться в прямой и косвенной форме.

График 3.

Динамика основных источников инвестиций для исследований и разработок в Ирландии, млн евро (*total intramural R&D expenditure*)

Источник: данные Евростата¹.

Ирландия впервые представила налоговый кредит по исследованиям и разработкам (*R&D tax credit*) в Законе о финансах в редакции от 2004 г. [Finance Act, 2004] как наиболее значимый инструмент косвенной, а корректнее – скрытой формы и инструмента поддержки инновационной сферы. Основная цель налогового кредита – это стимулирование дополнительного объёма валовых расходов бизнеса на исследования и разработки. Налоговый кредит доступен для всех фирм – налоговых резидентов Ирландии, которые осуществляют исследования и разработки в Европейской экономической зоне (*European Economic Area*).

Первоначально схему использовали по расходам и исследованиям, связанным с инкрементальными инновациями (инновации, чаще всего являющиеся порождением маркетологов, которые, исследовав запросы целевой аудитории, заказывают технологам новую функциональность, то есть имеют низкую наукоёмкость / новизну технологического решения и низкую пользу для общества в целом), начиная с 2003 г. Тем не менее с 2012 г. до настоящего времени схема кредита по исследованиям и разработкам используется для любого типа инновационного продукта².

¹ URL: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>

² Квалификация расходов на инновационную деятельность (исследования и разработки) производится на основе 6-й редакции Руководства Фраскати [Manual Frascati, 2002]. Поскольку налоговый кредит был введён в 2004 г., определение доходов и расходов изменило

Налоговый кредит по исследованиям и разработкам предусматривает возможность возврата до 25% квалификационных расходов по исследованиям и разработкам в соответствии с фискальным законодательством Ирландии [Statutory Instrument No. 434, 2004] за последние 12 месяцев проведения исследований и разработок.

В качестве приоритетных сфер для исследований и разработок фискальное законодательство определило, с одной стороны, естественные, инженерные, медицинские и сельскохозяйственные науки, а с другой – виды работ, фундаментальные, прикладные и экспериментальные.

Хотя схема полноценного кредитования исследований и разработок является более эффективной для администрирования, тем не менее она снижает результаты применения этого инструмента, так как распространяется на инновационную деятельность, которая реализовывалась и до принятия Закона о налоговом кредите по исследованиям и разработкам.

Другое основное изменение налогового кредита произошло в 2009 году, когда кредит стал погашаться, то есть фирмы могут потребовать возврата денег, если их расходы на исследования и разработки были больше, чем их налоговые обязательства (которые могут быть нулевыми или положительными). Это было сделано для повышения привлекательности полной схемы для предпринимательского сектора, и можно было бы считать особенно полезным для фирм на этапе стартапа.

Стоимость казначейского налогового кредита учитывает два основных элемента: упущенные налоговые поступления от фирмы, выставленные против их положительных налоговых обязательств, и возвратный кредит для фирм в случае, когда их расходы на исследования и разработки больше, чем их налоговые обязательства (которые могут быть нулевыми или положительными). Доля возвратных кредитов становится все больше и больше в стоимости казначейских налоговых кредитов, так как в них нет никаких ограничений по направлению использования размещённых на возвратной основе сумм налоговых кредитов, а это означает, что убыточная фирма может извлекать выгоду из полноценной схемы в течении неопределённого срока.

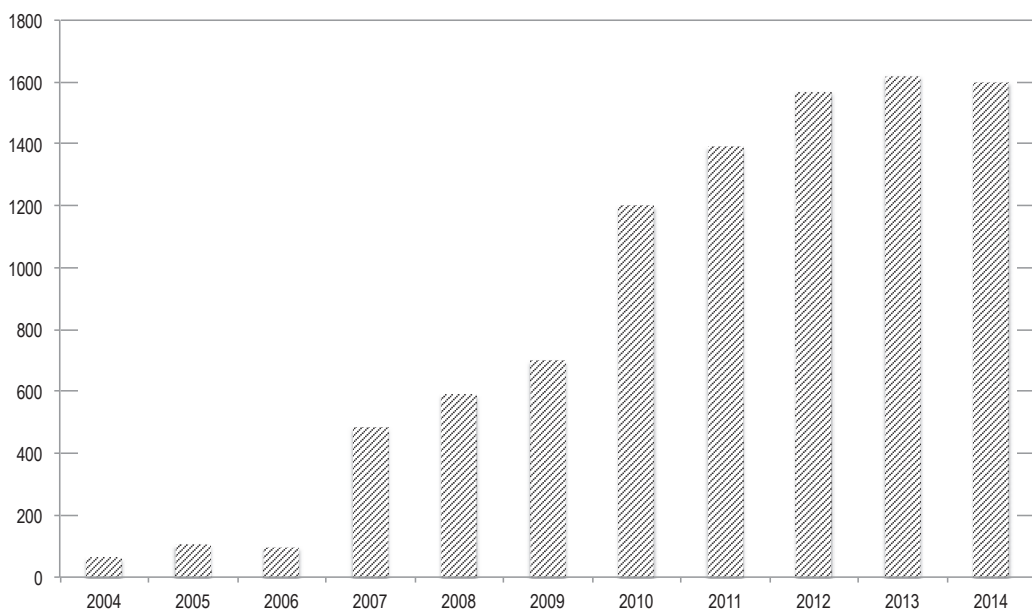
Как показывает статистика, в инновационной системе Ирландии функционировало 159 фирм, которые ежегодно получали безвозмездный кредит в период с 2009 по 2014 год, из них 97% были налоговыми резидентами Ирландии, в том числе и иностранными компаниями, а 75% из них имели штат менее чем 50 сотрудников (см. график 4). Эти же фирмы составляют 63% от общего количества всех фирм, претендующих на возврат налоговых кредитов, возникших в период между 2009 и 2014 годами.

Прямые формы поддержки инновационной деятельности в Ирландии не являются новыми для экономики и реализуются в форме предоставления субсидий и грантов прямой финансовой поддержки. Общий объём средств, предоставленных в виде субсидий, возрос на 42% начиная с 2007 г. до 2010 г., а в 2010 г. он преодолел свой пик и упал на 20%, что обусловило падение доли общего объёма финансирования исследований и разработок в размере от 20 до 50% из-за значительного увеличения возмещаемого налогового кредита.

своё толкование. Начиная с 2015 г. интерпретация выручки стала более узким, чем указано в Руководстве Фраскати, но за рассматриваемый период (2007–2014 гг.) оно не выходит за рамки определения ОЭСР.

График 4.

Количество требований по налоговому кредиту по исследованиям и разработкам,
ед. (total number of R&D tax credit claims)

Источник: данные Евростата¹.

За период с 2007 по 2014 г. динамика финансирования прямой поддержки изменялась синусоидально: первоначальный рост с 70 млн евро до более чем 120 млн к 2010 г. сменился снижением до почти 100 млн в 2014 г. (см. табл. 5), что подтверждает влияние глобальной неопределённости экономического развития.

Таблица 5.

Прямая государственная поддержка исследований и разработок в Ирландии в виде грантов (субсидий), млн евро

Год	Гранты (субсидии) на проведение исследований и разработок		Всего
	Ирландские компании	Иностранные компании	
2007	33	36	69
2008	48	39	87
2009	64	55	119
2010	59	63	122
2011	50	58	108

¹ URL: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>

2012	52	44	96
2013	55	59	114
2014	52	46	98

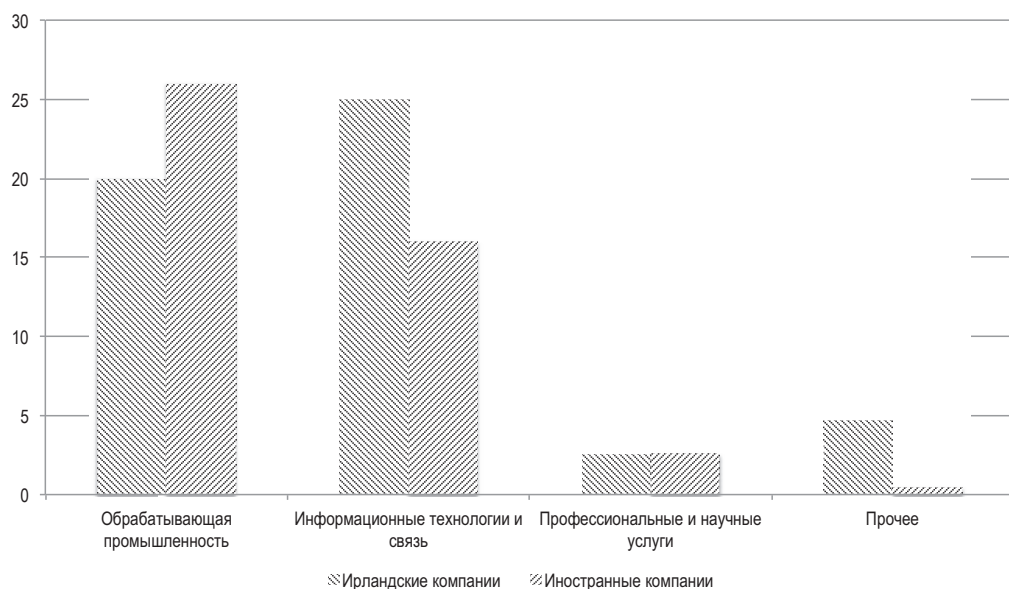
Источник: данные Евростата¹.

С точки зрения расходов, доля субсидий между ирландскими и иностранными фирмами была равномерно распределена в течение периода. На отраслевом уровне, суммарные выплаты грантов преобладают в сфере материального производства и оказания информационных (коммуникационных) услуг, на долю которых приходится 46 и 40% соответственно. Профессиональные, научные и технические виды деятельности получили значительную часть грантовых выплат – 6,1%, в то время как все другие секторы получили в совокупности 4,5%.

Хотя общий уровень поддержки ирландских и иностранных компаний достаточно похож, распределение видов экономической активности между ними меняется. Оказание поддержки ирландским фирмам сосредоточено в секторе информационных технологий и связи (см. график 5).

График 5.

Распределение государственных грантов на исследования и разработки по видам инновационной деятельности в Ирландии в 2014 г., млн евро

Источник: данные Евростата².

¹ URL: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>

² URL: http://ec.europa.eu/growth/industry/innovation/facts-figures/scoreboards_en

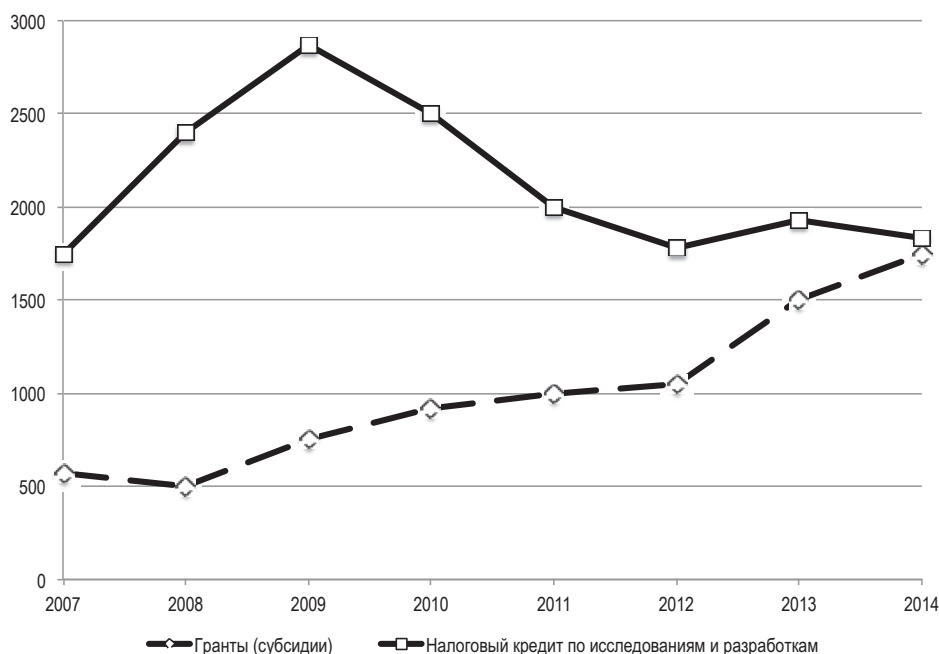
Поддержка иностранных фирм в это же время в значительной степени сконцентрирована в обрабатывающей промышленности, что, с одной стороны, снижает значимость Ирландии как технологического офшора, а с другой – определяет принцип опосредованности технологической преемственности.

Таким образом, резюмируя анализ государственной инновационной политики Ирландии в сфере поддержки исследований и разработок (*прямые и косвенные инструменты поддержки*), необходимо сопоставить затрачиваемые усилия и полученный эффект. В качестве экономического “знаменателя”, к которому можно привести различные инструменты государственной поддержки, считаем целесообразным выбрать удельные затраты на одного занятого в инновационной среде.

К сожалению, сравнение в данном случае является несовершенным, поскольку численность работников для фирм, получающих гранты, основана на данных, формируемых на уровне предприятия, тогда как статистика по налоговому кредиту формируется на уровне органа государственной статистики (см. график 6). Более того, облагаемый субъект может состоять из более чем одного завода.

График 6.

Средние издержки на государственную поддержку исследований и разработок на одного занятого в инновационной сфере в Ирландии в 2014 г., евро

Источник: данные Евростата¹.

¹ URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/R_%26_D_expenditure

Как показывают данные, эффективность налогового кредита на одного работника достигла своего пика в 2009 г., когда инструмент кредитования был введен. Хотя статистика даёт возможность сформировать некоторое представление об относительных затратах, этого недостаточно, чтобы сделать вывод, на каком из инструментов государственной инновационной политики отражается более эффективное использование государственных средств, и так как неопределённой остаётся процедура “перелива” гранта (прямой государственной субсидии) в налоговый кредит, предлагаем использовать это в качестве *black box phenomena*. Более того, практически вне системного анализа остаются, например, “переливы”, связанные с проведением фундаментальных прикладных исследований, то есть, например, грант может быть лучше реализован в состоянии целевых исследований, что ближе по своей природе к прикладным исследованиям, а налоговый кредит по исследованиям и разработкам сформирован в рамках выполнения фундаментальных исследований.

Подытоживая анализ прямых и косвенных инструментов государственной поддержки исследований и разработок в Ирландии, можем сформировать несколько тезисов, которые, могут в некоторой степени ответить на вопрос, поставленный в начале статьи:

- инновационная система Ирландии до 2009–2010 гг. носила явные характеристики *офшорной территории*, что подтверждается принципом экстерриториальности в фискальном законодательстве, особенностями иностранного инвестирования и государственного невмешательства в выбор приоритетных сфер высокотехнологичных исследований и разработок, которые определяются руководством Фраскати;

- доминирующим субъектом национальной инновационной системы Ирландии является налоговый резидент (иностранная компания) со штатом до 50 человек, который имеет все возможности следовать не только принципам руководства Фраскати, но и попасть под пристальное внимание антимонопольного законодательства ЕС;

- практически паритетное деление государственной поддержки и стимулирования инновационной деятельности между обрабатывающей промышленностью и сферой оказания услуг, с одной стороны, свидетельствует о роли Ирландии как европейского инновационного лидера, с другой – ставит под сомнение юридическую возможность применения исключительно национального законодательства для привлечения крупных игроков рынка высокотехнологичных товаров и услуг.

Вместо выводов

Безусловно, Ирландия не является европейским пионером создания особых территорий развития, пользующихся разнообразными преференциальными инструментами государственной поддержки инновационной деятельности, хотя некоторые национальные зоны стратегического развития Ирландии (*Strategic Development Zones*) в последние месяцы не сходили с первых полос таблоидов как в Европе, так и за океаном. Достаточно вспомнить претензии Еврокомиссии к корпорации Apple в виде иска на 14,3 млрд долларов США неуплаченных долгов из-за представительства в Дублине, до этого – Starbucks и 34 млн долларов США, McDonalds, Amazon и т.д.¹.

¹ URL: <http://www.nytimes.com/2016/11/10/technology/ireland-apple-tax-vestager.html>

Подобные территории позволяют странам в период глубоких, структурных и системных трансформаций национальных экономических систем получить дополнительный импульс для развития, особенно это важно и значимо в посткризисный период, о чём свидетельствуют представленные результаты проведённого исследования. Однако этот процесс, как говорится в ирландской пословице *It's an ill wind that blows nobody good*, может не столько придать импульс развитию, сколько “перегреть” экономику, причинив бóльший ущерб. Об этом свидетельствуют полученные результаты исследования: в Ирландии – минимальный уровень корпоративного налога, высокий уровень иностранной инвестиционной активности, но низкий уровень национального участия в глобальных цепочках создания стоимости, при значительном кадровом потенциале, что может расцениваться как критерии технологического офшора.

Проведённое исследование не претендует на однозначность представленных выводов, предлагаемых аргументов и тезисов, но, на наш взгляд, в национальной инновационной системе Ирландии сформировалась финансовая основа для технологических трансформаций, отработан институт налоговой поддержки высокотехнологических предприятий и отраслей, заложен фундамент подготовки национальных специалистов, которые могут радикальным образом изменить соотношение сил за счёт синергетического эффекта не только среди стран Европейского Союза, но и в мировом масштабе.

Список литературы / References

Finance Act of Ireland, 2004.

Taxes Consolidation Act 1997 (qualifying town renewal areas) (rosses point, county sligo) (amendment) order 2007. – Statutory Instrument No. 434, - 2004.

Frascati Manual: Proposed Standard Practice for Surveys on Research and Experimental Development, 6th edition, - 2002.

EUROPE 2020: A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. – Brussels. - 3.3.2010.- COM(2010) 2020 final

OECD Economic Surveys: Ireland 2015, OECD, 2015, <http://dx.doi.org/10.1787/888933275011>

Ireland: the technological offshore or the European innovation leader

Authors. Medvedkin T., Doctor in Economics, Ass. Professor, Professor of the Department of World Economics, Politics and Globalization, Rostov State University of Economics. **Address:** 69, B. Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia. **E-mail:** taras.medvedkin@gmail.com

Medvedkina Ye., Doctor in Economics, Ass. Professor, Professor of the Department of World Economics, Politics and Globalization, Rostov State University of Economics. **Address:** 69, B. Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia. **E-mail:** yevgeniya.medvedkina@gmail.com

Abstract. The article presents the results of the study of the national innovation system in Ireland, the features of attracting foreign direct investment in the high-tech sectors of the Irish economy, the corporate tax legislation of Ireland and the European Union, as well as methods of direct government incentives in research and development. The presented analysis confirms the authors' hypothesis of technological offshoring of the national innovative system of Ireland, which requires transformation based on the available innovative potential and generated financial resources.

Keywords: Ireland, innovations, research and development, hi-tech export, foreign direct investment, tax credit, R&D tax, corporate tax, offshore.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope2201790100>

УДК. 327.2

Валерий МИХАЙЛЕНКО,

Анна ПЕРЕВАЛОВА¹

ИТАЛЬЯНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС В ОБНОВЛЁННОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Аннотация. С 1945 года в Италии публично говорить о национальных интересах было равносильно использованию фашистской терминологии. В последние годы итальянская культура пацифизма вступила в противоречие с реальной внешней и военной политикой. Итальянские вооружённые силы принимают активное участие в миротворческих и военных миссиях. В период правительства М. Ренци приняты документы, в которых тема “национального интереса” из дискуссионной трансформировалась в статьи официальной военно-политической стратегии. В данной статье на основе опубликованной Министерством обороны Италии “Белой книги международной безопасности и обороны” (2015), официальных выступлений государственных деятелей Италии, аналитических докладов рассматривается формирование концепта «национального интереса». Понятие “национальный интерес” анализируется на основе подходов школы политического реализма (Г. Моргентау и др.), которая увязывает его с понятием “сила” (власть) государства на международной арене. В официальных документах Италия впервые предстаёт как самостоятельный актор внешнеполитических проектов с возможностью использования военной силы для их реализации. Согласно доктрине, сферой непосредственных «национальных интересов» определен Средиземноморский регион. Военные операции могут осуществляться не только в интересах союзников по Атлантическому альянсу, но и самостоятельно в обозначенной зоне влияния Италии. При принятии решений в областях региональной и военной политики итальянское руководство всё более будет ориентировано на обращение к национальным интересам.

Ключевые слова: национальный интерес, безопасность, военно-политическая стратегия, внешняя политика, военная политика, правительство Маттео Ренци, Белая книга международной безопасности и обороны.

© **Михайленко Валерий Иванович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Адрес:** 620083, проспект Ленина, 51, **E-mail:** valery.mikhaylenko@urfu.ru

Перевалова Анна Андреевна – аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; научный сотрудник, Итальянский институт высших геополитических исследований. **Адрес:** 20, Tevere St, Rome, Italia, 00198. **E-mail:** perevalova.ann@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22017101110>

Распад биполярной системы и формирование Европейским Союзом собственной политики безопасности и обороны вызвали некоторую эрозию внутриатлантической солидарности, спровоцировали повышенный интерес к формулированию собственно национальных интересов и национальной политики в странах Союза. Немалую роль в этом процессе сыграло исчезновение или маргинализация ведущих политических партий в Италии, протагонистов “холодной войны”, для которых демонстрация союзнической солидарности являлась чуть ли не главным политическим капиталом. Тем не менее, как отмечал бывший Президент Италии Дж. Наполитано, начиная с декабря 1977 г., когда парламентские партии достигли “национальной солидарности”, основой итальянской внешней политики является “участие в Атлантическом союзе и взятые на себя обязательства Сообщества”. Естественно, это “не исключает возможностей различия и разнообразия взглядов на отдельные конкретные предпочтения внешней политики” [Napolitano, G., 2013].

В статье рассматривается ревальвация понятия “итальянский национальный интерес” на официальном уровне, его влияние на формирование политических и военных концепций, на политику в области итальянских вооружений.

Представленная тема не получала специального рассмотрения в отечественной историографии и лишь косвенно затрагивалась в исследованиях Н.К. Арбатовой, Т.В. Зоновой, В.И. Михайленко [Арбатова, 2014; Зонова, 2016; Михайленко, 2014].

В статье понятие “национальный интерес” рассматривается под углом школы политического реализма (Г. Моргентау и др.), которая увязывает его с понятием “сила” (власть) государства на международной арене.

В период правительства М. Ренци приняты несколько документов, в которых тема “национального интереса” из дискуссионной трансформировалась в статьи официальной военно-политической стратегии.

До сих пор в общественном пространстве существовало негласное табу на использование понятия “национальный интерес”. Как отмечает А. Агесу, публично говорить о национальных интересах было равносильно использованию фашистской терминологии. Поражение во Второй мировой войне означало не только гибель фашизма, но и отодвинуло на задний план некоторые типичные символы государства-нации, например, символический капитал военной победы [Agesu, A., 2016]. Эти изменения нашли своё отражение в тексте Конституции 1948 г., где в Статье 11 подчёркивается, что “Италия отвергает войну как инструмент покушения на свободу других народов и как средство решения международных конфликтов” [Calzaretto, 1948].

В итальянской ментальности использование силы принято осуждать. Однако в последние два десятилетия Италия стала одним из наиболее активных игроков в военных операциях за рубежом, называемых итальянцами “миротворческими”. Итальянская культура пацифизма, вступила в противоречие с реальной внешней политикой. Итальянские вооружённые силы принимают активное участие не только в миротворческих, но и в военных миссиях. После окончания “холодной войны” Италия приняла участие более чем в десяти крупнейших военных операциях за рубежом, а именно: операции Desert Storm (Ирак, 1991), Ibis (Сомали, 1992–1994), Alba (Албания, 1997), три операции в Косово начиная с 1999 года (Allied Force, Allied Harbour, KFOR), Enduring Freedom (Афганистан, 2001–2006), ISAP (Афганистан, 2001 – до настоящего времени), Antica Babilonia (Ирак, 2003–2006), UNIFIL (Ливан, 2006 – до настоящего времени).

На политическом уровне партии правого центра предлагают концепцию “национального интереса”, базирующегося на обороне, в то время как левый центр видит новые возможности постбиполярного мира, отвечающие интересам внешней политики Италии и тесно связанные с деятельностью Европейского Союза [Brighi, 2013]. Можно сказать, что на политическом уровне происходит раскол между теми, кто приветствует национализацию внешней политики, и теми, кто видит будущее Италии в рамках европейского интернационализма [Carbone, 2011].

Эксперт в области военной стратегии генерал Карло Жан рассматривает безопасность в свете двух парадигм: реалистической и либерально-идеалистической [Jean, 2004]. Реалистическая парадигма отдаёт центральную роль государству и базируется на понятии национального интереса и суверенитета. Отношения с другими странами в этом случае строятся на базе соперничества, а не сотрудничества, однако не исключается временная кооперация в целях реализации совместных интересов или обмена интересами. Считается, что в Италии реализация этой парадигмы приходится на фашистский период, когда национальные интересы оказываются на первом плане, и страна возрождает свои колониальные амбиции (*mare nostrum*). Реалистическая парадигма проявляется в концепции коллективной безопасности, ключевую роль начинают играть международные организации, такие как ООН или ОБСЕ, на первом план выходит коллективный интерес.

С окончанием “холодной войны”, заключает К. Жан, само понятие безопасности меняется. Оно больше не связано только с защитой от возможной внешней угрозы, теперь главной задачей становится поддержание стабильности в зоне интересов и в кризисных зонах, перспективных с точки зрения экономики, политики и культуры. Такая политика позволяет расширить экономическую зону влияния и одновременно предупредить распространение терроризма и неконтролируемой миграции. В данный момент прямой угрозы безопасности Италии не существует, а значит, страна действует не из необходимости защищаться, а по собственному выбору [Jean, 2004].

Статистические замеры общественного мнения по вопросам международной политики учитываются итальянской властной элитой при формировании стратегии военной и международной политики. В 2014 г. был опубликован совместный доклад исследовательской группы Сиенского университета и Института международных отношений, в котором приведены данные опроса 1003 итальянцев в возрасте старше 18 лет по пяти международным тематическим группам [Isernia and Olmas-troni, 2013]. В иерархии приоритетов глобальные проблемы занимают второстепенное место в оценке итальянцев, за исключением нелегальной миграции и безопасности национальных границ. Итальянцы не готовы жертвовать собственным благополучием ради осуществления политики экономической солидарности в ЕС, отдавая предпочтение национальным приоритетам. В связи с этим итальянцы в своём большинстве не поддерживают экономическую гегемонию Германии в Европе, предпочитая мягкие варианты антигерманской коалиции.

Как показывают результаты опроса, итальянцы продолжают сохранять доверие к атлантическому договору, который может противостоять глобальным вызовам, однако не рассматривают США в качестве главного союзника, который защищает итальянские фундаментальные национальные интересы. Снято табу на обсуждение вопроса о целесообразности присутствия американских военных баз на итальянской территории. В своей массе итальянцы выступают против использования воен-

ной силы и участия итальянских военнослужащих в международных военных миссиях. Отношения с арабским миром их волнуют преимущественно с точки зрения опасности нелегальной миграции. Более, чем чувства “граждане мира”, их беспокоит позиция “итальянские граждане в мире”. Они хорошо осведомлены относительно рисков, вызванных глобальными и региональными процессами, и обеспокоены поисками ответов на международные вызовы. В целом большинство опрошенных уверены, что Италия является слабым актором международной политики в защите национальных интересов [Isernia and Olmastroni, 2013].

Тем не менее, в XXI в. наблюдается стремление Италии трансформироваться в актора международных отношений более весомого уровня по сравнению со второй половиной прошлого века. Растёт дееспособность обновленной армии, меняется её роль в рамках оборонной политики ЕС и Североатлантического альянса, руководство страны заявляет о своих новых или обновленных геополитических интересах, а участие в военных интервенциях становится главнейшей отличительной чертой итальянской внешней политики. Европейская страна, более 70 лет не менявшая своих послевоенных идеалов пацифизма, впервые в своей военной доктрине, опубликованной в 2015 г., заявила о “национальных интересах” в силовой манере.

Председатель совета министров Республики Италия Маттео Ренци в январе 2016 г. выразил вполне определённо позицию по данному вопросу: “Национальный интерес это не ругательство. Я не думаю, что для того, чтобы пользоваться доверием в Европе, нужно всегда соглашаться с предложениями других, игнорируя нашу принадлежность к сообществу, называемому Италией” [L’Unità, 2016]. Министр иностранных дел Италии Паоло Джентилони высказывается в том же духе: “Сегодня двухполюсного мира не существует, как и не существует иллюзии 1990-х об унифицированном мире. Сейчас присутствует огромная нестабильность, и мы находимся в её центре, так как наша территория располагается в центре Средиземноморского региона. В этом новом контексте нам нужно восстановить без тени стеснения простейшее понятие “национальный интерес”” [Gentiloni, 2014]. По мнению министра, Италия стремится к прочным связям с Атлантическим пространством и Европой, сохраняя баланс между этими целями и национальным интересом. Такая страна, как Италия, имеет право на собственную внешнюю политику, это не роскошь, а необходимость, так как страна находится в центре крупнейших геополитических конфликтов [Gentiloni, 2014].

Авторитетный международный орган The Huffington Post анализирует содержание дебатов в палате депутатов Италии и констатирует появление новой риторики при обсуждении внешнеполитических вопросов. В выступлениях министра иностранных дел Паоло Джентилони и министра обороны Роберты Пинотти традиционная для Италии пацифистская позиция отошла на второй план, теперь базой для внешней политики провозглашаются национальный интерес и военный инструмент [Marcon, 2016].

Председатель правительства М. Ренци связывает национальный интерес страны с интересами Европейского Союза, с “европейской мечтой” [Renzi, 2016a]. По мнению Ренци, те, кто ставит под сомнение обоснованность существования Шенгена, “предают европейскую идентичность” [Renzi, 2016].

Тема “Национальный интерес. От Средиземноморья к глобализованному миру, что служит Италии и как это защитить (L’interesse nazionale. Dal Mediterraneo al mondo globalizzato, cosa serve all’Italia e come proteggerlo)” была вынесена на дис-

куссию 22 марта 2016 г., которая проходила в палате депутатов итальянского парламента. Конференция была организована Итальянским институтом высших геополитических исследований. Работа конференции проходила в трёх секциях: “Определение итальянского национального интереса”, “Вопрос обороны” и “Италия в своем море” [Geopolitika, 2016]. Во вступительном слове генеральный директор Итальянского института высших геополитических исследований Даниеле Скалея посетовал на сложности открытого обсуждения проблем национального интереса в Италии. По мнению Скалея, национальный интерес не является только юридической формальностью, он должен присутствовать в обществе, так как способствует единению населения, является коллективным и демократическим понятием. Скалея утверждает, что этот вопрос не должен обсуждаться в узких кругах, а должен быть вынесен на уровень как можно более широкого публичного обсуждения. По мнению Даниеле Скалея, отсутствие национальной стратегии — это знак отсутствия государственной политической линии, а значит, и дальновидности. Если Италия не будет обращать внимание на национальный интерес, она останется беззащитной в быстро меняющейся реальности.

Генерал Сильвано Фриджеро, заместитель начальника отдела военной политики и планирования Генерального штаба обороны, заявил, что национальные интересы должны быть определены, принимая во внимание политику обороны и безопасности. Будущее страны генерал связал с политикой Европейского Союза и особыми интересами Италии в Средиземноморском регионе. С. Фриджеро утверждает, что Италия готова занять лидирующую позицию в регулировании ситуации в Ливии в случае необходимости и подтвердил, что в 2016 г. в регионе Средиземноморья задействовано порядка 6000 воинских соединений в различных международных операциях. Эти цифры охватывают совместные проекты Италии с союзниками по ООН, НАТО и ЕС в Ливии, Афганистане и в операциях по борьбе против пиратства. Генерал Фриджеро подчеркнул, что союзники по НАТО концентрируют свои силы на далёких от Италии регионах, таких как Афганистан, Ирак и Восточная Европа. Ситуация в Ливии входит в сферу национальных интересов Италии со всех точек зрения: экономической, политической, иммиграционной, безопасности. Генерал Фриджеро также отметил, что стремление союзников по НАТО уменьшать собственный военный бюджет и ограничивать участие стран в военных операциях создали необходимость для Италии формирования собственного аппарата обороны, способного автономно исполнять функции по защите национальных интересов. Для защиты национальных интересов Италия должна иметь интегрированный и современный военный инструмент [Di Iorio and Spinaci, 2016].

Выступивший на конференции сенатор М. Мауро увязал тему национального интереса с особенностями развития итальянской государственности. Становление Италии как суверенного государства происходило в период сильного влияния транснациональных идеологий, что сдерживало формирование национального самосознания. Сенатор полагает, что в обществе необходимо развивать глубокое самосознание, понимание собственной исторической роли для осуществления благоразумной политики на международной арене в защите национальных интересов. Государственная политика в области обороны является одним из важнейших факторов формирующих национальную идентичность. В связи с этим необходимо развивать культуру обороны, понимание её роли. По мнению сенатора Мауро, нацио-

нальный интерес не должен препятствовать надгосударственной интеграции [Di Iorio and Spinaci, 2016].

Опубликованная Министерством обороны Италии в 2015 г. “Белая книга. Для международной безопасности и обороны” вызвала оживлённую дискуссию в итальянском экспертном сообществе и средствах массовой информации [Libro bianco, 2015]. В ней изложены обновлённые подходы по вопросам внешней и оборонной политики. Предыдущая военная доктрина была разработана в 2002 г. В новой военной доктрине Италии впервые с времён фашизма был сформулирован вопрос о национальных интересах страны. В тексте подтверждается, что главной целью военной политики является “защита главнейших стратегических интересов Италии”. Для осуществления данной цели требуется “обеспечить оборону государства и его суверенитет, добиться построения стабильной региональной безопасности, стремиться к созданию благоприятной международной обстановки”. Особенно интересна терминологическая эволюция в Белой книге. В доктрине 2002 г. широко освещается тема “национальной территориальной неприкосновенности”, в то время как в доктрине 2015 г. заостряется внимание на “национальной обороне [Libro bianco, 2015].

В “Белой книге” 2015 г. Италия впервые за долгое время представляется как самостоятельный актор вне проектов, связанных с НАТО. Италия заинтересована в совместных миссиях с другими странами, готова брать на себя командование и участвовать в операциях различной интенсивности. Заявления такого характера меняют направление ранее существовавшей политики, ставящей во главу угла обязательства по отношению к НАТО. Отныне особое место занимает европейское направление оборонной политики. Италия называет европейскую интеграцию базой собственной политики обороны, основывает свои проекты технической модернизации, исходя из общеевропейских потребностей.

В ряду приоритетов вслед за заявлением о значимости для национальных интересов своей оборонной политики в Европе, Италия определяет свои интересы в Евро-Средиземноморье. Согласно доктрине, к этому региону относятся страны ЕС, Балканские страны, Черноморский и Средиземноморский регионы, часть Среднего Востока и Магриб. С евро-средиземноморским регионом тесно связаны Персидский залив, Африканский рог, Сахель, Машрик. В документе понятие Евро-Средиземноморья отличается от традиционно принятых в геополитических теориях, где регионы Европы, Средиземноморья и Трансатлантики рассматриваются отдельно [Marrone and Nones, 2015]. Италия видит себя в качестве лидера в борьбе с геополитическими угрозами в этом регионе вследствие “географической близости и прямого воздействия на Италию событий, которые развиваются в этой зоне и не позволяют игнорировать развитие кризисных ситуаций в регионе” [Libro bianco, 2015].

Такое внимание к евросредиземноморской зоне ставит её на одну линию с Трансатлантическим пространством, имеющим большое значение для традиционной итальянской внешней политики. По мнению политического аналитика Дж. Гайани, “Белая книга” намекает на то, что будущие военные операции могут осуществляться не только в интересах союзников по Атлантическому альянсу, но и самостоятельно в обозначенной зоне влияния Италии, в непосредственной от неё близости [Gaiani, 2015].

Таким образом, впервые после Второй мировой войны национальные интересы страны поставлены на один уровень с обеспечением коллективной безопасности в рамках НАТО.

Перестраиваясь под национальные интересы, итальянская внешняя политика нарушает баланс отношений с другими, в т.ч. союзными акторами. Например, в 2013 г. в попытках расширения торговых связей с Ираном, была организована встреча вице-министра иностранных дел Л. Пистелли с представителями политической верхушки Ирана. Этот ход итальянской дипломатии был встречен в госдепартаменте США с досадой, поскольку в тот момент Иран находился под международными санкциями [U.S. Senate, 2014]. Аналитик геополитического журнала *Limes* Д. Фаббри сетует, что в итоге многолетняя искусная работа итальянской дипломатии оказывается напрасной, когда, следуя в фарватере НАТО, Италия отводит собственные геополитические интересы на второй план [Fabbri, 2013].

“Наш национальный интерес – Средиземноморье и Африка на первом месте в международной политике Италии”, – так начал своё выступление министр П. Джентилони на конференции в МИД Италии, посвящённой взаимоотношениям Италии и Африки. И продолжил: “Наша цель – связать как можно плотнее нашу внешнюю политику с нашей историей и географией” [Gentiloni, 2016]. Средиземноморское пространство не отличается стабильностью ввиду деятельности ИГИЛ, увеличивающихся потоков миграции, морского пиратства.

В настоящее время в евросредиземноморском пространстве происходит изменение расстановки сил. США сохраняют свои позиции в регионе, однако не демонстрируют, по крайней мере при президенте Обаме, стремления к проведению крупномасштабных операций. Италия вынуждена проводить активную политику, лишённая постоянной поддержки своего давнего союзника и при пассивной позиции европейских партнёров. К примеру, 7 октября 2015 г. на встрече с итальянским министром обороны Р. Пинотти, американский министр обороны Э. Картер заявил, что США не заинтересованы в проведении военных операций в Ливии, интересы его страны не заходят дальше устранения джихадистов из региона [Dottori, 2016]. В рамках новой президентской кампании в США ни один из претендентов не предложил новых решений ведения военной политики в данном регионе [Dottori, 2016].

25 мая 2016 г. в Риме прошла закрытая конференция, организованная атлантической структурой (The NATO Defense College Foundation) под названием “Навстречу саммиту в Варшаве и за его пределами – НАТО, мировой беспорядок и будущие перспективы (Towards the Warsaw Summit and beyond – NATO, the world disorder and the options ahead)”¹. Позиции представителей НАТО, итальянских политиков и представителей сферы обороны серьёзно разделились по поводу перспектив расширения деятельности НАТО на юге и востоке. Итальянская сторона постоянно поднимала два острых вопроса, а именно: отношения с Российской Федерацией в связи с конфликтом на Украине и недостаточное внимание Североатлантического альянса к угрозе на южных границах. Бывший министр обороны Италии Дж. Ди Паола заявил, что представление о России как “вечной угрозе” устарело. Италия не видит идеологического разрыва с Россией, поэтому он призвал использовать холодный расчёт в отношениях с Россией и обратить внимание на другие важные направления, особенно южное.

¹ В статье используется собственная стенограмма А. Переваловой как участницы конференции.

Сенатор С. Дивино, затронул вопрос аннексии Крыма, подчеркнув, что жители полуострова сами выбрали своё будущее. “От приближения к России и постоянных угроз лучше не станет”, – подчеркнул Дивино. Сенатор также выразил беспокойство по поводу террористической активности и напомнил, что Россия больше всех участвует в сопротивлении терроризму. Он призвал НАТО обратить внимание на южные границы.

Президент The NATO Defense College Foundation, Алессандро Минуто-Риццо поставил вопрос ещё более категорично: “А нужна ли нам организация НАТО?” Развивая эту тему, он отметил, что после окончания “холодной войны” у нас появилась возможность отдохнуть от геополитики, однако сейчас обострение международной обстановки вновь поставило вопрос о выживании. В связи с этим на поставленный вопрос можно дать только положительный ответ. А. Минуто-Риццо призывает структуры НАТО больше обращаться к политическому анализу. “Никто, кроме Италии, не чувствует южной угрозы. Но голос Италии не имеет должной значимости”. Руководитель итальянской делегации в Парламентской ассамблее НАТО А. Манчулли назвал чрезмерное внимание к восточному вопросу “геополитической шизофренией”. А. Минуто-Риццо добавил: “Проблемы Средиземноморья воспринимаются как вторичные, но для Италии всё как раз наоборот”.

В связи с результатами голосования в Великобритании по вопросу о выходе из ЕС итальянские аналитики прогнозируют переоценку геополитического веса Италии в рамках Евросоюза. При всей неопределённости развития геополитической ситуации можно уверенно прогнозировать, что при принятии решений в областях региональной и военной политики итальянское руководство всё более будет ориентировано на обращение к национальным интересам [Dottori, 2016].

Таким образом, в последнее десятилетие в исполнении Италией её союзнических обязательств в рамках НАТО и ЕС стали проявляться новые тенденции, обусловленные обращением к национальным интересам. Под этим углом проявляются некоторые расхождения между позициями Италии, США и её европейскими союзниками. По мнению итальянских аналитиков, союзники не уделяют достаточного внимания евро-средиземноморскому направлению, оставляя Италию наедине в решении кризисных явлений в этом регионе [Aresu, 2016]. В Риме уверены, что Средиземноморье является центром национальных интересов Италии. Но ставится вопрос о том, готова ли Италия открыто защищать собственные интересы в регионе? Д. Скалея утверждает, что страна, которая уклоняется от принятия решений – это страна, которой собственные интересы не нужны, и она обречена постоянно находиться во власти интересов других акторов [Scalea, 2016]. Д. Фаббри утверждает, что итальянскому министерству иностранных дел пора обратить внимание на политику в Средиземноморье, являющуюся естественным первостепенным внешнеполитическим интересом, принимая во внимание кризисную ситуацию в регионе [Fabbri, 2013]. Если Италия не сформулирует собственный национальный интерес, не определит региональные цели и не проявит стремления их защищать, страна останется без понятной стратегии и будет обслуживать чужие интересы [Il Foglio, 2016].

Констатируя усиление тренда “национальных интересов” в программных документах и итальянской политике, в массовом сознании, не следует впадать в крайность и преувеличивать значения этого фактора. Как показывают социологические опросы в Италии, чувства собственной национальной гордости не вступают в противоречие с осознанием принадлежности к европейской идентичности, которая

формируется рядом, а не замещает национальную идентичность. Порядка 60% опрошенных признают существование “смешанной идентичности”, одновременно европейской и итальянской. Тем не менее необходимо учитывать, что 35% опрошенных отмечают, что идентифицируют себя “только как итальянцы” [Isernia and Olmastroni, 2013].

Итальянский национальный интерес находится под давлением глобальных проблем, недостаточного веса страны в современном мире, неопределённости динамики Европейского Союза, нежеланием принимать обременительные международные обязательства под давлением пацифистских настроений в стране. В связи с этим современное положение Италии в мире представляется сложным и противоречивым.

Список литературы - References

Arbatova N.K (2014) Vnutrennie i vneshnie vyzovy pravitel'stvu Matteo Renzi, [Internal and External Challenges To Matteo Renzi's Government] *The Italian Republic in a Changing World. Reports of the Institute of Europe, no 306*, Institute of Europe RAS, Moscow, Russia.

Aresu, A. (2016) “La terza guerra mondiale? Se L'Italia riscopre l'interesse nazionale”, *LIMES*, no 2, pp. 56–69.

Brighi, E. (2013) Foreign Policy, Domestic Politics and International Relations. The case of Italy, Routledge, London, UK, p. 133.

Calzaretto, F. (1948) La nascita della Costituzione, Fabrizio Calzaretto (ed.), available at: <http://www.nascitacostituzione.it/costituzione2.htm> (Accessed 11 August 2016).

Carbone, M. (2011) “Introduction: Understanding Italy's Role on the World Stage”, in M. Carbone (ed.), *Italy in the Post-Cold War Order. Adaptation, Bipartisanship, Visibility*, Lanham, Lexington, USA, pp. 1–22.

Di Iorio, L., Spinaci, G. (2016) “Interesse nazionale: se ne è parlato oggi a Montecitorio”, available at: <http://www.geopolitica-online.com/31727/interesse-nazionale-se-ne-e-parlato-a-montecitorio>, (Accessed 11 August 2016).

Documenti IAI (2014) “Scegliere per contare. Sintesi e raccomandazioni del Rapporto sulla politica estera italiana edizione 2014”, Istituto Affari Internazionali (ed.). *Documenti IAI*, no 14 (06, April 2014), available at: http://www.iai.it/sites/default/files/iaiq_11.pdf (Accessed 11 November 2015).

Dottori, G. (2016-3) “Bruxelles il fantasma dell'Europa. Soli e male armati”, *LIMES*, no 3, pp. 225–232.

Dottori, G. (2016-6) “Una grande opportunità per l'Italia”, *LIMES*, no 6, pp. 43–48.

Embassy of Russian Federation in the Republic of Italy (2015) Vystuplenie Posla Rossii v Italii S. S. Razova v Institute vysshih geopoliticheskikh issledovaniy [Speech of S. S. Razov, Russian Ambassador in Italy at the Italian Institute of Advanced Studies in Geopolitics], available at: http://roma.mid.ru/press-relizy/-/asset_publisher/TX1KMozEN1Xq/content/vystuplenie-posla-rossii-v-italii-s-s-razova-v-institute-vysshih-geopoliticheskikh-issledovaniy-13-noabra-2015-g-rim-?inheritRedirect=false (Accessed 1 August 2016).

Fabbri, D. (2013) “Quel che resta dell'Italia. Amiamo tanto l'America da non accorgerci che le siamo indifferenti”, *LIMES*, no 11, pp. 19–27.

Galli della Loggia, E. (2003) La morte della patria. La crisi dell'idea di nazione tra Resistenza, antifascismo e Repubblica, Laterza, Taranto, Italia, 145 p.

Gaiani, G. (2015) “Libro Bianco della Difesa: una svolta necessaria”, *Analisi Difesa*, available at: <http://www.analisedifesa.it/?p=22964> (Accessed 12 August 2016).

Gentiloni, P. (2014) “Dalla Russia alla Libia privilegiare interesse nazionale”, available at: http://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/interviste/2014/12/20141202_gentiloni_messaggero.html, (Accessed 27 July 2016).

Gentiloni, P. (2016) “Africa e Mediterraneo nostro interesse nazionale”, available at: http://www.esteri.it/mae/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2016/05/gentiloni-africa-e-mediterraneo_0.html (Accessed 27 July 2016).

Greco, E., Ronzitti, N. (2016) Rapporto sulla politica estera italiana: il governo Renzi, Ettore Greco and Natalino Ronzitti (ed.). Edizioni Nuova Cultura, Rome, Italy.

Isernia P., Olmastroni F. (2013) Gli Italiani e la politica estera, Research report CIRCaP/LAPS (University of Siena), Istituto Affari Internazionali (with), 32 p.

Jean, C. (2004) Manuale di studi strategici, Centro Studi di geopolitica economica, FrancoAngeli, Milan, Italy, pp. 320.

- Jean, C. (2004) "La politica di sicurezza dell'Italia", *Rivista italiana di intelligence*, p. 159–165.
- Libro Bianco (2015) Libro Bianco per la sicurezza internazionale e la difesa, Ministero della Difesa, available at: http://www.difesa.it/Content/Pagine/Libro_Bianco.aspx (Accessed 11 August 2016).
- Marcon G. (2016) "Gentiloni e Pinotti, due (ex) pacifisti in guerra", *l'Huffington Post*, available at: http://www.huffingtonpost.it/giulio-marcon/gentiloni-e-pinotti-due-ex-pacifisti-in-guerra_b_9426374.html (Accessed 11 August 2016).
- Marrone, A., Nones, M. (2015) *La sicurezza nel Mediterraneo e l'Italia*, Edizioni Nuova Cultura, Rome, Italy, p. 131.
- Mikhailenko V. I. (2014) Sovremennyye priority ital'yanskoj vneshnej politiki [Current Priorities of Italian Foreign Policy], *The Italian Republic in a Changing World. Reports of the Institute of Europe*, no 306, Institute of Europe RAS, Moscow, Russia.
- Napolitano, G. (2013) "L' Italia e la politica internazionale", *Affari Esteri*, no 172, pp. 10–23.
- Renzi, M. (2016-1) "La chiusura delle frontiere tradisce l'idea di Europa", *Il Messaggero*, available at: http://www.ilmessaggero.it/primopiano/politica/renzi_ue_difendo_interesse_nazionale-1502177.html (Accessed 15 August 2016).
- Renzi, M. (2016-2) "Nella UE non rinuncio a difendere l'interesse nazionale", *Il Sole 24 ore*, available at: <http://www.ilsole24ore.com/art/notizie/2016-01-23/renzi-l-antidoto-terrore-e-cultura-ue-non-rinuncio-difendere-l-interesse-nazionale--104949.shtml?uuid=ACUSfzFC> (Accessed 18 August 2016).
- Scalea, D. (2016) "Tre ragioni per cui l'Italia ha sacrificato il patriottismo", *il Foglio*, available at: http://www.ilfoglio.it/cultura/2016/05/04/patriottismo-italia-interesse-nazionale-matteo-renzi___1-v-141550-rubriche_c198.htm (Accessed 26 July 2016).
- L'Unità (2016) "Europa, Renzi: Macché bizza, l'interesse nazionale non è una parolaccia", *l'Unità*, 23, January 2016.
- U.S. Senate (2014) "Testimony of Under Secretary for Terrorism and Financial Intelligence David S. Cohen before the Senate Foreign Relations Committee", *U.S. Senate*, Washington, 4/2/2014.
- Zonova T.V. (2016) Istoriya vneshnej politiki Italii [History of Italian foreign policy], *Mezhdunarodniye otnosheniya*, Moscow, Russia.

ITALIAN NATIONAL INTEREST IN THE RENOVATED POLITICAL-MILITARY STRATEGY

Authors. Mikhaylenko V., Doctor of History, Professor of the Ural Federal University. **Address:** 51, Lenina St, Ekaterinburg, 620083. **E-mail:** valery.mikhaylenko@urfu.ru

Perevalova A., Ph.D. student in the Department of Theory and History of International Relations Ural Federal University, Researcher at the Italian Institute of Advanced studies in Geopolitics, **Address:** 20, Tevere St, Rome, 00198. **E-mail:** perevalova.ann@gmail.com

Abstract. Since 1945, speaking publicly about national interest in Italy has been tantamount to the usage of fascist terminology. In recent years, an Italian culture of pacifism has run contrary to actual foreign and military politics. Italian military forces actively take part in peacekeeping and military missions. M. Renzi's administration adopted several documents, in which the "national interest" was transformed into real provisions of the official military-political doctrine. This article considers the construction of the "national interest" concept through analysis of the Italian Ministry of Defense's "White Paper for International Security and Defence" (2015), official speeches by Italian political leaders and analytical reports. The notion of "national interest" is viewed in terms of the tradition of political realism (H. Morgenthau and others), which associates it with the notion of "power" of the state in the international arena. For the first time Italy, in formal documents, is presented as an independent actor with its own foreign-policy goals, which can be realized by the use of military force. According to this military doctrine, Italy considers the Mediterranean region within its sphere of "national interest". Military operations can be executed not only in the interest of NATO allies, but also independently in designated areas of Italian influence. In the decision-making process related to regional military politics, Italian leaders will be more and more concerned with the national interest.

Key words: National interest, security, military and political strategy, foreign policy, military policy, the government Matteo Renzi, the White Paper of the international security and defense.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22017101110>

УДК 327:94

Александр НЕСТЕРОВ¹

ПРОБЛЕМЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности интерпретации термина “мультикультурализм”, активно используемом в современной политической жизни и исследовательской литературе. Автор, анализируя сложившиеся в современной исследовательской литературе и политической практике интерпретации понятия “мультикультурализм”, обосновывает, что наряду с так называемыми “мягким” и “жестким” мультикультурализмом, существует и интерпретация мультикультурализма как традиционного явления, присущего многим обществам со сложнотренированной этноконфессиональной структурой. Политика “жесткого” мультикультурализма, актуальная в странах современного Европейского Союза, привела к ряду кризисных явлений и социально-политической жизни Европы, в то время как декларируемый в Азербайджане как основа этноконфессиональной жизни общества традиционный мультикультурализм, напротив, способствует социальной стабилизации.

Ключевые слова: мультикультурализм, Европейский Союз, общество, этничность, этноконфессиональная структура, идентичность, традиция.

Мультикультурализм как понятие в последние годы активно используется как политическими деятелями различных стран, так и исследователями с целью анализа процессов сосуществования на одной территории различных культур, не смешивающихся друг с другом и продолжающих самостоятельное развитие в чуждой для них (в той или иной степени) внешней среде. Внедрение термина в политический оборот произошло в 1970-х гг. – применительно к особенностям социально-политического развития Канады и Австралии, однако особенно активно использоваться данный термин стал в XXI веке, в связи с миграционным кризисом в Европе и политической практикой, направленной на сохранение культурной множественности и разнообразия сформировавшихся в европейских странах мигрантских общин. В то же время мультикультурализм был декларирован в качестве важнейшей политической практики и государственной политики в Азербайджане – вплоть до того, что 2016 г. был объявлен в Азербайджане “годом мультикультурализма”.

© Нестеров Александр Геннадьевич – д.и.н., профессор, зав. кафедрой зарубежного регионоведения, директор Информационного центра ЕС, директор Центра азербайджановедения, Институт социальных и политических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Адрес: Екатеринбург, 620000, пр. Ленина, 51. E-mail: agn1154@yandex.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22017111120>

Мультикультурализм в российской исследовательской литературе

Число трудов, посвящённых мультикультурализму в XXI веке, огромно. В базе данных по гуманитарным наукам ERIH PLUS зафиксировано 842 работы, и опубликованных в последние годы. Мультикультурализму посвящены диссертации российских исследователей А. А. Борисова [Борисов, 2000], Г. А. Короткого [Короткий, 2012], Л. В. Арутюновой [Арутюнова, 2009], В. В. Сахаровой [Сахарова, 2010], М. Е. Ульяновой [Ульянова, 2008], Н.С. Пригоды [Пригода, 2009], А.И. Куропятника [Куропятник, 2000], М.Е. Тондера [Тондер, 2005], А.С. Ахтямовой [Ахтямова, 2007], Л.К. Мамедовой [Мамедова, 2013], Е.В. Пискун [Пискун, 2001], Д.М. Костиной [Костина, 2012], написанные в рамках политических, исторических, социологических, филологических и философских наук. Один из сборников “Актуальные проблемы Европы” был полностью посвящён проблемам мультикультурализма: авторы сборника А.И. Тэвдой-Бурмули [Тэвдой-Бурмули, 2011], И.С. Новоженова [Новоженова, 2011], С.В. Погорельская [Погорельская, 2011], С.М. Хенкин [Хенкин, 2011], М.С. Пальников [Пальников, 2011] и др. посвятили свои исследования как общим проблемам мультикультурализма, так и политике мультикультурализма в отдельных странах Европы – Франции, Испании, Германии и др.

Интерпретации мультикультурализма

Как уже неоднократно отмечалось современными исследователями, термин “мультикультурализм” в современном политическом лексиконе изменил своё первоначальное значение, которое в соответствии с мнением фактического автора понятия американского политолога Гореса Коллена подразумевало сохранение этнокультурной идентичности отдельных этнических общностей в массе населения страны и противостояло идее “плавильного котла”, в котором из разных общностей выплавляется новое единство. В то же время многие современные авторы подчёркивают, что само понятие “мультикультурализм” в широкий обиход вошло как замена понятия “этническое возрождение”, и понятие “культура” пришло на смену более жёстко детерминированному понятию “этничность”, и новые термины предложили более сглаженное описание конфликтогенного современного общества. Сама идея мультикультурализма содержит в себе отождествление этничности и культуры, подразумевая, что различная этническая лояльность означает различную культурную лояльность (что характерно для традиционного общества, но абсолютно несправедливо применительно к индустриальному, тем более постиндустриальному обществу) [Малахов, 2002: 49]. Таким образом, мультикультурализм есть автономное сосуществование различных культур на едином пространстве, при сохранении их особенностей, традиций, обычаев. Во многом такое сосуществование является естественным для любого территориального государства, сложившегося на полиэтнической основе, но анализ политической ситуации показывает глубокие различия в толковании понятия “мультикультурализм” в разных странах.

Развитие современной концепции мультикультурализма во многом связано с миграционными процессами. Идея мультикультурализма активно пропагандировалась прежде всего в “иммиграционных” странах, таких, как Канада, Австралия (где мультикультурализм стал официальной политической концепцией), что во многом было обусловлено сокращением традиционных миграционных потоков. Особенностью такого “мультикультурализма” было единое цивилизационное происхождение мигрантов – и англоязычные канадцы, и зачастую конфликтующие с ними франкофоны Квебека, и даже канадцы украинского и польского происхождения – все при-

надлежат к единой евроатлантической цивилизации, имеющей общую европейскую основу. В то же время по отношению к коренному населению территорий, на которых сложились “переселенческие колонии”, ставшие впоследствии самостоятельными государствами, термин не только не использовался, но, напротив, подчёркивалось принципиальное цивилизационное различие между старым и новым населением данных территорий, указывалось на необходимость сохранять дистанцию между “аборигенами” и переселенцами вплоть до подчёркнутой сегрегации, воспринимавшейся во внешнем мире как форма расизма.

В коллективной монографии “Европейский Союз в XXI веке: время испытаний” А.И. Тэвдой-Бурмули проанализировал концептуальные основы теории мультикультурализма, отметив, что известный теоретик мультикультурализма Чандран Кукатас выделил два основных варианта мультикультурализма – “мягкий” и “жесткий”. При этом под мягкой версией мультикультурализма понимается отсутствие принудительной ассимиляции иммигрантов принимающей стороной, “базовая либеральная толерантность”. По сути, это политика “негативных гарантий”, то есть “пассивный мультикультурализм”. С другой стороны, “жесткий” мультикультурализм предполагает проведение специальной политики, защищающей группы социокультурных меньшинств от ассимиляции. А.И. Тэвдой-Бурмули вполне объективно предполагает, что для анализа современного кризиса мультикультурализма необходимо анализировать именно “жесткую” его версию, ставшую концептуальной основой для политики мультикультурализма, предложенной лидерами современных стран Европейского Союза [Европейский Союз, 2012: 571–572].

“Традиционный” мультикультурализм

В то же время концепция мультикультурализма в 2010-х гг. приобрела новые очертания. В частности, в 2011 г. Президент России Д. Медведев упомянул о мультикультурализме как о традиционной и хорошо функционирующей практике организации российского социума [Европейский Союз, 2012: 572]. Тем самым фактически была обозначена новая, альтернативная концепция мультикультурализма как традиционной формы сосуществования различных этносов и культур в пространстве определённого региона/государства. При этом трудно согласиться с мнением А.И. Тэвдой-Бурмули, что такой подход укладывается в концепт “мягкого” мультикультурализма, когда под мультикультурализмом понимается базовая либеральная толерантность [Европейский Союз, 2012: 572]. Представляется, что речь в данной ситуации идет о принципиально иной концепции “традиционного” мультикультурализма, при которой исторически сложившееся сосуществование этносов и культур в рамках единого территориального пространства понимается как форма мультикультурализма.

Европа, Россия, Кавказ, естественно, являются регионами, где сосуществуют множество этносов, культур и традиций. Тем не менее в историческом смысле о мультикультурализме в России можно было говорить только применительно к европейским евреям, которые проживали в европейских странах, но сохраняли свою религию, свои традиции, свою письменность.

В то же время европейская христианская цивилизация относилась крайне нетерпимо ко всем, кто не принимал ее базовых устоев, и в лучшем случае евреи были вынуждены обитать отдельно (отсюда понятие “гетто”) и были существенно ограничены в правах, в худшем случае (как это было в государствах Испании в начале XVI века) иноверцев просто изгоняли за пределы государства. Тенденцией

развития европейских стран в XIX – первой половине XX вв. было формирование национальных государств (в идеале – мононациональных государств, государств-наций), в рамках которых для представителей иных этносов просто не оставалось места. Исключением была Австро-Венгрия, которую можно рассматривать как попытку реализации интеграционного проекта для народов Центральной Европы, причём проекта, основанного именно на формировании пространства мультикультурализма, объединяющего представителей западной и восточной версии европейской христианской цивилизации, а также еврейское население Центральной Европы. Монархия Габсбургов, по крайней мере, её “австрийская” часть, во многом опередила время своего реального существования. Многие параметры развития “Королевств и земель, представленных в Имперском Совете” (Цислейтании) соответствуют особенностям европейских интеграционных структур конца XX – начала XXI века: единое гражданство, единое экономическое пространство, региональные парламенты и правительства, система делегирования полномочий на “наднациональный” (имперский) уровень и т.д. В то же время хочется подчеркнуть, что создатели такой “интегрированной” империи не стремились к такому результату. Австро-Венгерская монархия стала тем, чем она стала к концу XIX века, во многом вопреки воле своих создателей. Тем не менее представители династии Габсбургов понимали сущность австро-венгерской государственности достаточно точно. Так, сын и наследник императора Франца Иосифа эрцгерцог Рудольф писал в 1886 г. французскому политику Жоржу Клемансо: “Габсбургское государство давно уже осуществило мечту Виктора Гюго о Соединённых Штатах Европы, пусть и в миниатюрной форме. Австрия – блок разных стран и народов под единым руководством. Такая концепция имеет огромное значение для мировой цивилизации. Тот факт, что реализация этой идеи, выражаясь дипломатично, пока не совсем гармонична, не означает ошибочности самой идеи” [Шарый, Шимов, 2010: 37]. В итоге в Австро-Венгрии была предпринята реальная попытка формирования многонациональной общности, в которой удалось бы преодолеть национальные противоречия и националистические тенденции. Как ни парадоксально, реализовать такой проект попытались в отдалённой и отсталой провинции монархии – герцогстве Буковина, население которого отличалось исключительным этническим разнообразием.

Буковина, бывшая в средние века частью княжества Молдавия, вошла в состав державы Габсбургов в 1775 году, когда русские войска одержали очередную победу над Османской империей. По данным обследования края, проведённого австрийцами в 1770-х гг., население Буковины составляли около 55 тыс. румын, 21 тыс. русин и гуцулов и около 5 тыс. представителей других этносов. Политика австрийского правительства в условиях «весны народов» привела к тому, что к 1910 г. в Буковине проживали 305 тыс. человек, считавших себя украинцами, 273 тыс. румын, 103 тыс. евреев, 65 тыс. немцев и 36 тыс. поляков, а также представителей других этносов (вплоть до нескольких десятков итальянцев). Подписанное в 1909 г. Буковинское соглашение (Bukowinaer Ausgleich) привело к созданию в герцогстве чёткой системы регионального представительства (на основе всеобщего избирательного права) и системы управления, учитывавшей интересы всех этнических групп на основе того, что в настоящее время было бы названо политикой мультикультурализма. Соглашение привело к стабилизации межэтнических отношений в Буковине и могло бы стать прообразом для урегулирования этнических конфликтов на всей территории монархии [Нестеров, 2014: 66–71]. Тем не менее этого не произошло. В условиях подъёма волны “романтического национализма”

(термин Ж. Плюмьена), австрийский интеграционный проект оказался несвоевременным и был разрушен в ходе Первой мировой войны. Австро-Венгерская интеграция так и осталась невозможностью в мире возможностей.

В Европе о мультикультурализме заговорили только в последней трети XX века, применяя термин в новом смысле как форму сосуществования коренного населения с мигрантскими сообществами. Это было связано с притоком мигрантов из стран Африки и Арабского Востока, не желавших принимать нормы и традиции жизни европейской (или шире – евроатлантической) цивилизации. Толерантность, ставшая одним из постулатов современного Европейского Союза, превратилась в угрозу для самого существования традиционной Европы: мигранты не просто требовали признать за ними право соблюдать свои традиции, но и требовали поставить их нормы и обычаи выше законов принимающих стран. В то же время политические силы Германии, Франции, Соединённого Королевства и других европейских стран в базовой идее имели концепцию гомогенного национального государства, за создание которого в той же Германии или Италии боролись значительную часть XIX века. Мигранты всегда рассматривались как временное явление, даже в разговорном языке в Германии применительно к иммигрантам используется термин *Auslaender* (иностранец), или *Gastarbeiter* (временный работник, рабочий-гость; слово в форме “гастарбайтер” вошло и в русский язык). Это подразумевает, что присутствие таких мигрантов ограничено во времени, и в перспективе мигранты вернутся в места исконного проживания.

Агрессивный национализм мигрантов, желающих сохранять образ жизни в соответствии с традициями собственной цивилизационной модели, вызвал ответную реакцию в обществе стран Европы и сформировал устойчивую тенденцию к развитию ксенофобии среди коренного населения европейских стран. Именно поэтому лидеры стран ЕС заговорили о провале, о крахе политики мультикультурализма в Европе. В то же время в “иммигрантских” государствах о крахе такой политики не говорится даже теоретически – отказ от мультикультурализма в США или Австралии может привести к резкому росту социальной напряжённости, что не может быть допущено без существенного вреда не только для имиджа страны, но и для её экономики.

Иначе в этом отношении развивается ситуация в современной России. После распада СССР Россия также стала страной, принимающей значительное количество мигрантов, многие из которых стремятся остаться в России на постоянное жительство. Однако культурная дистанция между представителями стран постсоветского пространства значительно меньше, чем между жителями, к примеру, Франции и стран бывшей Французской Африки или Арабского Востока. Историческая традиция межкультурного сосуществования (хотя и с элементами ассимиляции) существовала в России с момента покорения тюркских государств Поволжья в XVI веке. Длительное совместное существование в рамках единых политических структур, единых систем образования и воспитания привели к сближению ментальностей, особенно среди старших поколений.

В то же время примерно половина прибывающих в Россию мигрантов принадлежит к числу молодых людей, которые получили образование уже после распада СССР, поэтому очевидно, что культурное и этническое многообразие современной России будет только возрастать. Однако вплоть до настоящего времени невозможно жёстко заявлять, что на пространстве Российской Федерации формируются замкнутые этнокультурные общины, живущие, по сути, по своим законам и не сохра-

няющие лояльности к законам принимающей страны: все этнокультурные общины на территории России лояльны по отношению к действующему законодательству (даже столь замкнутые общины, как трудовые мигранты из Китая и стран Юго-Восточной Азии, цивилизационно чуждые принимающей стране). В то же время необходимо подчеркнуть, что основная масса мигрантов прибывает на территорию России из стран Центральной Азии, а население России имеет значительный исторический опыт сосуществования и взаимодействия с представителями исламской цивилизационной модели, которые с XVI века проживают на российской государственной территории. Впрочем, следует отметить также и существование ксенофобских настроений в российском обществе, что обусловлено во многом внутренним стремлением россиян к сохранению пространства гомогенной российской культурно-цивилизационной модели и очевидным ростом числа мигрантов. В каком-то смысле в России повторяется европейская ситуация, но со значительным хронологическим отставанием и со множеством собственных нюансов.

Существует ли мультикультурализм в России? Представляется, что использовать этот термин применительно к российскому обществу не вполне объективно. Россия никогда не была моноэтническим государством, государством-нацией. Российское государство изначально формировалось как государство имперского типа, объединяющее под своей властью представителей различных наций, этносов, культур и религий. На протяжении многих столетий формировалась полиэтническая элита Российского государства, объединенная православной религией и осознанием своей роли в государстве.

Советский период в истории России был связан с последовательным проведением в жизнь идеи интернационализма. Взаимовлияние и перемешивание национальных культур и традиций привели к тому, что на территории Советского Союза сформировалась единая система образования и воспитания, в рамках которой не существовало отдельных, отличающихся друг от друга национальных пространств, наоборот, по крайней мере формально существовало полное равенство представителей всех наций в получении образования. Распад СССР и реформы конца XX и начала XXI века не привели в этом отношении к существенным изменениям.

Ситуация в странах Южного Кавказа, в частности, в Азербайджане принципиально отличалась (и отличается) от европейской. В историческом смысле пространство Азербайджана (в широком смысле этого термина) всегда являлось местом пересечения цивилизационных, культурных, этнических и религиозных традиций. Поэтому сосуществование различных (даже в цивилизационном отношении) культур сохранялось на этом пространстве на протяжении многих веков: на общей территории сосуществовали христиане (принадлежавшие к ортодоксальному направлению христианства, а также монофиситы, несториане и представители некоторых протестантских групп), мусульмане (как сунниты, так и шииты) и евреи.

Учитывая исторически сложившуюся этническую и конфессиональную ситуацию, современный Азербайджан официально провозгласил политику мультикультурализма, ссылаясь на исторические традиции региона, а 2016 год был провозглашен “годом мультикультурализма”. Азербайджан показывает пример успешной реализации политики традиционного мультикультурализма, где представители различных этнокультурных групп не только не агрессивны по отношению друг к другу, но и успешно сосуществуют и сотрудничают. При этом необходимо подчеркнуть, что в Азербайджане под мультикультурализмом понимается именно “тради-

ционная” модель этноконфессионального сосуществования. Тюрки (собственно азербайджанцы), ираноязычные талыши, евреи Габалы, старообрядцы Ивановки – все эти этноконфессиональные группы, как подчёркивает современное руководство Азербайджана, являются живым примером мультикультурализма в Азербайджанской Республике. В Азербайджане не существует столь значимой проблемы притока чуждых в цивилизационно-культурном отношении мигрантов, как в Европе и частично в России. Поэтому Азербайджанская Республика может решать вопросы культурного разнообразия превентивно, не дожидаясь возникновения тех проблем, которые стали существенными для Европы.

Мультикультурализм как угроза: миф или реальность

Является ли мультикультурализм реальной угрозой единству и стабильности стран Европы, тем более России? Сам по себе нет. Разговоры об “угрозе мультикультурализма” сродни “призраку польского сантехника”, которым пугали европейцев противники расширения ЕС на восток в 1990-х годах. Множественность культур, их разнообразие является естественным условием существования современного мира. Как подчёркивал основоположник европейского федерализма Альтиери Спинелли, федерализм основан на любви к сложному, в отличие от тоталитарной тяги к простому. Но множественность не означает противостояния. Право пользоваться родным языком и иметь свой культурный центр не означает получения права на основании собственных традиций не соблюдать законы принимающей страны, требовать только прав и не принимать обязанностей. Такой агрессивный мультикультурализм является реальной угрозой – как следствие, он ведёт к ксенофобии и росту праворадикальных настроений у основной массы населения. Таким образом, ответ на поставленный вопрос – является ли мультикультурализм угрозой для европейской или российской идентичности – неоднозначен: любой миф, в том числе и миф об угрозе мультикультурализма, при определённых условиях может трансформироваться в реальность.

Среди значительной части образованных россиян существует отчётливая идиосинкразия к риторике “мультикультурного общества”. Чем вызвана эта идиосинкразия, помимо хорошо известной дискредитации мультикультуралистской риторики в Европе?

Европейская политика мультикультурализма может найти выход из кризиса при одном условии: она, с одной стороны, концептуально должна отказаться от существующей в скрытой форме идеи господствующей культуры, к которой должны приспосабливаться носители иных культурных традиций, а с другой стороны, необходимо разорвать жёсткую детерминанту “культура = этничность”. Культурное разнообразие не должно быть связано с этническим разнообразием. Сущность действительного культурного плюрализма – мультикультурализма – состоит не в параллельном существовании автономных идентичностей, а в их взаимодействии, взаимопроникновении, взаимной трансформации, сохранении взаимного уважения к иной культуре и стремления понять её, а не противопоставлять её своей культуре в рамках системы “свой – чужой”.

Европейский Союз провозглашает идею европейской, по сути транснациональной, цивилизационной идентичности. Человек в первую очередь должен воспринимать себя как европейца, и лишь потом – как француза, поляка, немца или итальянца. Огромные средства выделяются для формирования европейской идентичности в

первую очередь у представителей молодого поколения. Студенческая мобильность, многочисленные обменные программы активно способствуют этому. При этом современная Европа учитывает нарастающую волну ксенофобии, в том числе и в наиболее экономически и политически устойчивых странах ЕС. В то же время политика мультикультурализма в его европейском, “жёстком” понимании, а также политическое давление высших институтов ЕС (“Брюсселя”) негативно влияет на формирование европейской идентичности в узком смысле этого слова, вызывая волны нового национализма (показателен в этом смысле результат референдума 2016 г. о выходе Соединённого Королевства из состава ЕС).

Время покажет, сумеет ли интегрированная Европа создать новую европейскую идентичность и сможет ли ЕС противостоять угрозе национализма и размывания европейских цивилизационных традиций со стороны мигрантских сообществ в рамках декларируемой политики мультикультурализма. В то же время уже очевидно, что именно интеграционный процесс привёл к реальному формированию самовосприятия себя как европейцев представителями самых разных этносов, и именно это гарантировало Европе мирное развитие на протяжении более чем 60 лет.

В то же время волна “нового национализма” начала XXI века, ярко проявившаяся в украинском кризисе, показывает, что проблема идентификации личности не ограничивается этнической идентификацией: жители как Запада, так и Востока Украины одинаково идентифицируют себя как украинцев, но фактически противостоят друг другу в цивилизационном смысле. Множественность идентификации сохраняется (даже в рамках отдельных европейских государств). Поэтому говорить о приходе новой “европейской” идентичности в современных условиях рано – ей противостоят миграционные и экономические факторы, ксенофобия, одинаковые на словах, но понимаемые по-разному системы ценностей, мультикультурализм. Удастся ли Европе преодолеть эти проблемы и создать новую систему европейской идентичности, в которую будет вписан и мультикультурализм, покажет время.

Список литературы

Арутюнова Л.В. (2009) Мультикультурализм и его модели в современном мире. Автореферат диссертации... кандидата философских наук. М.: Московский государственный университет культуры и искусств.

Ахтямова А.С. (2007) Мультикультурализм в образовательной политике США конца XX – начала XXI вв. Автореферат диссертации... кандидата культурологии. М.: Московский государственный педагогический университет.

Борисов А.А. (2000) Американские консерваторы и мультикультурализм. Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. Пермь: Пермский государственный университет.

Европейский Союз в XXI веке: время испытаний. (2012) Под ред. О.Ю. Потемкиной, Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М.: Изд-во “Весь мир”.

Короткий Г.А. (2012) Мультикультурализм как социокультурная парадигма эпохи глобализации. Автореферат диссертации... кандидата философских наук. М.: Московский городской педагогический университет.

Костина Д.М. (2012) Концепт “Multiculturalism” в системе британских культурных ценностей и особенности его вербальной репрезентации в современном английском языке. Автореферат диссертации... кандидата филологических наук. Белгород: Белгородский государственный научный исследовательский университет.

Куропятник А.И. (2000) Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ. Автореферат диссертации... доктора социологических наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет.

Малахов В.С. (2002) Зачем России мультикультурализм? // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ*. Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Мамедова Л.К. (2013) Мультикультурализм в государственной политике Великобритании. Автореферат диссертации... кандидата политических наук. М.: Дипломатическая академия МИД РФ.

Нестеров А.Г. (2014) Герцогство Буковина в интеграционной модели Австро-Венгерской монархии. // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 3. Общественные науки. 2014, № 4 (134), с. 66 – 71.

Новоженова И.С. (2011) Французская модель интеграции мигрантов и мультикультурализм. // *Актуальные проблемы Европы*, 2011, № 4, с. 117 – 139.

Пальников М.С. (2011) Российский мультикультурализм в контексте культурной глобализации. // *Актуальные проблемы Европы*, 2011, № 4, с. 193 – 220.

Пискун Е.В. (2001) Мультикультурализм США и культура афроамериканцев: Т. Моррисон, Э. Уокер. Автореферат диссертации... кандидата философских наук.

Погорельская С.В. (2011) Германия и мультикультурализм. // *Актуальные проблемы Европы*, 2011, № 4, с. 79 – 116.

Пригода Н.С. (2009) Мультикультурализм как фактор формирования современного общества. Автореферат диссертации... кандидата философских наук. Омск: Омский государственный университет путей сообщения.

Сахарова В.В. (2010) Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запада в условиях глобализации. Автореферат диссертации... кандидата политических наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет.

Тондер М.Е. (2005) Полиэтничность и мультикультурализм в структуре американской нации: история и современность. Автореферат диссертации... кандидата политических наук. М.: Институт мировой экономики и международных отношений РАН.

Тэвдой-Бурмули А.И. (2011) Мультикультурализм: между панацеей и проклятием. // *Актуальные проблемы Европы*, 2011, № 4, с. 14 – 34.

Ульянова М.Е. (2008) Мультикультурализм в условиях миграционных процессов: социокультурная политика и практика. Автореферат диссертации... кандидата культурологии. М.: Российская академия государственной службы.

Хенкин С.М. (2011) Мультикультурализм в испанской политике: дискуссия и линии размежевания. // *Актуальные проблемы Европы*, 2011, № 4, с. 140 – 165.

Шарый А., Шимов Я. (2010) Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи. М.: изд-во “КоЛибри”.

References.

Arutjunova L.V. (2009) Mul'tikul'turalizm i ego modeli v sovremennom mire. Avtoreferat dissertacii... kandidata filosofskih nauk. M.: Moskovskij gosudarstvennyj universitet kul'tury i iskusstv.

Ahtjamova A.S. (2007) Mul'tikul'turalizm v obrazovatel'noj politike SSHa konca HH – nachala XXI vv. Avtoreferat dissertacii... kandidata kul'turologii. M.: Moskovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.

Borisov A.A. (2000) Amerikanske konservatory i mul'tikul'turalizm. Avtoreferat dissertacii... kandidata istoricheskikh nauk. Perm': Permskij gosudarstvennyj universitet.

Evropejskij Sojuz v XXI veke: vremja ispytaniy (2012) Pod red. O.Ju. Potemkinov, N.Ju. Kaveshnikova, N.B. Kondrat'evov. M.: Izd-vo “Ves' mir”.

Korotkij G.A. (2012) Mul'tikul'turalizm kak sociokul'turnaja paradigma jepohi globalizacii. Avtoreferat dissertacii... kandidata filosofskih nauk. M.: Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet.

Kostina D.M. (2012) Koncept “Multiculturalism” v sisteme britanskikh kul'turnyh cennostej i osobennosti ego verbal'noj reprezentacii v sovremennom anglijskom jazyke. Avtoreferat dissertacii... kandidata filologicheskikh nauk. Belgorod: Belgorodskij gosudarstvennyj nauchnyj issledovatel'skij universitet.

Kuropjatnik A.I. (2000) Mul'tikul'turalizm: ideologija i politika social'noj stabil'nosti polijetnicheskikh obshhestv. Avtoreferat dissertacii... doktora sociologicheskikh nauk. SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet.

Malahov V.S. (2002) Zachem Rossii mul'tikul'turalizm? // *Mul'tikul'turalizm i transformacija postsovetskikh obshhestv*. Pod red. V.S. Malahova i V.A. Tishkova. M.: Institut jetnologii i antropologii RAN.

Mamedova L.K. (2013) Mul'tikul'turalizm v gosudarstvennoj politike Velikobritanii. Avtoreferat dissertacii... kandidata politicheskikh nauk. M.: Diplomaticeskaja akademija MID RF.

Nesterov A.G. (2014) Gercogstvo Bukovina v integracionnoj modeli Avstro-Vengerskoj monarhii, // *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Serija 3. Obshhestvennye nauki. 2014, № 4 (134), s. 66 – 71.

Novozhenova I.S. (2011) Francuzskaja model' integracii migrantov i mul'tikul'turalizm // *Aktual'nye problemy Evropy*, 2011, № 4, s. 117 – 139.

Pal'nikov M.S. (2011) Rossijskij mul'tikul'turalizm v kontekste kul'turnoj globalizacii // *Aktual'nye problemy Evropy*, 2011, № 4, s. 193 – 220.

Piskun E.V. (2001) Mul'tikul'turalizm SSHA i kul'tura afroamerikancev: T. Morrison, Je. Uoker. Avtoreferat dissertacii... kandidata filosofskih nauk.

Pogorel'skaja S.V. (2011) Germanija i mul'tikul'turalizm // *Aktual'nye problemy Evropy*, 2011, № 4, s. 79 – 116.

Prigoda N.S. (2009) Mul'tikul'turalizm kak faktor formirovanija sovremennogo obshhestva. Avtoreferat dissertacii... kandidata filosofskih nauk. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet putej soobshhenija.

Saharova V.V. (2010) Mul'tikul'turalizm i politika integracii immigrantov: sravnitel'nyj analiz opyta vedushhih stran Zapada v uslovijah globalizacii. Avtoreferat dissertacii... kandidata politicheskikh nauk. SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet.

Tonder M.E. (2005) Polijetnichnost' i mul'tikul'turalizm v strukture amerikanskoj nacii: istorija i sovremennost'. Avtoreferat dissertacii... kandidata politicheskikh nauk. M.: Institut mirovoj jekonomiki i mezhdunarodnyh otnoshenij RAN.

Tjevdoy-Burmuli A.I. (2011) Mul'tikul'turalizm: mezhdru panaceej i prokljatiem // *Aktual'nye problemy Evropy*, № 4, s. 14 – 34.

Ul'janova M.E. (2008) Mul'tikul'turalizm v uslovijah migracionnyh processov: sociokul'turnaja politika i praktika. Avtoreferat dissertacii... kandidata kul'turologii. M.: Rossijskaja akademija gosudarstvennoj sluzhby.

Henkin S.M. (2011) Mul'tikul'turalizm v ispanskoj politii: diskussija i linii razmezhevanija // *Aktual'nye problemy Evropy*, 2011, № 4, s. 140 – 165.

Sharyj A., Shimov Ja. (2010) Kornj i korona. Ocherki ob Avstro-Vengrii: sud'ba imperii. M.: izd-vo "KoLibri".

Problems of multiculturalism in domestic cultural and political practice

Author. Nesterov A., Doctor of History, professor, Head of Department of Foreign Regional Studies, Director of European Information Center, Director of Center of Azerbaijan Studies, Institute of Social and Political Studies, B. Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia. **Address:** 51, Lenin str., Yekaterinburg, Russia, 620000. **E-mail:** agn1154@yandex.ru.

Abstract. The author explores characteristics of interpretation of the term “multiculturalism”, actively used in the modern political life and research literature. Analyzing the interpretations of the term “multiculturalism”, established in the modern research literature and political practice, he looks into “soft” and “hard” forms of the multiculturalism. He points out that there is also an interpretation of this term as a traditional process that is common for the most of the societies with the complex structure in ethno-confessional sense. The policy of “hard” multiculturalism, which is of current importance in the countries of the modern European Union, has led to a variety of downturns in the social and political aspects of life in Europe. On the contrary, the traditional multiculturalism, being proclaimed in Azerbaijan as the basis of ethno-confessional life of the society, encourages the social stabilization.

Key words: multiculturalism, European Union, society, ethnicity, ethno-confessional structure, identity, tradition.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22017111120>

УДК 339.9

Елена САПИР,Игорь КАРАЧЕВ

ОБЩИЙ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЙ РЫНОК ЕАЭС И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ¹

Аннотация. С 1 января 2017 г. Евразийский экономический союз выходит на новый уровень интеграции, в рамках которого начнется формирование общих рынков. В статье проведено исследование готовности государств-членов ЕАЭС к полномасштабному запуску первого общего рынка – фармацевтического. Выявлены факторы, стимулирующие и сдерживающие процесс интеграции для каждой из экономик ЕАЭС. В целом для фармацевтического сектора ЕАЭС характерны следующие сдерживающие факторы: длительная процедура регистрации препаратов; жёсткий государственный контроль над ценами; отсутствие отдельно размещенных лабораторных комплексов; проблемы с инвестициями в проведение научных исследований и разработок; импортозависимость евразийского фармацевтического рынка. Сравнительный анализ страновых сегментов общего фармрынка позволил оценить состояние и интеграционные возможности стран и предложить комплекс мер поддержки запуска единого рынка лекарственных средств ЕАЭС. Указанные меры включают: упрощение таможенных процедур в части ввоза фармацевтических субстанций, не производимых в государствах-членах ЕАЭС; создание евразийского кластера фармацевтической индустрии; разработку мероприятий в сфере контроля качества фармацевтических препаратов.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, мегарегиональная интеграция, общий фармацевтический рынок, экспортный потенциал.

Кризисные тенденции последних лет очертили перспективы формирования в мире нескольких региональных объединений, государства-члены которых будут интегрированы внутри них гораздо сильнее, чем с третьими странами. Страны с

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект “Модель интегрирования российского региона в мировую хозяйственную сферу через развитие и адаптацию новых организационных структур” № 15-32-01043.

© **Сапир Елена Владимировна** – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и статистики ФГБОУ ВО “Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова”. **Адрес:** 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14. **E-mail:** sapir@uniyar.ac.ru

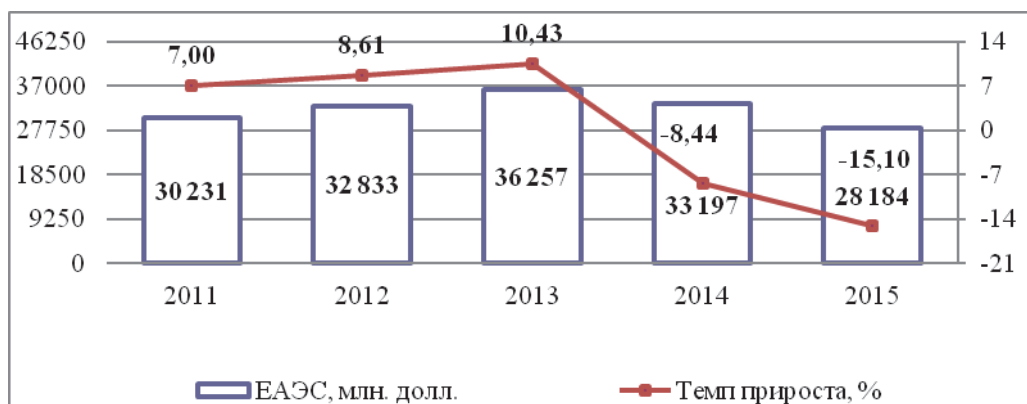
Карачев Игорь Андреевич – ассистент кафедры мировой экономики и статистики ФГБОУ ВО “Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова”. **Адрес:** 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14. **E-mail:** karachev2011@yandex.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22017121134>

близким пониманием целей ищут форматы совместного представления своих интересов [Головнин и др., 2016: 61; Кондратьева, 2015: 147]. Одним из направлений подобной мегарегиональной интеграции стало формирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС), начало которому было положено 29 мая 2014 г. подписанием в Астане Россией, Республикой Беларусь и Казахстаном Договора о создании Союза, к которому позднее присоединились Армения и Кыргызстан. На сегодняшний день ЕАЭС является вторым по глубине проектом региональной экономической интеграции в мире после Европейского союза. ЕАЭС создаёт рынок с населением свыше 180 млн человек, функционирующий практически по единым транспарентным правилам [Отчёт..., 2016]. Предусматривается, что интегрирующийся рынок ЕАЭС будет работать на основе норм ВТО, что делает его открытым и понятным для инвесторов и привлекательным для третьих стран, особенно в условиях мировой экономической турбулентности [Глинкина, Тураева, 2014: 55].

Первым действительно общим рынком в рамках ЕАЭС призван стать рынок фармацевтических препаратов (январь 2017 г.). Общий рынок позволит обеспечить безопасность и качество лекарств, создать оптимальные условия для развития и повышения конкурентоспособности фармацевтической промышленности и медицинских изделий, производимых на территории стран Союза, вывода их на мировой рынок. Совокупный фармацевтический рынок стран ЕАЭС стал к 2013 г. одним из наиболее динамичных и быстрорастущих мировых рынков. Его ежегодный прирост в 2011, 2012 и 2013 гг. составлял 7,0%, 8,6% и 9,4% соответственно. В 2013 г. объём рынка достиг уровня в 36,3 млрд долл. Однако с 2014 г. он начал падать. В 2014–2015 гг. темпы прироста составили -8,4% и -15,1% соответственно, совокупный объём снизился до 28,2 млрд долл. (рис. 1).

Рис. 1 Динамика фармацевтических рынков ЕАЭС (2011–2015 гг., млн долл.)

Источник: Информация о результатах анализа состояния и развития фармацевтической отрасли государств - членов Евразийского экономического союза... М., 2014.

Очевидно, что совокупное падение объёмов продаж фармацевтической продукции в ЕАЭС в 2014–2015 гг. было вызвано не столько структурными, сколько **конъюнктурными** причинами и объяснялось, прежде всего, сокращением продаж в России – крупнейшем евразийском экономическом игроке (табл. 1). Совокупная

доля российского фармрынка составляет подавляющую часть рынка ЕАЭС – почти 90 %. Что касается других стран-членов, их влияние незначительно. И хотя ёмкость фармацевтических рынков в этих странах в 2015 г. в целом даже выросла на 4 %, т. е. имела место положительная динамика, это никак не повлияло на общую картину. Подтверждаются высказанные в научной литературе прогнозы о том, что интеграционная модель ЕАЭС будет формироваться под влиянием такой её ключевой особенности, как моноцентричный характер объединения [Буторина, 2016: 28], а отдельные показатели и успех проекта в целом будет определять российское участие.

Таблица 1

Объём фармацевтических рынков стран ЕАЭС (2011–2015 гг., млн долл.)

	2011	2012	2013	2014	2015
Армения	28,15	30,25	45,41	46,50	47,57
Беларусь	651,00	797,00	1 011,00	1 067,00	1 020,00
Казахстан	1 290,00	1 628,00	1 803,00	1 590,62	1 785,00
Киргизия	42,27	41,96	53,92	49,05	51,80
Россия	28 220,00	30 336,00	33 344,00	30 443,93	25 280,00
ЕАЭС	30 231,42	32 833,21	36 257,33	33 197,09	28 184,38

Источник: Информация о результатах анализа состояния и развития фармацевтической отрасли государств - членов Евразийского экономического союза... М., 2014.

Сможет ли формирующийся общий рынок лекарственных средств ЕАЭС в такой ситуации со временем стать органичным интеграционным образованием, или его постигнет участь СНГ, формальные соглашения и договорённости участников которого так и не наполнились общими экономическими процессами, реализующими общую стратегию и общие интересы? Представляется в этой связи интересным провести анализ состояния фармацевтической отрасли стран-членов ЕАЭС с учетом задач формирования общего евразийского рынка лекарственных средств и выявить как факторы, способствующие его становлению, так и осложняющие этот процесс вызовы.

Российский сегмент – основа формирующегося общего фармрынка ЕАЭС

Интеграционный евразийский мегапроект, реализуемый в современной высококонкурентной мировой среде, безусловно, бросает целый ряд вызовов экспортной конкурентоспособности российских фармкомпаний.

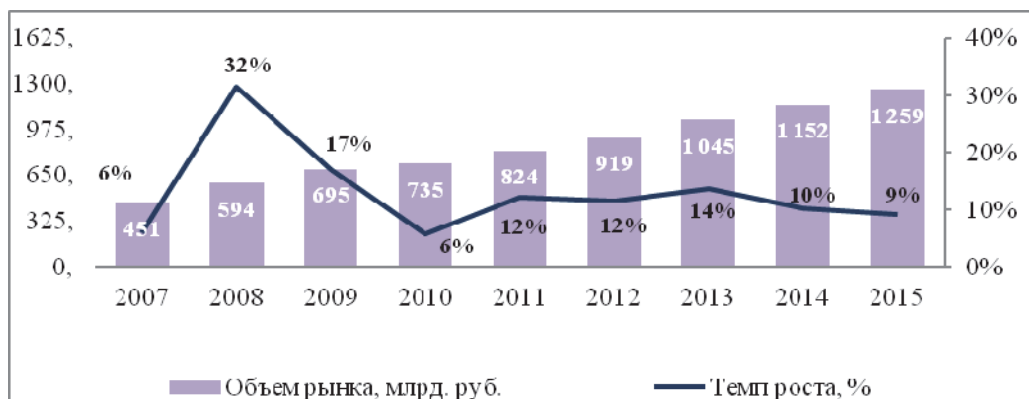
Первым вызовом выступает высокий уровень импортозависимости российской фармотрасли. На фармацевтическом рынке страны сегодня отмечается преобладание импортных препаратов, доля которых доходит до 75 % от общего оборота лекарств. Российской фармации приходится конкурировать не только с

западными ТНК – фармацевтическими гигантами, задающими тон в сфере технологий и интеллектуальной собственности, но также с крупнейшими производителями из Индии и Китая, с их пользующимися популярностью и спросом марками и сильным ценовым давлением. России в условиях санкционного режима предстоит произвести импортозамещение в фармацевтическом секторе, которое даст импульс развитию современных технологий, создаст конкурентные преимущества и сделает российскую фармпродукцию привлекательной для евразийских партнёров [Крылатых, Фёдоров, 2012: 138].

Если же этого не произойдёт, то запуск с 1 января 2017 г. единого рынка обращения лекарств и медицинских изделий Евразийского экономического союза может “реверсивно” повлиять на структуру и динамику импорта лекарственных препаратов в Россию: создать дополнительную конкуренцию для российских производителей за счёт поставок из ЕАЭС. В частности, станет возможна переупаковка импортных лекарств на территории стран ЕАЭС и беспрепятственная реализация на территории России.

Вторым вызовом выступает высокая степень чувствительности российского фармрынка к кризисным явлениям в мировой экономике. Российский фармацевтический рынок является одним из самых быстрорастущих в мире со среднегодовым темпом прироста в 2007–2015 гг. примерно 14 % (рис. 2). Непрерывный рост объёма рынка в рассматриваемый период (с 451 до 1259 млрд руб.) отражает его растущую ёмкость, повышающийся спрос населения на лекарства и выглядит вполне оптимистично. Однако та же ситуация, но оценённая “в долларовом выражении”, демонстрирует существенные отличия (рис. 3). Несмотря на незначительные в целом колебания, дважды отмечается падение рынка: в 2009 г., в период мирового финансового кризиса, и в 2014–2015 гг. в период введения экономических санкций и структурного кризиса на мировом нефтяном рынке. Такое падение привело к тому, что ёмкость российского фармацевтического рынка в 2015 г. стала сопоставима с уровнем 2007–2008 гг., что выводит этот рынок из ТОП-10 ведущих мировых фармацевтических рынков.

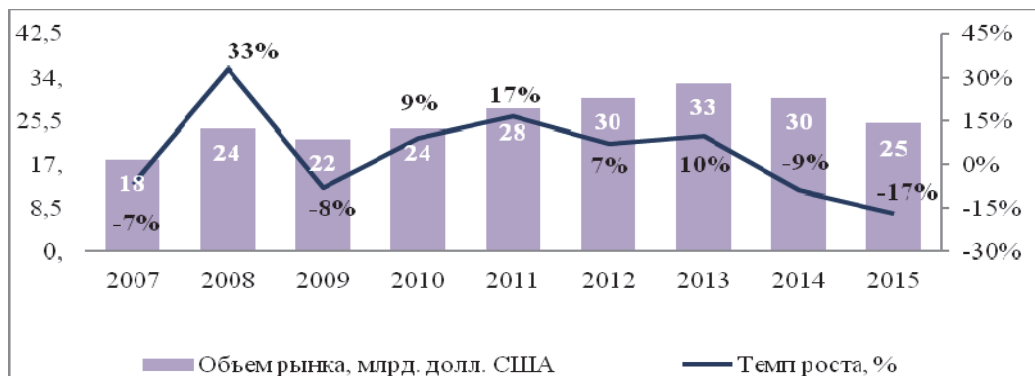
Рис. 2. Объём российского фармацевтического рынка, млрд руб.

Источник: Development Trends and Practical Aspects of the Russian Pharmaceutical Industry...

Третьим вызовом выступает не отвечающая потребностям населения сегментная структура российского фармрынка. Она значительно отличается от рынков развитых стран в сторону преобладания дженериков¹ в основном иностранного производства. Причём в сравнении с оригинальными препаратами воспроизведённые препараты преобладают как в стоимостном (59% против 41%), так и в натуральном (85% против 15%) выражении. Это объясняется серьёзным сокращением доходов населения в связи с кризисом, ослаблением национальной валюты, политикой правительства, поощряющей этот процесс. Отсюда и основная рыночная стратегия фармпроизводителей – “Больше таблеток!”, основанная на вложении средств в маркетинг и нацеленная на продвижение на рынок дешёвых препаратов, которая не стимулирует компании к вложению средств в разработку новых эффективных лекарств, что, в свою очередь, существенно замедляет развитие отрасли.

Рис. 3. Объём российского фармацевтического рынка, млрд долл. США

Источник: Development Trends and Practical Aspects of the Russian Pharmaceutical Industry...

Вызовы, с которыми сталкивается российская фармацевтическая промышленность, заставляют искать пути повышения международной конкурентоспособности отечественных препаратов, что позволило бы увеличить экспорт лекарств в страны ЕАЭС. Правительством России принята масштабная государственная программа “Развитие фармацевтической и медицинской промышленности на 2013–2020 годы”, которая предусматривает широкий комплекс мер по переходу к требованиям единого фармрынка. Но Программа будет иметь успех только в том случае, если удастся реализовать инновационный сценарий развития отрасли, включающий:

- разработку и внедрение в производство отечественных инновационных препаратов, экспортоспособных на мировых рынках;
- создание научной и инженерной инфраструктуры, кадрового и материального обеспечения для разработки инновационных препаратов с использованием современных технологических платформ;
- переход всех российских фармпроизводителей на выпуск продукции в со-

¹ “Дженерики” – лекарственное средство, продающееся под международным непатентованным названием либо под патентованным названием, отличающимся от фирменного названия разработчика препарата

ответствии с международными фармацевтическими стандартами GMP;

– введение электронной маркировки лекарственных препаратов, что позволит предотвращать обращение в аптечной и госпитальной сети фальсифицированных и некачественных лекарств;

– внедрение в производство отечественных патентоспособных препаратов, имеющих зарубежные прототипы и показавших клиническую эффективность (пониженная токсичность, повышенная биодоступность и т.п.) [Бекарев, 2015: 24–25];

– государственную поддержку в форме различного рода льгот – инвестиционных, процентных, компенсационных и др. – отечественных компаний, реализующих стратегии выхода на новые зарубежные рынки [Социальная ..., 2011].

Белорусский сегмент формирующегося общего фармрынка ЕАЭС

Белорусский фармацевтический рынок относится к числу динамичных. В последние восемь лет он имел положительный тренд и прирастал в среднем на 13% ежегодно, значительно опережая темпы роста ВВП страны. К 2015 г. в Беларуси зарегистрировано около 5 тыс. наименований лекарств, при этом количество препаратов белорусского производства достигает 1,4 тыс. наименований или 28,5% от общего числа [Фармацевтика..., 2015]. Следует отметить, что Беларусь среди стран ЕАЭС имеет самую большую долю локальных фармпрепаратов на рынке, и эта доля постоянно увеличивается. Если в 2009 г. доля локального производства составляла 20,6% в стоимостном и 54,9% в натуральном выражении, то к 2015 г. эти показатели возросли до 42,3% и 67,9 % соответственно. Для производства лекарств в стране синтезируют около 60 субстанций, а ввозят более 800. Как правило, субстанции закупают в странах, обладающих значительным конкурентным преимуществом по затратам на производство, а именно в Индии, Пакистане и Китае. Таким образом, поскольку производство субстанций является весьма затратным и основано на эффекте масштаба, а также обладает низкой маржинальностью, следовательно, в Беларуси в условиях единого фармацевтического рынка ЕАЭС было бы целесообразным налаживание производства готовых препаратов.

Представляет интерес анализ динамики экспорта фармацевтической продукции Беларуси. В 2015 г. его объём составил 148 млн долл., сократившись на 9 % по сравнению с 2014 г. Основная причина снижения связана с тем, что Беларусь в 2015 г., также как и Россия, столкнулась с серьёзными вызовами во внешнеэкономической сфере: ухудшились условия внешней торговли, снизился спрос на традиционных рынках, некоторые из ближайших торговых партнёров Беларуси пережили парад девальваций. Тем не менее, географическая структура экспорта Беларуси отражает устойчивое присутствие стран ЕАЭС: около 85% экспортируется в страны Союза. При этом основным целевым рынком является Россия, объём взаимной торговли фармпродукцией с другими государствами ЕАЭС крайне незначителен (табл. 2).

Белорусские производители лекарственных средств заинтересованы в упрощённом доступе на единый фармацевтический рынок, поскольку барьеры, существовавшие при национальной регистрации лекарственных средств, исчезают, и для белорусских производителей открывается ёмкий рынок России и Казахстана. В то же время белорусский фармацевтический рынок становится более открытым и уязвимым для поставок крупных российских производителей. В этих условиях массовый сегмент и низкая цена остаются основными конкурентными преимуществами бело-

русских производителей лекарственных средств, которые стране следует сохранять и укреплять. Тогда по мере роста инновационных разработок лекарств, технологической модернизации производства по стандартам GMP Беларусь сможет не только стать крупным фармпроизводителем на едином экономическом пространстве ЕАЭС, но и нарастить свое присутствие на рынках третьих стран.

Таблица 2.

Динамика объёмов взаимной торговли фармацевтической продукцией между Республикой Беларусь и странами ЕАЭС и данные по совокупному экспорту и импорту за период 2011 – 2015 гг. в млн долл.

Экспорт, млн долл.					
	2011	2012	2013	2014	2015
Армения	1,04	0,90	1,16	0,98	0,99
Казахстан	15,48	18,22	16,97	16,91	14,46
Киргизия	1,31	1,38	1,20	1,12	0,98
Россия	81,39	97,01	122,30	122,55	113,21
Совокупный экспорт	126,02	150,41	164,66	162,65	148,10
Импорт, млн долл.					
	2011	2012	2013	2014	2015
Армения	0,22	0,12	0,11	0,15	0,20
Казахстан	-	-	0,68	0,95	1,01
Киргизия	0,18	0,15	0,16	0,19	0,17
Россия	55,86	76,71	83,67	82,10	72,96
Совокупный импорт	656,72	709,23	816,30	872,49	674,54

Источник: UNCTAD Statistics..., 2011–2016.

Казахстан на формирующемся общем фармрынке ЕАЭС

Крупным участником фармацевтического рынка ЕАЭС является Казахстан. Фармацевтическая промышленность представлена в Казахстане более чем 80 предприятиями, из которых 90% являются иностранными и только 10% составляют местные производители фармацевтической продукции и изделий медицинского назначения [Kussainov A. et al., 2015]. Следует отметить, что из всех стран ЕАЭС Казахстан имеет наименьшую долю локальных производителей на рынке, и поэтому объёмы экспорта продукции незначительны по сравнению с общим объёмом

рынка страны. Страновая структура импорта Казахстана очень похожа на белорусскую. Крупнейшие импортёры фармацевтической продукции в Казахстан – Германия (15%), Россия (10%), Франция (8%), Индия (7%). Основным торговым партнёром Казахстана по ЕАЭС, также как и Беларуси, является Россия (табл. 3). Товарооборот лекарственных препаратов между странами в 2015 г. составил 95 млн долл., из них экспорт – 2,5 млн долл. и импорт – 92,7 млн долл. Следует отметить, что после образования Таможенного союза, а впоследствии ЕАЭС объём взаимной торговли с Россией постоянно рос, но в 2015 г. произошёл резкий спад: по сравнению с 2014 г. объём экспорта сократился почти в 2 раза, импорт упал на 35%.

Таблица 3.

Динамика объёмов взаимной торговли фармацевтической продукцией между Республикой Казахстан и странами ЕАЭС и данные по совокупному экспорту и импорту за период 2011–2015 гг. в млн долл.

Экспорт, млн долл.					
	2011	2012	2013	2014	2015
Армения	0,02	0,04	0,05	0,03	0,04
Беларусь			0,68	0,95	1,01
Киргизия	5,59	6,10	8,77	7,70	4,59
Россия	3,78	3,45	3,69	5,14	2,46
Совокупный экспорт	23,16	25,17	24,41	21,89	18,90
Импорт, млн долл.					
	2011	2012	2013	2014	2015
Армения	0,26	0,34	0,25	0,35	0,20
Беларусь	15,48	18,22	16,97	16,91	14,46
Киргизия	1,65	1,73	1,84	1,90	1,66
Россия	61,16	106,41	134,95	141,61	92,65
Совокупный импорт	973,36	1 231,44	1 525,87	1 310,15	950,15

Источник: UNCTAD Statistics..., 2011–2016.

Казахстан является полноправным участником ЕАЭС, и интеграция открывает для казахстанских производителей новые возможности по глубокому освоению евразийских рынков, так как сегодня степень развития экономических связей Казахстана с партнёрами по ЕАЭС далеко не одинакова и с большинством – крайне низка. Вместе с тем, объединение рынков стран-участниц ЕАЭС, по мнению аналитиков, несёт для казахстанских производителей определённые риски. В частности, для казахстанских фармацевтических компаний на едином экономическом пространстве станет сложнее конкурировать, так как придут сильные евразийские иг-

роки со своими технологиями и ноу-хау. По прогнозам экспертов, выживут лишь те компании, которые внедряют новые технологии и инновации, совершенствуя производственный процесс и, в конечном итоге, сам продукт. Реализация объединения фармацевтических рынков в рамках ЕАЭС потребует времени для того, чтобы отработать новые схемы взаимодействия.

Реальное включение в единый лекарственный рынок ЕАЭС и интеграция со всеми странами-участницами Союза с целью получения значительного экономического эффекта потребует от казахстанской фармотрасли существенной качественной модернизации. Во-первых, необходим переход к производству и поставкам в страны-партнёры новых современных дженериковых препаратов, а в перспективе, возможно, и собственных оригинальных лекарств. Во-вторых, без налаженного трансфера технологий не удастся наладить производство современных препаратов. В-третьих, потребуется связанное обновление и развитие смежных и обеспечивающих отраслей: химической, медицинской, приборостроения и ряда других.

Армения на формирующемся общем фармрынке ЕАЭС

Фармацевтический сектор Армении является важной составной частью её экономики и имеет огромный потенциал роста. Он стал стратегическим для страны из-за постоянно растущих экспортных возможностей и инвестиционной привлекательности. За последние 10 лет (с 2005 по 2015 гг.) объём производства фармацевтической продукции вырос с 1,5 до 30 млн долл., демонстрируя среднегодовой прирост около 20%. Если говорить об объёмах продаж, то за период 2011–2015 гг. они увеличились на 65%: с 29 млн долл. до 48 млн долл. [Информация..., 2014]. Все фармацевтические компании Армении в настоящее время работают по стандартам GMP, окончательный переход на которые был завершён в 2015 г. Фармацевтическая промышленность является одной из немногих экспортно-ориентированных отраслей промышленности в Армении. Экспорт сектора фармации составляет почти 50% всех лекарств, производимых в стране. Основными зарубежными рынками для армянских фармацевтических компаний являются страны Центральной Азии (Узбекистан, Казахстан, Туркменистан и Таджикистан), Беларусь, Россия, Грузия. Объём экспорта в страны СНГ составляет львиную долю армянского экспорта лекарств. В последние годы отмечается рост экспортных потоков из Армении в страны ЕАЭС (табл. 4).

Наибольшую долю во взаимной торговле Армении со странами ЕАЭС занимает Россия. Это не вызывает удивления, поскольку Россия имеет самый ёмкий рынок в Союзе, и лишь подтверждает тенденцию моноцентрической интеграции, проявившуюся в отношении Беларуси и Казахстана. Объёмы торговли Армении с другими странами Союза пока малы, но ожидается, что Армения займет нишу фитопрепаратов на общем рынке лекарств Союза.

К основным конкурентным преимуществам фармацевтического сектора Армении, способным поддержать эффективную интеграцию отрасли в общий фармацевтический рынок ЕАЭС, исследование позволяет отнести:

- высокие темпы роста продаж как на внутреннем, так и на основных экспортных рынках;
- старые традиции и богатый опыт в органической химической промышленности;

Таблица 4.

Динамика объёмов взаимной торговли фармацевтической продукцией между Республикой Армения и странами ЕАЭС и данные по совокупному экспорту и импорту за период 2011–2015 гг. в млн долл.

Экспорт, млн долл.					
	2011	2012	2013	2014	2015
Беларусь	0,23	0,13	0,11	0,12	0,16
Казахстан	0,35	0,46	0,32	0,36	0,24
Киргизия	0,27	0,18	0,42	0,17	0,19
Россия	1,06	1,07	1,32	1,74	2,77
Совокупный экспорт	5,79	6,89	8,38	9,72	12,20
Импорт, млн долл.					
	2011	2012	2013	2014	2015
Беларусь	1,54	1,41	1,69	1,38	1,53
Казахстан	0,86	0,98	1,01	1,05	1,10
Киргизия	0,18	0,20	0,22	0,29	0,31
Россия	6,40	8,12	9,17	8,72	7,36
Совокупный импорт	113,90	115,03	127,06	115,57	105,83

Источник: UNCTAD Statistics..., 2011–2016.

- наличие высококвалифицированной, технически грамотной, профессиональной рабочей силы;
- наличие пула высокотехнологичных научно-исследовательских и лабораторно-опытно-конструкторских площадок с ультрасовременным оборудованием и высококвалифицированным персоналом;
- стремление производителей внедрять надлежащую производственную практику (GMP) и иные международные стандарты качества.

Кыргызский сегмент формирующегося общего фармрынка ЕАЭС

Сегодня фармацевтический рынок Кыргызстана динамично развивается. Его среднегодовой прирост в 2009–2015 гг. составил 6%. В Кыргызстане лекарственным обеспечением лечебно-профилактических организаций (ЛПО) занимаются частные фармацевтические фирмы. В связи с этим для эффективного использования имеющихся денежных ресурсов закупка лекарственных средств для ЛПО осуществляется в пределах перечня жизненно важных лекарственных средств на тендерной основе. Национальное производство покрывает от 3% до 5% потребляемой

в стране фармпродукции, имеет место практически полная зависимость страны от импорта.

Динамику взаимной торговли между Кыргызстаном и странами ЕАЭС иллюстрируют данные табл. 5.

Таблица 5.

Динамика объёмов взаимной торговли фармацевтической продукцией между Киргизией и странами ЕАЭС и данные по совокупному экспорту и импорту за период 2011–2015 гг. в млн долл.

Экспорт, млн долл.					
	2011	2012	2013	2014	2015
Армения	0,18	0,19	0,20	0,23	0,22
Беларусь	0,12	0,13	0,15	0,16	0,19
Казахстан	2,34	3,39	3,42	4,52	3,18
Россия	1,10	1,69	2,54	3,19	3,21
Совокупный экспорт	7,62	7,94	7,56	8,54	9,65
Импорт, млн долл.					
	2011	2012	2013	2014	2015
Армения	0,24	0,20	0,39	0,22	0,17
Беларусь	1,79	1,69	1,84	1,79	1,20
Казахстан	2,55	2,17	2,17	2,55	1,85
Россия	23,37	26,83	28,16	27,95	24,15
Совокупный импорт	164,54	187,40	190,30	180,15	131,80

Источник: UNCTAD Statistics..., 2011–2016.

Экспортный поток Киргизии, хотя и небольшой по объёму, возрастал на протяжении всего рассматриваемого периода, за исключением 2013 г. Большая часть экспорта киргизской фармации стабильно приходилась на страны ЕАЭС (св. 70% в 2015 г.), главным образом, – на Россию и Казахстан. Отсюда можно ожидать в целом позитивное влияние создания общего рынка ЕАЭС на развитие фармацевтической отрасли в Кыргызстане. Что касается импорта, то примерно 80% всех лекарственных средств ввозится в Кыргызстан из третьих стран, и только 20% приходится на страны ЕАЭС. Импорт лекарств активно осуществляют около 50 оптовых компаний с годовым объёмом импорта от 100 тыс. до 25 млн долл. США, но при этом 45% импорта сконцентрировано в руках всего 10 крупнейших поставщиков. В целом заметно усиление взаимной торговли между Кыргызстаном и странами ЕАЭС. Как ожидается, данная тенденция продолжится, и углубление интеграцион-

ных процессов повлечёт постепенное замещение импорта из стран дальнего зарубежья импортом из стран ЕАЭС.

* * *

Конечно, сегодня ещё многие проблемы формирования общего рынка лекарств ЕАЭС далеки от решения, и, в первую очередь, критическое – до интеграционного уровня – наращивание внутреннего лекарственного торгового оборота с полноценным участием всех стран-членов. И поскольку речь идет о старте по существу пилотного секторального интеграционного проекта в ЕАЭС, его успех и модель реализации во многом будут определять контуры будущего развития мегарегионального объединения в целом. Многое зависит от того, удастся ли выработать общую экономическую политику ЕАЭС и отладить новые механизмы сотрудничества и вовлечения в интегрированную экономическую жизнь Союза всех его участников [Буторина, 2016: 31]. С нашей точки зрения, в сегодняшней ситуации для запуска и прогресса единого фармацевтического рынка потребуются проведение целого комплекса синхронизированных мер структурного, технологического и организационного характера, включающих, в том числе:

- создание в Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) – единого постоянно действующего межгосударственного органа по лекарственным средствам в целях гармонизации и унификации законодательства государств-членов в сфере обращения лекарственных средств;

- разработка Департаментом развития интеграции совместно с Департаментом промышленной политики ЕЭК организационных основ образования фармацевтического и биотехнологического кластера, включающего научно-исследовательские, научно-производственные, клинические учреждения России, Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана;

- разработка единого перечня стратегически значимых лекарственных средств, необходимых к производству на территории государств-членов ЕАЭС;

- разработка единых для всех стран-членов ЕАЭС правил надлежащей производственной, клинической, дистрибьюторской и лабораторной практики с последующим постепенным переходом к этому стандарту производства всех участников общего рынка;

- подготовка Департаментом торговой политики ЕЭК совместно с другими заинтересованными органами и институтами нормативного документа, уравнивающего правовой статус фармацевтических производителей ЕАЭС в части государственного регулирования цен на лекарства и единообразных процедур проведения госзакупок.

Список литературы

Бекарев А.А., Бекарева С.В. (2015) Что определяет современное состояние и конкурентоспособность российской фармацевтической отрасли? // *Вестник Новосибирского государственного университета*. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 23–31.

Буторина О.В. (2016) Особенности евразийской модели экономической интеграции // *Современная Европа*. 2016. № 2 (68). С. 28–32.

Глинкина С.П., Тураева М.О. (2014) О расширении евразийской интеграции в условиях геополитического регионального соперничества // *Вестник университета*. Т. 1, № 2 (45). С. 54–62.

Головнин М.Ю., Захаров А.В., Ушкалова Д.И. (2016) Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 60, № 4. С. 61–69.

Информация о результатах анализа состояния и развития фармацевтической отрасли государств - членов Евразийского экономического союза (2014) / *ЕЭК: Департамент промышленной политики*. Москва. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Материалы%20в%20разделе%20Аналитика/Аналитическая%20записка%20Проект_NG_15_обложка_еаэс.pdf (дата обращения: 15.11.2016).

Кондратьева Н.Б. (2015) ЕАЭС – ЕС: интеграция интеграций на горизонте // *Современная Европа*. № 4 (64). С. 147–148.

Крылатых Э.Н., Федоров В.П. (2012) Международная экономическая интеграция и российский бизнес (круглый стол) // *Современная Европа*. 2012. № 2 (50). С. 136–142.

Отчёт Евразийской экономической комиссии 2012–2015: расширяя пространство возможностей. (2016). URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/EEC_ar2015_preview.pdf (дата обращения: 15.11.2016).

Социальная Европа в XXI веке (2011) / Под ред. М.В. Каргаловой. – М.: изд-во “Весь мир”. 525 с.

Фармацевтика Беларуси (2015) / ЗАО “Инвестиционная компания “Юнитер”. URL: http://www.uniter.by/upload/iblock/f93/f937964897b48d5558cb33d0a13fda7_7.pdf (дата обращения: 16.11.2016).

Development Trends and Practical Aspects of the Russian Pharmaceutical Industry (Survey results). Deloitte. 2015. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/life-sciences-health-care/russian-pharmaceutical-industry-2015.pdf> (дата обращения: 16.11.2016).

Kussainov A., Yuldasheva I. (2015) Kazakhstan: Common pharmaceutical market of the Eurasian economic union: rules of access and competition // *Kazakhstan business updates*. URL: <http://www.dentons.com/en/insights/guides-reports-and-whitepapers/2015/december/7/kazakhstan-business-updates> (дата обращения: 18.11.2016).

UNCTAD Statistics (официальные статистические данные Конференции ООН по торговле и развитию). URL: <http://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (дата обращения: 14.11.2016).

References

Bekarev, A. A. and Bekareva, S. V. (2015) “What defines the current state and competitiveness of the Russian pharmaceutical industry?”, *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 15, no. 1, pp. 23–31.

Butorina, O.V. (2016) “Peculiarities of the Eurasian economic integration model”, // *Sovremennaja Evropa*, no. 2 (68), pp. 28–32.

Glinkina, S.P. and Turaeva M.O. (2014) “On the expansion of the Eurasian integration in terms of geopolitical regional rivalry”, // *Vestnik universiteta*, vol. 1, no. 2 (45), pp. 5–62.

Golovnin, M.Ju., Zaharov, A.V. and Ushkalova, D.I. (2016) “Economic integration: lessons for the post-Soviet space”, // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, vol. 60, no. 4, pp. 61–69.

The Eurasian economic Commission: Department of industrial policy, Moscow (2014) “Information on the results of the analysis of the status and development of the pharmaceutical industry of the member States of the Eurasian Economic Union”, available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Материалы%20в%20разделе%20Аналитика/Аналитическая%20записка%20Проект_NG_15_обложка_еаэс.pdf (Accessed 15 November 2016).

Kondrat'eva, N.B. (2015) “EU: the integration of integrations on the horizon”, // *Sovremennaja Evropa*, no. 4 (64), pp. 147–148.

Krylatyh, Je.N. and Fedorov, V.P. (2012) “International economic integration and Russian business (round-table discussion)”, // *Sovremennaja Evropa*, no. 2 (50), pp. 136–142.

Report of the Eurasian economic Commission 2012-2015: expanding the space of possibilities (2016) available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/EEC_ar2015_preview.pdf (Accessed 15 November 2016).

Kargalova, M.V. (ed.) (2011) *Social'naja Evropa v XXI veke* [Social Europe in the XXI century], Ves'mir, Moscow, Russia.

Pharmaceuticals in Belarus (ZAO "Investment company "UNITER") (2015) available at: http://www.uniter.by/upload/iblock/f93/f937964897b48d5558cb33d0a13_fda77.pdf (Accessed 16 November 2016).

Development Trends and Practical Aspects of the Russian Pharmaceutical Industry (Survey results). Deloitte (2015) available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/life-sciences-health-care/russian-pharmaceutical-industry-2015.pdf> (Accessed 16 November 2016).

Kussainov, A. and Yuldasheva, I. (2015) "Kazakhstan: Common pharmaceutical market of the Eurasian economic union: rules of access and competition", Kazakhstan business updates, available at: <http://www.dentons.com/en/insights/guides-reports-and-whitepapers/2015/december/7/kazakhstan-business-updates> (Accessed 18 November 2016).

UNCTAD Statistics (oficial'nye statisticheskie dannye Konferencii OON po trgovle i razvitiju), available at: <http://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (Accessed 14 November 2016).

Common pharmaceutical market and Eurasian integration

Authors. Sapir E., Candidate of Science (Economics), Head of Department for World Economy and Statistics, Yaroslavl Demidov State University. **Address:** 14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, Russia, 150003. **E-mail:** sapir@uniyar.ac.ru

Karachev I., Assistant at the Department for World Economy and Statistics, Yaroslavl Demidov State University. **Address:** 14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, Russia, 150003. **E-mail:** karachev2011@yandex.ru

Abstract. On January 1, 2017 the Eurasian Economic Union is entering a new level of integration, within which the formation of common markets will begin. In the article, the authors analyze the readiness of member states of the EEU to the full-scale launch of the first common market – pharmaceutical. Also they identify factors that stimulate and restrain the integration process for each of the EEU economies. In general, the following factors are typical for the pharmaceutical sector of the EEU: the lengthy procedure for registration of drugs; tight state control over prices; absence of separately placed laboratory complexes; problems with investment in research and development; import dependence of the Eurasian pharmaceutical market. Comparative analysis of the common pharma market segments by country allowed to assess the condition and the integration possibilities of countries and propose a set of measures to support launching the single EEU pharmaceutical market. These measures include: simplification of customs procedures for the import of pharmaceutical substances not produced in the EEU member states; creation of the Eurasian cluster of the pharmaceutical industry; development of measures in the field of quality control of pharmaceuticals.

Key words: Eurasian Economic Union, megaregional integration, common pharmaceutical market, export potential.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22017121134>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЕКТЫ

УДК 316.7

Александр ЕГОРОВ,¹

Василий ДВОЙНЕВ,

Елена СУХОВА

СМОЛЕНСК – ХАГЕН: МЕЖДУНАРОДНЫЕ КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье представлены результаты международного научно-исследовательского проекта, посвящённого изучению проблем менеджмента в сфере культуры в Германии и России. Проект реализован усилиями учёных Хагенского заочного университета и Смоленского государственного университета. Исследовательское поле проекта обширно, что обусловлено культурной жизнью Германии и России. Проект посвящён различным аспектам культурной жизни немецких и российских городов: туризм, привлекательность культурной инфраструктуры, будущее музеев, устойчивое развитие городов в сфере культуры при участии местного населения, взаимодействие музеев и молодёжи, взаимосвязь пространственной идентификации индивидов и культуры, изменения урбанистического пространства. Эмпирическая составляющая проекта включает в себя классические методы сбора данных (письменные и устные опросы, качественные интервью, невключенное наблюдение), метод кейсов, групповые дискуссии, анализ статистики в сфере музейного менеджмента и музейной педагогики, данных об истории и архитектуре городов, концептуализация аспектов трансляции культурных смыслов в деятельности музеев, адаптация концепций культурологии, урбанистики и архитектуры к конкретным исследовательским ситуациям. В ходе исследований выявлены формы туризма (объектный, региональный, событийный, гастрономический), типы пространственной идентификации (идентификация с городом проживания, идентификация с районом проживания, патриот региона, мобильный, укорененный) и их ориентированность на культурную жизнь, а также составлены социаль-

© **Егоров Александр Григорьевич**, доктор философских наук, проректор по научной работе, завкафедрой социологии и философии Смоленского государственного университета, председатель Смоленского отделения АЕВИС. **Адрес:** 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4. **E-mail:** ag-egorov@yandex.ru

Двойнев Василий Владиславович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и философии Смоленского государственного университета. **Адрес:** 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4. **E-mail:** vassilidvoinev@yandex.ru

Сухова Елена Евгеньевна, кандидат социологических наук, декан социального факультета Смоленского государственного университета, ученый секретарь Смоленского отделения АЕВИС. **Адрес:** 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4. **E-mail:** elena-suchova@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22017135141>

ные портреты типичных представителей этих типов, проанализированы проекты в области музейной педагогики, установлены тенденции социокультурных трансформаций городского пространства и их влияние на образ города. Сделан вывод о том, что культура и её развитие являются предпосылками перспективного развития любого города. Музеям предложены рекомендации, имеющие практическую ценность.

Ключевые слова: социологические исследования, города-побратимы, Хаген, Смоленск, культурные практики, учреждения культуры, музейный менеджмент, музейная педагогика, многообразие исследовательских методик, типологии.

Как российские, так и европейские города предлагают своим жителям в целом сходную культурную программу (музеи, экскурсии, выставки, концерты, реконструкции исторических событий, дни города и городских районов и т. д.), однако остаётся неочевидным, какие категории городского населения прежде всего откликаются на данное предложение и почему они это делают. Представляет интерес вопрос о влиянии культурной инфраструктуры на развитие европейских и российских городов в целом.

Изучению этих и других аспектов культурной жизни городов был посвящён международный исследовательский проект “Менеджмент в сфере культуры”, осуществленный в городах-побратимах Смоленске и Хагене (Германия) в 2011–2014 гг. Исследование было реализовано в рамках многолетнего и эффективного сотрудничества Хагенского заочного университета и Смоленского государственного университета в области социологии и культурологии. Ядром проекта стало сравнительное изучение роли музеев в досуговых практиках жителей городов-партнёров, результаты которого были представлены на страницах журнала “Современная Европа” в 2015 году [Егоров и др., 2015: 135–140].

Международный формат исследования также предполагал исследование таких тем, как туризм в сфере культуры и привлекательность культурной инфраструктуры городов для туризма, перспективы работы музеев, значимость музеев и других учреждений культуры для устойчивого городского развития при условии привлечения местного населения, музеи и молодёжь, связь пространственной идентификации индивидов и культуры как факторов повышения привлекательности городов, трансформации городского пространства.

Во время работы над проектом применялись разнообразные исследовательские методики, среди которых, кроме классических методов сбора социологической информации (формализованный и полужформализованный письменный и устный опрос, в том числе телефонный; качественные лейтмотивные интервью; невключенное наблюдение посредством обхода городских территорий, подлежащих эмпирическому изучению), следует также выделить метод кейсов, групповые дискуссии (фокус-группы), поиск и анализ вторичных данных о музейном менеджменте и музейной педагогике, архитектуре и истории городов, разработка концепций трансляции культурных смыслов для музейной педагогики, анализ и оценка проектов в сфере музейной педагогики, адаптация и применение теоретических положений социологии города, архитектуры и культурологии к конкретным эмпирическим ситуациям.

Хаген и Смоленск – это типичные (в прошлом ярко выраженные промышленные) города, отражающие культурно-историческое развитие Германии и России. В ходе исследования были выявлены формы туризма, свойственные как европейским, так и российским городам: а) *объектный туризм* (исторические здания, му-

зеи, выставки, галереи, памятники); б) *региональный туризм* (достопримечательности ландшафта, природные парки, ансамбли парковой и садовой архитектуры, архитектурные ансамбли деревень и малых городов, туристические маршруты, например маршруты, на которых располагаются объекты индустриальной культуры); в) *событийный туризм* (фестивали, различные крупные мероприятия, ярмарки и рынки, имеющие долгую и интересную историю); г) *гастрономический туризм* (рестораны, предлагающие блюда национальной и региональной кухни, презентация гастрономической продукции в контексте культурных традиций региона). Это позволило установить баланс предложения в сфере туризма, который будет заключаться в представлении туристской аудитории не только культурного наследия региона, но и ориентировать её на участие в интересных событиях, при этом не исключая аспекты развлечения и потребления [Heinze, 2016: 13–14].

Частью исследования был проект “Молодой музей” в музейном центре города Хаген. Его целью была апробация работы центра как места организации просветительской и образовательной деятельности, ориентированной на широкую публику. В качестве главной задачи такой деятельности рассматривалось снятие психологических барьеров (страхов), закрывающих горожанам доступ в мир искусства. Для достижения этой задачи в музее для детей и юношества были организованы интерактивные выставки и акции, в рамках которых знакомство детей и подростков с живописью и скульптурой, театром и музыкой, литературой, мимикой и жестикуляцией, человеком и животными было организовано как захватывающее приключение. Распознать свои творческие способности юные жители Хагена могли в обращении с различными материалами (краски, древесина, гипс, бумага, ткань) в процессе создания собственных произведений искусства. Проект позволил показать молодым посетителям музейного центра новые возможности личностного развития вне зависимости от их социально-культурного статуса и происхождения, а также доказал перспективность и необходимость проектов в области музейной педагогики, основанных на межкультурном взаимодействии [Belgin, 2016: 19].

Изучение работы музеев позволило установить, что для повышения посещаемости и в целом успешного функционирования современного музея недостаточно только наличия постоянных экспозиций, направленных на безучастное, пассивное ознакомление жителей и гостей городов с историей и искусством. Стремление привлечь новые целевые группы посетителей и устранить психологическую боязнь посещения музеев стало импульсом для организации в них музейных ночей, театральных представлений, международных дней музея и концертов. Как правило, такие события планируются и осуществляются на основе принципов музейной педагогики, но при этом учитывается опыт организации мероприятий в сфере событийной культуры, который оказывается полезным для ориентации людей на посещение музеев. Опросы участников подобных мероприятий показали, что они приходят на них не только потому, что им было любопытно присутствовать на необычной культурной акции, но и потому, что им интересно ознакомиться с новым музеем или выставкой и получить новую информацию.

Определяющим для посещения музея для многих является не только какое-то необычное мероприятие, но и его тематика. Подтверждается недостаточность развлекательной или приключенческой составляющей культурного события для сохранения привлекательности и посещаемости музеев на стабильно высоком уровне. Большое значение имеет повышение качества постоянных экспозиций музеев, их

привлекательности с учётом изменившихся интересов и модусов восприятия посетителей. Это возможно при условии превращения экспозиций в приключение и учёта интересов различных социальных групп населения [Heinze, Massimo, 2016: 32–33].

В процессе изучения взаимосвязи культуры и городского развития исследователями было установлено, что культура и её развитие являются интегральной составляющей ориентированного в будущее развития любого города.

Перечень учреждений культуры, имеющих значение для городского развития, выходит далеко за рамки организаций, пропагандирующих как высокую, так и зрелищную культуру. Города и местные сообщества должны держать в поле зрения всех потенциальных пользователей их культурной инфраструктуры, а также определить приоритеты в привлечении определённых групп и учитывать их в планах городского развития. Успех в привлечении новых посетителей музеев и других учреждений культуры во многом зависит от того, смогут ли люди увидеть в них связь с их собственной жизнью и повседневной реальностью. В проектировании городского развития важно принимать во внимание социальную значимость культуры. Участие граждан в планировании развития всех сфер городской жизни может быть эффективным только при заинтересованности муниципальных властей.

Концепция “социальный город” предполагает участие до сих пор не заинтересованных в культурном досуге групп населения в процессах городского развития и требует нового взгляда на существующую ситуацию, а также внимания к процессам перераспределения между центром и периферией и между элитарной и популярной культурой. Поддержка гражданских инициатив становится неэффективной при неясности целей, формальном характере работы с населением, его неучастии в принятии соответствующих управленческих решений. Граждане с активной жизненной позицией, идентифицирующие себя с культурным своеобразием своего города и испытывающие чувство гордости за него, являются ценным ресурсом при принятии мер стимулирования и привлечении инвестиций для учреждений и проектов в сфере культуры [Goebel, 2016: 59].

В контексте установления связи между пространственной идентификацией индивидов и культуры как факторов повышения значимости и привлекательности городов была разработана интересная типология пространственной идентификации в Хагене.

Основанием для выделения типов стал вид идентификации с городским пространством. В результате были выявлены пять типов: 1) *горожанин, не идентифицирующий себя с городом, в котором проживает* (как правило, это мужчины или женщины среднего возраста, со средним уровнем образования, имеющие детей до 19 лет, работающие либо безработные, сравнительно недолго проживающие в городе), – в культурном плане этот тип отличается относительно высокими запросами к культурной программе города и одновременно низкой степенью участия в культурной жизни; 2) *горожанин, идентифицирующий себя с районом проживания* (чаще мужчины или женщины среднего или пожилого возраста со средним или высшим образованием, проживающие отдельно от своих взрослых детей, работающие или пенсионеры, проживающие в Хагене всю жизнь или на протяжении не менее десяти лет) – данный тип практикует достаточно активную культурную жизнь, однако ограничивается культурным предложением в своем районе, отвергая при этом все формы элитарной культуры; 3) *патриот своего региона* (мужчины или женщины среднего или пожилого возраста с высшим образованием, проживающие отдельно от своих взрослых детей, в основном на пенсии, всю свою жизнь

проживающие в Хагене) – предпочитает потребление продуктов элитарной культуры, а также интересуется другими уровнями культуры, предъявляет высокие требования к культурной программе не только города, но и всего региона; 4) *мобильный* (мужчины или женщины молодого либо среднего возраста с высшим образованием, как правило, бездетные, учащиеся или работающие, с рождения проживающие в Хагене) – субъективные культурные предпочтения данного типа в области событийной и зрелищной культуры не могут быть удовлетворены в границах одного города, вследствие чего его представители ищут интересные им мероприятия в других городах и регионах, вместе с тем им не свойственна негативная оценка культурной программы родного города, поскольку они понимают, что их запросы в сфере культуры не имеют с ним ничего общего; 5) *пустивший корни* (мужчины или женщины среднего или пожилого возраста с низким уровнем образования, проживающие отдельно от своих взрослых детей, работающие или пенсионеры, с рождения проживающие в Хагене) – культурные практики данного типа ограничиваются народной культурой, для него характерна дистанцированность от элитарной культуры. Данная типология является достаточно гибкой и предполагает, что на протяжении жизни горожане могут принадлежать к различным типам [Böing, 2016: 70–74].

Были выявлены требования, которым должны соответствовать музеи, стремящиеся привлечь как можно больше посетителей из молодёжной среды. Наиболее важными из них представляются следующие. Во-первых, темы выставок должны подбираться с учётом возраста детей и подростков. Во-вторых, музейные работники должны ориентироваться на скорость передвижения и интересы молодых участников экскурсий и предоставлять им возможность самостоятельного ознакомления с экспозицией. В-третьих, молодёжная аудитория хотела бы иметь возможность взять с собой что-нибудь, что напоминало бы им об экскурсии, например, блокноты, открытки, буклеты и плакаты, посвящённые выставкам или произведения искусства, выполненные их собственными руками. В-четвёртых, экскурсии в музеи должны проводиться не в форме монолога, а в диалоговой форме, но это не должен быть диалог, состоящий из заранее заготовленных экскурсоводом вопросов, ограничивающих познавательную активность экскурсантов. В-пятых, музейный работник должен уметь реагировать на неожиданные “детские” вопросы посетителей. В-шестых, экскурсии ни в коем случае не должны носить поучающий характер. Музеи должны способствовать появлению у детей и подростков вопроса “что считать искусством?” и интереса к искусству в целом, поскольку, если человек не интересуется искусством в раннем возрасте, едва ли он станет интересоваться им во взрослой жизни [Lipps, 2016: 130–131].

В рамках проекта, было исследовано городское пространство Смоленска как продукт культуры и культурной ценности [Griber, 2016: 155–177; Dvoinev, 2016: 133–155]. В развитии Смоленска последние двадцать пять лет наблюдаются интересные структурные и социальные изменения, затрагивающие не только социально-экономическую и пространственную, но и культурную сферу.

В качестве главной тенденции таких трансформаций можно отметить интенсивный рост сектора услуг, выражающийся прежде всего в инфраструктурных преобразованиях городского пространства. На месте производственных и жилых возникают развлекательные, торговые и офисные площади. Происходит горизонтальная и вертикальная трансформация инфраструктуры. В первом случае предприятия сферы услуг вытесняют жильё из центра города, а позднее и из других районов. Во

втором – они начинают занимать подвалы жилых домов, их первые этажи. “Вертикализация” инфраструктуры обслуживания выражается также в растущем числе многоэтажных торгово-развлекательных центров. Такого рода коммерциализация городского пространства создаёт новые социальные общности и группы и приводит к новому распределению различных слоёв населения по территории города. В то время как в течение последних двух десятилетий жилая функция последовательно вытеснялась из центра города, в нём в результате практики точечной застройки появлялись элитные жилые дома. Таким образом, существующая застройка центральной части Смоленска приобрела смешанную и поляризованную структуру: старые деревянные дома – “хрущёвки” и “брежневки”, в которых проживают преимущественно горожане с низким уровнем доходов, соседствуют теперь с домами, предназначенными для лиц с более высокими доходами. Всё это привело к субурбанизации, сегрегации по уровню дохода и социальному статусу. Кроме того, проявилась тенденция приватизации городских публичных пространств. Положительной стороной данного процесса является благоустройство захваченных, а зачастую и прилегающих к ним территорий, что ведёт к повышению привлекательности района и даже городского центра в целом. Наряду с приватизацией публичных пространств в городе наблюдается процесс создания новых или модернизации существующих общественных мест. Яркими примерами данного процесса являются организация новых публичных пространств перед новыми объектами культурной инфраструктуры и реконструкция городской набережной. Выявленные и описанные в ходе реализации проекта процессы свидетельствуют о медленном, но устойчивом превращении Смоленска из постсоциалистического города в город западного образца.

Результаты работы исследовательского коллектива, осуществившего проект, могут стать основой для проектирования процессов городского развития в сфере культуры, ориентированного на конкретные целевые группы. Кроме того, результаты исследований полезны для привлечения средств в поддержку культурной программы городов-партнёров, а также для оптимизации деятельности в сфере культурного туризма и музейного менеджмента.

Список литературы

Егоров А.Г., Бертельс Л., Сухова Е.Е. (2015) Музеи в досуговых практиках городского населения Германии и России // *Современная Европа*. № 5. С. 135–140.

References

Egorov A.G., Bertels L., Sukhova E.E.. (2015) Musei v dosugovykh praktikakh gorodskogo naseleniya Germanii i Rossii // *Sovremennaya Evropa*. № 5. P. 135–140.

Belgin T. (2016) Zeitgenössische und moderne Kunst: Das besondere kulturtouristische Potenzial der Stadt Hagen // Heinze T., Bertels L. (Hrsg.) *Internationales Kulturmanagement. Zur kulturellen Infra- und Angebotsstruktur der Städte Hagen und Smolensk*. – Wiesbaden: Springer Fachmedien.

Böing J. (2016) Räumliche Identifikation und Kultur in Hagen als Gegenstände städtischer Inwertsetzung // Heinze T., Bertels L. (Hrsg.) *Internationales Kulturmanagement. Zur kulturellen Infra- und Angebotsstruktur der Städte Hagen und Smolensk*. – Wiesbaden: Springer Fachmedien.

Dvoinev V. (2016) Transformationen des städtischen Raums aus soziologischer Sicht // Heinze T., Bertels L. (Hrsg.) *Internationales Kulturmanagement. Zur kulturellen Infra- und Angebotsstruktur der Städte Hagen und Smolensk*. – Wiesbaden: Springer Fachmedien.

Goebel R. (2016) Zur Bedeutung von Museen und anderen Kultureinrichtungen für eine zukunftsweisende Stadtentwicklung unter besonderer Berücksichtigung der Einbeziehung der lokalen Bevölkerung // Heinze

T., Bertels L. (Hrsg.) *Internationales Kulturmanagement. Zur kulturellen Infra- und Angebotsstruktur der Städte Hagen und Smolensk.* – Wiesbaden: Springer Fachmedien.

Griber J. (2016) Architektur und Identität von Smolensk im gesellschaftlichen Wandel // Heinze T., Bertels L. (Hrsg.) *Internationales Kulturmanagement. Zur kulturellen Infra- und Angebotsstruktur der Städte Hagen und Smolensk.* – Wiesbaden: Springer Fachmedien.

Heinze Th. (2016) Konzeptuelle und strategische Überlegungen zum Kulturtourismus in Hagen und Smolensk // Heinze T., Bertels L. (Hrsg.) *Internationales Kulturmanagement. Zur kulturellen Infra- und Angebotsstruktur der Städte Hagen und Smolensk.* – Wiesbaden: Springer Fachmedien.

Heinze Th., Massimo D. (2016) Perspektiven professioneller Museumsarbeit – Historischer Abriss und Funktionsbestimmung des Museums // Heinze T., Bertels L. (Hrsg.) *Internationales Kulturmanagement. Zur kulturellen Infra- und Angebotsstruktur der Städte Hagen und Smolensk.* – Wiesbaden: Springer Fachmedien.

Lipps S. (2016) Jugendliche im Museum // Heinze T., Bertels L. (Hrsg.) *Internationales Kulturmanagement. Zur kulturellen Infra- und Angebotsstruktur der Städte Hagen und Smolensk.* – Wiesbaden: Springer Fachmedien.

Smolensk – Hagen: international cross-cultural study

Authors. Egorov A., Pro-rector, Chair of the Department of Sociology and Philosophy, Professor, Smolensk State University, Chairman of the Smolensk branch of the Association of European Studies. **Address:** 4, ul. Przhevalskogo, Smolensk 214000, Russia. **E-mail:** ag-egorov@yandex.ru

Dvoynev V., Associate Professor, Department of Sociology and Philosophy, Smolensk State University. **Address:** 4, ul. Przhevalskogo, Smolensk 214000, Russia. **E-mail:** vassilidvoinev@yandex.ru

Suchova E., Dean of the Faculty of Social Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Philosophy, Smolensk State University, Secretary of the Smolensk branch of the Association of European Studies. **Address:** 4, ul. Przhevalskogo, Smolensk 214000, Russia. **E-mail:** elena-suchova@mail.ru

Abstract. The paper presents the results of the international research project on problems of cultural management in Germany and Russia. The research was conducted by scientists from the FernUniversität in Hagen and the Smolensk State University. The research field of the project is wide enough. The variety of study objects is determined by cultural life in Germany and Russia. The project is devoted to various aspects of the cultural life of German and Russian cities: tourism, the attractiveness of cultural infrastructure, future of the museums, sustainable development of cities in the cultural sphere with the participation of urban communities, interactions between museums and young people, interrelations of the spatial identification of individuals and culture, transformations of urban space etc. The empirical part of the project includes classical procedures of data collection (surveys and qualitative interviews, non-participant observation) as well as case-studies, focus-groups, statistical analysis in the field of museum management und education, analysis of data on urban history and architecture, conceptualizations of the aspects of cultural senses translation in the work of museums, adaptation of the theoretical concepts of cultural studies, urban sociology and architecture to the particular empirical situations. During the study period forms of tourism (object oriented, regional, events oriented, and food oriented), types of spatial identification (with the home city, with home region, patriots of region, mobile citizens, and rooted citizens) their orientation towards cultural life were revealed, as well as social portraits of their representatives were constructed, museum projects were analyzed, trends of sociocultural transformations in urban space and their influence on the image and identity of cities were found out. It was concluded, that the culture and its development are prerequisites for the future development of any city. Recommendations for work with adolescents in museums were made.

Keywords. Sociological research, partner cities, Hagen, Smolensk, cultural practices, cultural organizations, museum management, education in museum, variety of research methods, typologies.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22017135141>

УДК 94(4)

Сергей КОНДРАТЬЕВ¹

ЮНИОНИЗМ В ШОТЛАНДИИ: ОТ ИДЕИ К ПЕРВОЙ ПОПЫТКЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается становление юнионистской идеи в Шотландии и первая попытка реализации юнионистского проекта. Показано, что идея унии, или объединения Шотландии и Англии, несмотря многовековое кровопролитное военное противостояние и длительную традицию англофобии, начинает своё становление в первой половине XVI в. В политическом и антикварном дискурсе шотландских авторов появляются концепты общей судьбы, возможности создать либо равноправный союз, либо островную империю, а также похожести и близости двух народов, которых правильнее именовать “британцами”. Идея унии ещё больше актуализируется после 1560 г., с началом шотландской Реформации, которая оглядывалась на Англию, получала оттуда финансовую и военную помощь. Однако лидеры Реформации отвергали английские притязания на верховенство в возможном союзе, из их риторики исчезает слово “империя”. Они выступают за равноправный союз в виде “протестантской британской монархии”. Со смертью Елизаветы Тюдор (1603) и унаследованием английской короны Яковом VI Стюартом рассуждения об унии получили возможность практической реализации. Проект унии стал значительным шагом на пути объединения Шотландии и Англии.

Ключевые слова: Шотландия, Англия, Великобритания, уния, юнионизм, империя, парламент.

Идея “Великой Британии” имеет длительную историю и в Шотландии, и в Англии. Своё практическое воплощение она получила впервые как парламентская уния в Шотландии и Англии в январе-феврале 1707 г. [Апрыщенко, 2016: 308–309] и прошла проверку на прочность в ходе драматического референдума 18 сентября 2014 г.

Англия ещё со времён Эдуарда I (1272–1307) и Эдуарда III (1327–1377) пыталась подчинить или присоединить Шотландию. Столетняя история многочисленных кровопролитных войн и постоянных вторжений с юга породили в Шотландии устойчивую англофобию. Однако в первой половине XVI в. и в ней появляются сторонники объединения. После работ Р. Мейсона принято считать, что первыми адептами юнионизма в Шотландии были Джон Мейр (John Mair), или Мейджор

© Кондратьев Сергей Витальевич – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и политических наук Тюменского государственного университета.

Адрес: 625003, Тюмень, ул. Семакова, 10. E-mail: skondratiev@utmn.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22017142154>

(Major), Джон Элдер (John Elder) и Джеймс Хенрисон (James Henrisoun) [Kidd, 2008: 44–47], которые в первой половине XVI в. писали, что, объединившись, оба государства, обретут единство, существовавшее якобы на острове во времена древних бриттов. Новое государственное образование должно получить наименование “Великобритания” (Great Britain), а его подданные называться британцами (Britons). Для всех трёх наиболее эффективным инструментом объединения выступал династический брак. При этом Дж. Мейр говорил о равноправном объединении, тогда как Дж. Элдер и Дж. Хенрисон выступали за союз под эгидой Англии, ссылаясь на обретенный ею ещё якобы в XII и XIII вв. сюзеренитет над Шотландией. Дж. Хенрисон, кроме того, активно использовал слово “империя”. Имперскую традицию тюдоровские историки возводили к IV в. н.э., к Константину Великому, который, перед тем как стать императором Римской империи, уже якобы был императором Британии [Кондратьев, 2016: 140–151]. В шотландской традиции упоминание об империи встречается единственный раз: в 1469 г., когда после присоединения Оркнейских и Шетленских островов, шотландский парламент провозгласил короля Якова III обладателем неограниченной власти и всеобъемлющего господства в своей империи (ful Jurisdictione and fre Impire within his realm) [Armitage, 2000: 35–36]. В середине XVI в. идея единой, окружённой морем, островной империи постепенно проникает в сознание шотландцев. В политическом дискурсе появляются слова об общей судьбе, а также близости и сходстве двух народов, которых правильнее именовать британцами [Armitage, 2000: 43].

Провозглашенная идея унии между Англией и Шотландией не смогла, однако, в первой половине XVI в. укорениться в сознании шотландцев. Настойчивое стремление англичан в 1540-х гг. добиться заключения брака сначала наследного принца Эдуарда, а позднее уже короля Эдуарда VI (1547–1553), и малолетней наследницы шотландской короны Марии Стюарт сопровождалось вторжениями английских войск [Armitage, 2000: 43–45]. Первоначально, как писал идеолог и проводник шотландской Реформации Джон Нокс (1510–1572), “королевство разделилось на два лагеря: одни выступали на стороне Франции, другие за союз с Англией” [Knox, 1846: 122]. Но военные действия англичан в Шотландии 1542–1550 гг., иногда называемые восьмилетней войной, или с лёгкой руки Вальтера Скотта “грубым сватовством”, казалось, должны были навсегда отвернуть шотландцев от мысли о союзе с Англией. Любое упоминание о бритах или британцах стало ассоциироваться у части каледонцев¹ с навязыванием английской гегемонии. В 1550 г. Роберт Уэддерберн (Robert Wedderburn) (1510–1557) акцентировал непреодолимые отличия шотландцев от их соседей: “Англичане хитры, а шотландцы снисходительны, разбогатеи, англичане становятся чванливы, а шотландцы остаются человечными, англичане раболепно подчиняются силе и насилию, а шотландцев насилие приводит в ярость, победа превращает англичан в зверей, а шотландцы всегда милосердны. И поскольку по природе своей и душевному складу шотландцы и англичане отличны так же, как овцы и волки, то не бывать такому, чтобы жили они в союзе под единым монархом или государем” [Wedderburn, 1801: 165].

Однако проникновение кальвинизма в Шотландию и увеличение числа протестантов вновь актуализировали идею унии, вместе с которой, надеялись кальвинисты, в Каледонии победит Реформация. Занятие в 1558 г. английского престола протестанткой Елизаветой Тюдор и последовавшее восстановление протестантизма

¹ Каледония – древнее название северной части острова Великобритания, к северу от вала Адриана, или вала Антонина, отождествляется с нынешней Шотландией.

в Англии вдохновляли шотландцев не только на проведение Реформации, но и возвращали к проекту союза. В 1558 г. Джон Нокс порицает англичан и шотландцев за то, что они не пользуются возможностями, предоставляемыми, по его словам, самим Господом. Когда Бог дает им шанс “навсегда соединиться вместе в благочестивом союзе, одни выказывают надменность и жестокость, а другие – непостоянство и переменчивость” [Кнох, 1895: 394]. Столь же суров был Энтони Гильби, ругая оба народа за то, что они позволили сатане и “папистским священникам” расстроить брак Эдуарда VI и Марии Стюарт и не объединились. В итоге “юная королева была передана французскому королю”, и “была предотвращена дружба между Англией и Шотландией, которая могла бы завязаться через те узы” [Кнох, 1895: 558, 560].

В июне 1559 г. Дж. Нокс от лица “Лордов Конгрегации”, поднявших восстание против регентши Марии де Гиз, добивавшихся реформирования религии, изгнания французов и надеявшихся на помощь Елизаветы Тюдор, писал государственному секретарю Англии У. Сесилу, что восстание не несёт никакой угрозы южному соседу. Но “благодаря Господу, двигающему мной, – продолжал Дж. Нокс, – Англия обретает выгоду, которой никогда прежде не знала”. Этой “выгодой” станет “вечный союз между двумя королевствами”, “соединение вместе сердец, которые долго отравлял сатана” [Кнох, 1864: 32–32]. Спустя месяц в письме к тому же У. Сесилу, реформатор замечает, что нет ничего более желательного на земле, чем установление вечного союза между двумя королевствами, и что Бог сделал их обоих “инструментами”, должными прекратить “противоестественную вражду, которая долго была между нами” [Кнох, 1848: 24]. Тогда же “Лорды конгрегации” в обращении к Елизавете Тюдор писали: “Заветная мечта умных людей – вечное объединение жителей двух наших королевств” [Кнох, 1864: 44].

Известно, что без английских денег и английского вмешательства Реформация в Шотландии не победила бы и её не покинули бы французские военные контингенты. Положение войск “Лордов Конгрегации” было незавидным. Весной 1560 г. английская армия вошла в Шотландию, что коренным образом изменило соотношение сил. Реформаторы и “Лорды Конгрегации” приветствовали англичан, как освободителей, и определенно надеялись на продвижение Реформации. Бервикский и Эдинбургский договоры 1560 г. сохраняли Шотландию независимой, но и оставляли, несмотря на то что шотландской королевой становилась католичка Мария Стюарт (1561–1576), протестантской страной. Шотландия из врага постепенно превращалась в союзника Англии [Петросян, 1984: 42–55].

В 1560-е гг. уния между Англией и Шотландией постепенно утверждается в публичном дискурсе шотландских реформаторов. Их вдохновляет протестантское соседство. Английский перевод Библии, изданный в 1560 г. в Женеве (Женевская Библия), получает в шотландской церкви признание и распространение. На её стихах и пространных комментариях строятся проповеди. Английский язык быстро становится языком шотландской Реформации. В печати английская орфография активно вытесняет шотландскую. К началу XVII в. на большей территории Шотландии и особенно наиболее развитом Лоуленде английский язык перестал быть иностранным. Обе части острова двигались навстречу друг другу [Kidd, 2008: 50–53].

Вместе с тем реформаторы выступали за независимость церкви от светской власти, что расходилось с английской моделью Реформации, поскольку в Англии монарх был главой церкви и имел право назначать в ней священников. Кроме того, шотландцам не нравились английские претензии на верховенство и сюзеренитет в возможном союзе. Историческая память постоянно напоминала о предпринимае-

мых Англией с XIII в. попытках подчинить Шотландию. Р. Мейсон полагает, что, вероятно, поэтому из словаря Нокса и других сторонников Реформации на десятилетия исчезает слово “империя” и вновь актуализируется идея Дж. Мейра о равноправном объединении двух стран. Творцы шотландской Реформации исключили слово “империя” и предпочитали говорить о грядущем создании “протестантской британской монархии” [Mason, 1994: 182–183].

Отсутствие наследников у Елизаветы Тюдор делало её родственника, шотландского короля Якова VI (1567-1625), главным претендентом на английский престол. Его мать Мария Стюарт пророчески заметила: “Мой сын <...>, я надеюсь, будет первым, кто объединит королевства Шотландию и Англию” [Willson, 1960: 43]. В 1590-х г. стало ясно, что у незамужней и неимеющей детей Елизаветы наследник уже не появится. Яков VI начал задумываться о грядущем объединительном проекте. В 1599 г. Яков писал наследному принцу Генри, что тот будет править “большим королевством, чем наше”, а Англии и Шотландии суждено превратиться в единое государство. “Это легко может случиться с нашими двумя нациями, поскольку обе они расположены на одном острове Британия и уже связаны единой религией и языком. И так же, как длительные войны и многочисленные кровавые битвы во времена правления наших предков, порождали естественную и наследственную ненависть одних к другим, так объединение и связывание их в одно породит полную дружбу, общение и союз, а также создаст и укрепит неразлучную любовь среди них. И мы уже (вознесём хвалу Богу), благодаря длительной и счастливой дружбе между королевой, моей сестрой, и мной, имеем великий опыт начала этого и видим затухание старой ненависти в сердцах обоих народов” [King James, 1994: 59]. Однако, как замечает Кит Браун, когда в марте 1603 г. умерла Елизавета Тюдор, оставившая завещание в пользу Якова, выяснилось, что должно произойти объединение корон, но нет никакого плана по объединению государств [Brown, 2008: 18].

Получив в марте 1603 г. от государственного секретаря Англии Роберта Сесила известие о смерти королевы, Яков в ответном послании сразу заявил о необходимости унии Англии и Шотландии [Travers, 2003: 18]. В мае 1603 г. король издал прокламацию, где писал, что сердца подданных по обе стороны границы преисполнены страстного желания видеть “осуществление благословенной унии” [Stuart Proclamations, vol. I, 1973: 19]. Яков VI, ставший в Англии Яковом I (1603–1625), обратился к имперской традиции и стал активно вводить в оборот слово “Великобритания”. Он видел себя государем новой империи и создателем новой нации. На специально выпущенной по случаю наследования медали Яков назван “императором Британии” [Croft, 2003: 54]. На изготовленном к июльской коронации медальоне он именуется “Цезарем Августом Британии, наследником Цезарей” [Selection of Medals Related to Royal Events].

В апреле, июне 1603 г. и ноябре 1604 г. Тайным Советом Шотландии и королевскими прокламациями объявлялось об освобождении английских купцов от взимания пошлин в Шотландии и предоставлении англичанам права свободно перевозить товары между шотландскими портами [Lythe, 1958: 219–28]. А граница между двумя государствами теперь должны были именоваться “срединными графствами” (Groundwater, 2006/2007: 106].

Об унии в первые два года правления Якова в качестве короля Англии было написано девять шотландских произведений и 17 английских. Часть из них была опубликована, другие ходили в списках [Galloway, 1986: 29]. Шотландские публицисты с разной степенью воодушевления высказывались за унию, видя в ней, как

молодой математик и астролог Джеймс Максвелл, руку Бога [Jacobean Union, 1985: 243–244]. Известный священник и юрист Роберт Понт (Robert Pont) полагал, что в единой Британии укрепится протестантская религия, а государство станет более сильным перед лицом внешних угроз. Противников объединения он называет либо папистами, либо ирландцами. По его словам, уния покончит с беззаконием, которое чинят лорды в отношении держателей, создаст двор, где знать и советники от обеих наций станут служить Господу и королю, и быстро исправит те несущественные различия, которые существуют в законах двух стран [Pont, 1985: 10–20, 24–32].

В анонимном шотландском трактате, посвящённом унии, автор полагает, что совершенным является такой союз, где государство имеет общее наименование, законы, язык, религию и институты. Поскольку Англия и Шотландия во многом различны, то их объединение, дабы не возникало недовольства, не может быть “абсолютным” (the union might not to be perfected). Страны должны оставаться равноправными в едином союзе, иметь общую правящую династию, общее имя, но сохранить свои законы и вольности [A treatise, 1985: 47–55, 62].

Эдинбургский юрист Джон Рассел в адресованном королю трактате, выступая за унию, призывает короля к тому, чтобы тот не приносил в жертву объединению законы, права и привилегии Шотландии. Союз Англии и Шотландии, настаивает он, должен быть равноправным, и в таком виде Британию вскоре ждёт новый “золотой век” [Russell, 1985: 78, 96–97].

Томас Крэйг Риккартон, самый, вероятно, авторитетный для Шотландии того времени юрист, в пространной рукописи приветствует унию, поскольку до занятия Яковом английского престола, Британия напоминала ему двухголового монстра, у которого одна голова постоянно конфликтует с другой. Теперь две страны объединились, могут носить общее имя и даже стать империей. Юрист подчеркивает, что уния должна осуществиться посредством выработки общего договора, поскольку добровольно объединяются две равноправные нации. Они сохраняют свои модели протестантской религии и должны получить право свободно оправлять культ в любом месте Британии. Английский язык, по мнению Т. Крэйга, уже используется на большей части Шотландии, повсеместно употребляется при богослужении и не требует искусственного навязывания. Автор убежден, что в течение столетия английский окончательно заменит гэльский и другие говоры Каледонии. По его мнению, следует ввести единую единицу мер и весов и универсальное денежное обращение. Различия между английским общим и шотландским гражданским правом, о котором часто говорили английские юристы, Т. Крейг находит “кажущимися” и полагает, что обе системы можно будет со временем “гармонизировать” и для блага обеих народов привести к единству. Вместе с тем юрист выступает за сохранение традиционных институтов и системы управления Шотландией, которая должна остаться неизменной [Craig, 1909: 234–235, 262, 280, 282–283, 287–9, 328, 333–341, 390–409].

Джон Гордон, шотландский клирик, проведший более 30 лет во Франции, оставил трактат и проповедь, в которых говорил, что Англия и Шотландия, объединяясь, представляют избранную нацию, наделённую провидением миссией восстановить чистоту и единство всего христианского мира. Инструментом для осуществления этой миссии Бог избрал короля Якова VI/I. Дж. Гордон избегает употреблять слова “англичане” и “шотландцы”, предпочитая называть подданных короля “британцами”. По его мнению, Яков не просто объединяет народы, а восстанавливает то единство нации и острова, которое было во времена древних бриттов и во времена императора Константина Великого. Его меньше интересует институциональная

сторона объединения. Он предпочитает говорить о единстве “душ, сердец и умов” [Gordon, 1604: 7, 21–22, 30, 48; Jacobean Union, 1985: 242].

Дэвид Юм, пресвитерианский священник, автор двух трактатов, активно ратовал за равноправный союз двух стран, за принятие имени “Британия” для вновь образуемого государства и за создание единого народа. По его мнению, на острове по образцу шотландской Кирки должна быть учреждена единая церковь. Кроме того, настаивал он, следует ввести единые органы управления и учредить общий парламент, но сохранить две правовые системы. Для большего единения следует отправлять детей знати для обучения в университеты каждой из объединяющихся стран [Humium, primus 2002: 114–121, 124–131; Humium, secundus 2002: 154–155, 158–159, 176–195, 200–205, 224–249].

Но в обеих странах сторонники унии были в меньшинстве. И в Англии, и в Шотландии боялись объединения. Для англичан характерно было наличие традиционных предубеждений в отношении шотландцев, которые считались бедными, ленивыми и отсталыми. При дворе и правительстве опасались, что прибывшие с новым королём шотландцы потеснят англичан, займут их должности, будут осыпаны милостями и вознаграждены пенсиями. В Шотландии понимали, что король покидает Эдинбург практически навсегда и страшились того, что ими будут управлять из Лондона, а его наследники уже просто станут англичанами [Croft, 2003: 54–58]. Между прибывшими с королем шотландцами и лондонцами то там, то тут возникали потасовки, беспокойно было на границе двух стран [Calendar of State Papers, 1904: 4, 70–71].

Но подлинным препятствием на пути объединения стали депутаты английской палаты общин. В марте открылась первая сессия первого парламента Якова I. Королю хотелось, чтобы депутаты побыстрее организовали комиссию по объединению, которая занялась бы разработкой соответствующей программы, и приняли бы для Англии и Шотландии новое название “Великобритания”. Выступая 19 марта 1604 г. в английском парламенте, король говорил своим новым подданным, что вместе с ним Бог посылает мир двум нациям. Себя при этом он сравнивает со своим предком Генрихом VII, который покончил с войной Роз и воссоединил враждующие дома Ланкастеров и Йорков. Но его миссия и пришедшее с ним “великое благо” несопоставимо выше, поскольку он воссоединяет “два древних и знаменитых королевства”. Объединив остров, они приобретают “великие преимущества” – становятся вдвое сильнее, вдвое богаче, а их государь делается в два раза более способным к отражению внешних угроз и удержанию внутреннего мира. Уния Англии и Шотландии, по словам короля, предопределена Богом, который провидчески расположил две нации на острове и окружил их морем, не разделив “ни великой рекой, ни великими горами, ни другими природными препятствиями”, но, напротив, наделил одним языком, одной религией и схожими нравами. Теперь, соединившись, они представляют “малый мир”, отделённый и защищённый естественными рубежами и “рвом” от остального большого мира, что позволяет “порвать” с их “былыми страхами”. “Что соединено Господом, то пусть не будет разделено человеком, – пафосно и метафорично восклицал Яков I. – Я есть муж, а весь остров – моя законная жена. Я – глава, а он – моё тело. Я – пастух, а он – моя паства. Посему я уповаю, что не сыщется тот столь неразумный, кто помыслит, что я, христианский король, с Евангелием, могу жить в полигамии, быть мужем двух жён; что, будучи главой, я расчленю и изуродую тело; или что, будучи пастухом столь праведной паствы (которая спрятана не за забором, а за четырьмя морями), я буду делить её на две части”. Яков выражал уверенность, что “любой честный подданный”,

независимо от ранга, не меньше, чем сам монарх, рад “счастливому объединению” [King James, 1994: 134–137].

Однако, призыв короля не произвёл впечатления на депутатов. Только в апреле 1604 г., по настоянию короля, обе палаты английского парламента приступили к созданию комиссии по объединению. Предполагалось, что будет разработан план объединения, который затем поступит на рассмотрение короля и парламентов обоих государств. Аналогичная комиссия создавалась в шотландском парламенте [Report, 1799: 58–59].

Но 27 апреля вместо плана комиссия представила королю комплекс возражений. Депутаты не усматривали “надобности” ни в унии, ни в принятии общего для двух государств имени “Великобритания”. Необходимость в общем имени возникает, ссылались они на исторические прецеденты, только по факту завоевания одной страны другой. По их мнению, принятие общего имени неизбежно потребует принять “новые” законы, изменить “устройство парламента”, создать новые структуры управления, “изменить вольности, обычаи и привилегии подданных”, осложнит торговлю с иностранными государствами, поскольку аннулирует все заключенные с ними Англией торговые договоры. Новое имя не поднимет престиж Англии в Европе, а, скорее, подорвёт его. Кроме того, если в результате брака возникает семья, то в ней мужчина должен стоять над женщиной, а в союзе Англии и Шотландии верховенство должно принадлежать Англии. Позицию депутатов поддержали судьи общего права [Report, 1799: 61–62, 63–64].

В октябре 1604 г. Якову пришлось вводить новый титул и новое название королевской прокламацией. В ней говорилось, что утраченное в далёком прошлом британское единство теперь благодаря Господу восстановлено. Цель божественного замысла – объединить в мире под “имперской короной” две в прошлом проливающие кровь друг друга страны – реализуется. Посему, провозглашалось в прокламации, Яков отказывается от упоминания Англии и Шотландии и будет впредь именоваться “королём Великобритании” [Stuart Proclamations, vol. I, 1973: 94–95]. На отчеканенных в этом же году монетах Яков I провозглашается “королём Великобритании, Франции и Ирландии” [Ruding, 1817: 194, Register, 1885: 16–17]. Прокламация имела важное символическое значение. Она ещё раз напоминала подданным по обе стороны границы, что произошла уния корон, и что король надеется всё-таки создать единое государство.

Члены шотландской комиссии по объединению королевств прибыли в Лондон в октябре 1604 г. 6 декабря 1604 г., после долгих дебатов и согласований, был принят документ (Instrument of Union), согласно которому на ближайших сессиях парламенты двух стран должны были отменить все “враждебные” в отношении друг друга законы; законы двух стран, специально принятые для англо-шотландского пограничья и “упразднить само слово граница”. Также предполагалось разработать такие “предложения и били”, которые бы исключали нарушение мира на границе; предлагалось отменить ограничения на перемещения товаров двух стран, ввести единые правила для импорта и минимизировать преимущества, которые Франция установила для шотландских купцов. Предполагалось, что представители двух стран выедут во Францию и определят имеющих привилегии английских и шотландских купцов, которые затем будут уравнены с остальными торговцами посредством наложения на них дополнительных таможенных выплат. Также предполагалось разработать к следующей сессии парламентов двух стран единые правила выдачи лицензий на экспортные товары и ввести единые пошлины, которые купцы двух стран могли бы платить в любом месте ввоза или вывоза товаров, разрешить

купцам двух стран становиться участниками торговых компаний, ввести единые наказания за нарушения разработанных единых торговых правил, а также определить в будущем с целью уравнивания размеры торгового и рыболовного флота двух стран [Spottiswoode, 1851: 148–153].

Специальная статья касалась проблемы общего подданства. Она гласила, что все подданные, рожденные после вступления Якова I на английский престол (*postnati*), уже имеют одинаковые права, т.е. могут “обладать, наследовать, владеть имуществом, землями, достоинствами, должностями, вольностями, привилегиями и поступлениями”, и парламенты должны просто это положение формализовать. Что касается рождённых раньше (*antenati*), то, указывалось, эта проблема найдёт своё решение позднее. Преступников предполагалось преследовать на территориях обеих стран, чтобы затем передавать их в руки одной из национальных юрисдикций. Создавать какие-то универсальные нормы посчитали нецелесообразным, хотя, оговаривалось, что в специальных случаях парламенты могут это делать [Spottiswoode, 1851: 153–156].

По замыслу советников короля оба парламента должны были просто утвердить статьи “Инструмента”, но вскоре возникли препятствия. 9 ноября 1605 г., открывая сессию английского парламента, король говорил витиевато и осторожно. Он напомнил, что “Инструмент” согласован двусторонней комиссией, которая далеко не во всем пришла к согласию. Принятие его парламентом не должно “навредить и вызвать недовольство одной из наций” [King James, 1994: 154–155]. Однако планы Якова и его советников расстроила попытка католиков взорвать парламент. Раскрытие Порохового заговора вытеснило вопрос об унии из повестки 2-й сессии (ноябрь 1605 – март 1606) первого парламента Якова I. Шотландский парламент тоже не спешил с обсуждением “Инструмента” [Galloway, 1986: 80].

В отсутствии реального движения в сторону создания союзного государства корона активно продолжала заниматься его символическим сопровождением. В марте 1606 г. было предписано ввести в Шотландии единую для обеих стран монету и поменять все официальные печати, поскольку теперь на них должен был быть отчеканен новый королевский титул. Наконец, у несуществующего пока союзного государства появился союзный флаг: им стал знаменитый Юнион Джек, созданный посредством наложения шотландского флага Святого Андрея на английский флаг Святого Георгия. Сам акт наложения флагов демонстративно подчёркивал равенство двух стран. Прокламация от 12 апреля 1606 г. предписывала поднимать его на королевских и торговых судах. Прокламация не упоминала ни об Англии, ни о Шотландии. Вместо этого в ней говорилось о “севере и юге Британии” [Stuart Proclamations, vol. I, 1973: 135–136].

В ноябре-декабре 1606 г. и феврале-апреле, мае-июне 1607 гг. в палате общин английского парламента прошли бурные дебаты об унии, в ходе которых депутаты высказались против большинства статей “Инструмента” и особенно против натурализации шотландцев. Даже не подлежащий сомнению с точки зрения юристов общего права принцип *postnati* вызвал у них возражение. Депутаты вновь и вновь заявляли, что союзный договор полностью изменит систему управления Англией, лишит традиционных институтов, права и вольностей. Кроме того, они были напуганы возможностью массовых миграций “бедных” и “голодных” шотландцев на юг. По мнению депутатов, Яков обладает одним естественным телом, но двумя политическими телами и двумя подданствами. Шотландцы не могут быть подданными короля Англии, поскольку они подданные другого короля, хотя этим королем является один и тот же Яков. “Не существует короля Англии и Шотландии, но есть по

отдельности король Англии и король Шотландии (Not Rex Angliae et Scotiae; but, Rex Angliae, et Rex Scotiae)". Кроме того, их речи были преисполнены желчи и изобиловали откровенными оскорблениями в адрес Шотландии и шотландцев. Правда, судьи общего права тут же дезавуировали некоторые утверждения комментаторов, заявив, что подданство является личной связью государя и человека, поэтому король может иметь подданных в разных странах [Galloway, 1986: 105–113].

Дебаты в английском парламенте и фактический отказ депутатов рассматривать проект унии вызвали ответную реакцию в Шотландии. 3 марта 1607 г. Тайный Совет Шотландии писал королю, что его члены "удручены порочащими речами" английских депутатов и просят короля защитить их от "гнусных пасквилей", которые пышут ненавистью. Эти речи, которые они слышали и раньше, есть не что иное, как проверка их готовности "повиноваться" корою. Но, напоминают они, шотландцы не были завоеваны и никогда не были "в подчинении" у англичан. Только бдительность Совета воспрепятствовала всплескам народного возмущения. Шотландцы были готовы к объединению и даже "полной унии" (perfect Union), но теперь советники просят Якова "воздержаться от заключения этого союза" [Register, 1885: 512–513].

31 марта 1607 г. Яков выступил перед обеими палатами английского парламента с желчной речью. Он заявил, что депутаты тратят впустую время, занимаясь красноречием, вместо того чтобы "озаботиться безопасностью и устройством империи в целом" [King James, 1994: 159–160]. Он ещё раз заявил о том, что желает "полной унии" законов и людей, такого подданства, которое создаст единое тело из двух королевств под ним, их королём. Это должен быть союз, подобный союзу пиктов и скотов в Шотландии и Гептархии в Англии, напоминающий завоевание, но "завоевание, скреплённое любовью, союзом подданства или дружбы, это должен быть союз, где есть один король, одно общество и единый закон. Невозможно, повторяет он себя, чтобы у двух стран был один король, как один муж – у двух жён [161–162]. "Полная уния", поясняет он, не означает "соединение всего", т.е. унификацию. "Особые привилегии" и "особые обычаи" в Шотландии и графствах Англии будут сохранены. Но "полная уния", требует реформирования законодательства, т.е. английского общего права. Общее право, основанное на прецедентах и "судебных тяжбах", отличается "разнородностью" и является "неопределённым". Слишком многое в нём остаётся на "милость судей" и, значит, случая. "Я не желаю, – подчёркивает Яков I, – упразднить законы, но хочу только освободить и очистить их от ржавчины, и чтобы парламент сделал наши законы ясными и понятными всем подданным" [King James, 1994: 162–163].

Следуя за депутатами, он ассоциирует унию с супружеством, где Англии отводится роль мужа, а Шотландии – жены, которую англичанам требуется "привязать нежностью и любовью". Но вместо этого "всю шотландскую нацию" депутаты ранят желчными речами [King James, 1994: 163–164].

По словам короля, у депутатов нет оснований упрекать его в том, что в своей деятельности он оказывает шотландцам больше милостей, чем англичанам. "Обеим [нациям] я должен воздавать справедливость и защиту, которые с божьей милостью я воздаю в равных долях" [King James, 1994: 165].

Союз, по его словам, должен включать в себя три важных компонента: 1. Упразднение всех ущемляющих друг друга законов, появившихся тогда, когда оба королевства враждовали, поскольку сегодня "король Англии не может воевать с королем Шотландии". 2. Королевствам необходимо создать общие правила в торговле. Англичане и шотландцы должны перестать считать иностранцами друг друга, они должны обладать на острове большей свободой, чем французы и испанцы. "Я –

суверен вас обоих, Вы – подданные одного короля, из этого неизбежно следует, что вы должны взаимодействовать и иметь общую торговлю”. 3. Необходимо натурализовать шотландцев [King James, 1994: 167].

На проблеме натурализации Яков I остановился более подробно. Он сразу заявил: “Все вы согласны, что они не чужеземцы, но тем не менее вы не позволяете им быть натурализованными. Хотя, все ваши собственные юристы и судьи во время моего обретения вашей короны информировали меня, что следует различать рождённых “до” (antenati) и рождённых “после” (postnati) в каждом королевстве, что побудило меня издать прокламацию, что postnati являются натурализованными (Ipso facto) по факту моего наследования вашей короны”. Он соглашался с тем, что есть различия между рождёнными “до” и рождёнными “после” (antenati и postnati), но рождённые под настоящим правлением уже имеют, по его словам, “общее подданство”. И если наличие рождённых “до” (antenati) препятствует установлению “полной унии”, то это препятствие не должно быть слишком долгим. Король советовал депутатам руководствоваться при решении о союзе не страхами отдельных людей, но “заботой о благосостоянии и благополучии наций” [King James, 1994: 167–168].

Король не исключает того, что от объединения могут пострадать и “некоторые города и корпорации”, но это не должно становиться препятствием, “если империя обретёт и станет сильнее” [King James, 1994: 168].

Целый ряд неудобств от союза находят в Шотландии. Там говорят, что союз навредит Шотландии, что обе нации несовместимы, а приобретения от союза либо незначительны, либо их нет вовсе. Но, продолжает он, свое отношение к союзу “шотландская нация” высказала, приняв “Инструмент”, одновременно сказав, что “Шотландия остаётся абсолютной и свободной монархией”, и что должны продолжать действовать “древние фундаментальные законы” Шотландии. Яков подчёркивает, что и “жадные”, по словам депутатов, шотландцы “не спешат” в союз и хотят “точности в кондициях” [King James, 1994: 171–172]. Да, Шотландия никогда не высказывала желания к объединению. Но шотландцы всегда выражали готовность повиноваться ему, они всегда думали о его величии, всегда уважали его “разумные и справедливые желания” [King James, 1994: 173].

11 апреля 1607 г. парламент Шотландии, несмотря на речи английских депутатов, принял “Акт об унии Шотландии и Англии” (Act Anent the Union of Scotland and England). Акт опирался на положения “Инструмента”. Все англичане, рождённые после вступления Якова на английский престол (postnati), натурализовывались в Шотландии, для рождённых “до” (antenati) требовалось наличие какой-либо должности. Натурализация могла быть предоставлена парламентом, либо королевской прокламацией. Утверждались все предложения, относительно торговли и пошлин. Упразднялось прежнее пограничное законодательство. Предполагалось, что приграничье (“срединные графства”) будет управляться на основе отдельного статута и общего права. Преступления, совершённые шотландцами в Англии, должны будут разбираться в Шотландии. Англичане не могут преследоваться в Шотландии за исключением случаев измены и убийства. Лица, оправданные в Англии, не могут подвергаться преследованию в Шотландии по тем же правонарушениям. Шотландцы не могут быть высланы для суда в Англию. Однако в тексте специально оговаривалось, что Акт считается “приостановленным”. Он “обретёт силу” только после того, как аналогичный закон примет парламент Англии [Acts, IV: 366–71.]

В начале августа 1607 г. Тайный Совет Шотландии отправил королю письмо, в котором отмечал, что “до их ушей” доходят слухи, что английская палата общин не правильно интерпретирует принятый шотландским парламентом Акт об унии. Пер-

вое, что они хотели бы пояснить англичанам, что и после принятия Акта Шотландия остаётся независимой страной (*this cuntrey sould remane still a tree monarchie*) с неизменными фундаментальными законами. Совет выражает признательность королю, что тот заверил их в неизменности обычаев и привилегий Шотландии. Это означает, пишут советники, что его “древнее и родное королевство”, объединившись с Англией в союзную “монархию и империю”, не превратится в “завоеванную и рабскую провинцию” подобную провинциям Испании, которые управляются вице-королями или наместниками. Поэтому Тайный совет просит короля проводить половину времени в Шотландии и управлять ею непосредственно. Они ещё раз повторяют, что Шотландия уже отменила все “враждебные законы” и изменило законодательство, как хотел король, но они хотели бы быть с англичанами в равном положении [Register, 1885: 534–538].

Заключительным этапом этой истории следует считать знаменитое дело Кэльвина, или дело о *postnati*, которое разбиралось в Суде Казначейства (Court of Exchequer) с осени 1607 по лето 1608 г. Суть его состояла в том, что родившемуся в Шотландии Роберту Кальвину по наследству отходило два манора в Англии. Но его земли оказались в других руках. Когда имения попытались вернуть через суд, ответчики заявили, что судопроизводство не может быть даже открыто, поскольку Кэльвин “иноземец”, а иноземцы не имеют право владеть землями в Англии. Суд встал на сторону шотландца, заявив, что подданство определяется не местом рождения, а отношениями между государем и подданным. Решение суда создало прецедент, позволяющей в обход парламента натурализовывать шотландцев в Англии, рожденных после 1603 г. [Price, 1997: 80–96, 98, 103, 113–117].

После 1608 г. король перестал активно продвигать проект унии. Он сосредоточился на формировании англо-шотландской знати, активно подталкивая аристократию к заключению смешанных браков. Хотя король был автором многочисленных политических, богословских и демонологических текстов, в политике он был прагматиком, всегда тонко чувствующим черту во взаимоотношении с обществом, которую не следует переходить. Формирование британской элиты теперь, очевидно, представлялось ему первым шагом на длительном пути формирования общей государственности и общей британской идентичности [Кашина, 2015: 36].

Итак, в начале XVII в. проект унии Англии и Шотландии не был воплощён. Уния корон тогда не превратилась в унию государств. Король сумел добиться успеха на поле символов и продвинуться в деле натурализации шотландцев и англичан в двух странах. Реализация проекта “Великобритания” откладывалась, как покажет история, ещё на век, а имперского проекта как минимум на полтора. Но, несмотря на противодействие унии, идея создания союза после объединения корон имела значительное число сторонников по обе стороны границы. Причём сопротивление в Шотландии оказалось заметно меньшим, чем очевидно скоординированное и организованное противодействие в английском парламенте. Очевидно также, что история с унией показывает, что в политике и государственностроительстве нет ничего невозможного, а идеи на первый взгляд периферийные и неприемлемые, могут проникать, укореняться в сознании, становиться центральными, остроактуальными, и почва для их реализации после долго рыхления может оказаться вполне подготовленной. Семантика идей через поколения превращается в семиотику политики и действия.

Список литературы

Апрыщенко В.Ю. (2016) Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб: Алетейя.

Кашина А.А. (2015) Брачная политика Якова I как инструмент объединения Англии и Шотландии // *Европа. Международный альманах*. Т. XIV, № 1–2, с. 35–46.

Кондратьев С.В. (2016) Юнионизм в Шотландии в первой половине XVI века и его основания в сочинениях антикваров // *Новый исторический вестник*, № 3 (49), с. 140–157.

Петросян А.А. (1984) Эдинбургский договор 1560 г. // *Англия в эпоху абсолютизма (статьи и источники)* / Под ред. Ю.М. Сапрыкина. М: Издательство МГУ, с. 31–68.

References

A treatise about the Union of England and Scotland // *Jacobean Union. Six Tracts of 1604* (1985) /Ed. by B.R. Galloway and B.P. Levack. Edinburgh: Scottish Historical Society. P. 39–74.

Acts of Parliaments of Scotland /Ed. by T. Thomson and C. Innes Vol. IV (1816). Edinburgh.

Apryshchenko V.Yu. (2016) *Shotlandiya v Novoe vremya: V poiskakh identichnostey* [Scotland in Modern Times: Searching for Identities]. St. Petersburg.

Armitage D. (2000) *Ideological Origins of British Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.

Brown K.M. (2008) *Monarchy and Government in Britain, 1603–1637* // *Seventeenth Century* /Ed. by J. Wormald. Oxford: Oxford University Press. P. 13–48.

Calendar of State Papers and Manuscripts, Relating to Englan, Existing in the Archives and Collections of Venice and in Other Libraries of Northern Italy (1904) /Ed. by X. Horatio, F. Brown. London: His Majesty's Stationery Office.

Craig T. (1909) *De Unione Regnorum Britanniae Tractatus* / Edited with a translation by C.S. Terry. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Croft P. (2003) *King James*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Galloway B. (1986) *Union of England and Scotland 1603–1608*. Edinburgh: John Donald Publishers LTD.

Gilby A. (1895) An Admonition to England and Scotland to Call them to Repentance // *Knox J. Works*. Vol. IV /Col. and ed. by D. Laing. Edinburgh: James Thin. P. 541–571.

Gordon J. (1604) *EnΩtikon or a Sermon of the Union of Great Brittainie, in antiquitie of language, name, religion, and Kingdome* (London: Georgii Bishop.

Groundwater A. (2006/2007) Chasm between James VI and I's vision of the orderly “Middle Shires” and the “wicket” Scottish Borderers between 1587 and 1625 // *Renaissance and Reformation / Renaissance et Réforme*. Vol. 30, No. 4. P. 105–132.

Humium D. (2002) *De Unione Insulae Britannicae. Tractatus Primus* // *British Union. A Critical Edition and Translation of Davide Hume of Godscroft's De Unione Insulae Britannicae* /Ed. and translated by P.J. McGinnis and A.H. Williamson. St. Andrews: Ashgate. P. 55–133.

Humium D. (2002) *De Unione Insulae Britannicae: Vincula Unions, sive Scita Britannica. Tractatus Secundus* // *British Union. A Critical Edition and Translation of Davide Hume of Godscroft's De Unione Insulae Britannicae* /Ed. and translated by P.J. McGinnis and A.H. Williamson. St. Andrews: Ashgate. P. 135–317.

Jacobean Union. Six Tracts of 1604 (1985) /Ed. by B.R. Galloway and B.P. Levack. Edinburgh: Scottish Historical Society.

Kashina A.A. (2015) *Brachnaj politika Yakova I kak instrument obiedinenia Anglii i Shotlandii* // *Europe. Mejdunarodnij almanac*. Т. XIV, № 1–2, с. 35–46.

King James VI and I *Political Writings* (1994) /Ed. by J.P. Sommerville. Cambridge: Cambridge University Press.

Kidd C. (2008) *Union and Unionism: Political Thought in Scotland, 1500–2000*. Cambridge: Cambridge University Press.

Knox J. (1846) *History of the Reformation of Religion in Scotland* // *Knox J. Works*. Vol. I /Col. and ed. by D. Laing. Edinburgh: Wodrow Society.

Knox J. (1848) *History of the Reformation of Religion in Scotland* // *Knox J. Works*. Vol. II /Col. and ed. by D. Laing. Edinburgh: Wodrow Society.

Konx J. (1895) *First blast of the Trumpet against the Monstrous Regiment of Women, 1558* // *Knox J. Works*. Vol. IV /Col. and ed. by D. Laing. Edinburgh: James Thin. P. 349–422.

Knox J. to Sir William Cecil, June 28, 1559 (1864) // *Knox J. Works*. Vol. VI /Col. and ed. by D. Laing. Edinburgh: Thomas George Stevenson. P. 31–32.

Kondratiev S.V. (2016). *Unionism in Shotlandii v pervoj polovine XVI veka i ego osnovania v sochineniah antiquarov* // *Novij Istoricheskij vestnik*, № 3 (49), с. 140–157.

- Lythe S.G.E. (1958) Union of Crown and Debate on Economic Integration // *Scottish Journal of Political Economy*. Vol. 3, Issue 3. P. 219–228.
- Mason R.A. (1994) *Scottish Reformation and Origins of Anglo-British Imperialism // Scots and Britons: Scottish political thought and the union of 1603* / Ed. by R. A. Mason. Cambridge: Cambridge University Press. P. 161–186.
- Petrosan A.A. (1984) *Edinburgskij dogovor 1560 g. // Anglia v epohu absolutism (statii i istochniki)* / Pod. red. U.M. Saprikina. Moscow: Isdatelstvo MGU. S. 31–68.
- Pont R. (1985) *Of the Union of Britain // Jacobean Union. Six Tracts of 1604* / Ed. by B.R. Galloway and B.P. Levack. Edinburgh: Scottish Historical Society. P. 1–38.
- Price P. J. (1997) “Natural Law and Birthright Citizenship in Calvin's Case” (1608) // *Yale Journal of Law & the Humanities*, Vol. 9, Iss. 1. P. 73–145.
- Register of Privy Council of Scotland. Vol. VII. A.d. 1604–1607 (1885) / Ed. By D. Masson. Edinburgh: H.M. General Register House.
- Report of Events and Circumstances which Produced Union of England and Scotland. Vol. I (1799) / Ed. by J. Bruce. London.
- Ruding R. (1817) *Annals of the Coinage of Great Britain and Its Dependencies : From the Early Period of Authentic History to the Reign of Victoria*. Vol. II. London: Nichols, Son, and Bentley.
- Russell J. (1985) *A treatise of the happie and blessed Unioun // Jacobean Union. Six Tracts of 1604* / Ed. by B.R. Galloway and B.P. Levack. Edinburgh: Scottish Historical Society. P. 75–141.
- Selection of Medals Related to Royal Events. URL: <http://www.medalsoftheworld.com/page15.html>
- Spottiswoode J. (1851) *History of Church of England, beginning year of Our Lord 203, and Continued to End of Reign of King James VI*. Vol. III. Edinburgh: Oliver and Boyd, Tweeddale Court.
- Stuart Royal Proclamations. Vol 1. *Royal Proclamations of King James I, 1603–1625* (1973) / Ed. by James F. Larkin and Paul L. Hughes Oxford : Oxford University Press.
- Travers J. (2003) *James I. Masque of Monarchy*. Richmond: National Archive.
- Willson D.H. (1960) *King James I and Anglo-Scottish Unity // Conflict in Stuart England* / Ed. by W.A. Aiken, B.D. Henning. London: New York University Press. P. 43–55.
- Wedderburn R. (1801) *Complaynt of Scotland: written in 1548* / Ed. by J. Leyden. Edinburgh: *Archibald Constable*.

Unionism in Scotland: from the concept to the first attempt of implementation

Author. Kondratiev S., Doctor of History, Director of Institute of History and Political Science, Tyumen State University. **Address:** Semakova Str., Tyumen, Russia, 625003. **E-mail:** skondratiev@utmn.ru

Abstract. The article considers the development of the unionist ideas in Scotland, and the first attempt to implement the unionist project. The author shows that the idea of the Union, i.e. of unifying Scotland and England, emerged in the first half of the 16th century, despite centuries of bloody military confrontation and long-lasting Anglophobia. At that time, Scottish political and historical writings started mentioning a common destiny, a possible union of the countries enjoying equal rights, or else an island empire. Their authors also pointed out the similarity and affinity between the two nations who should better be referred to as “British”. After 1560, the idea of the Union became even more relevant as the country witnessed the Scottish Reformation, which looked up to England and relied on its financial and military aid. However, the leaders of the Reformation rejected England's claims to the dominance in the possible alliance; the word “empire” disappeared from their rhetoric. They advocated an equal union in the form of “the Protestant British monarchy”. After Elizabeth Tudor died in 1603 and James VI Stuart inherited the English crown, the prospect of the Union became more feasible. The project of the Union was a significant step towards later unification of Scotland and England.

Key words: Scotland, England, Great Britain, idea of Union, unionism, empire, parliament.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22017142154>

УДК 327:001**Игорь МАКСИМЫЧЕВ**

В АВАНГАРДЕ НАУЧНОГО ПОИСКА

Аннотация. В своей статье один из старейших сотрудников Института Европы РАН (работает в нём с 1993 г.) освещает основные аспекты научной деятельности этого влиятельного учреждения отечественной науки за истекшие тридцать лет. Созданный в ходе Перестройки, Институт сумел сохраниться в трудные 1990-е гг., прочно вошёл в число ведущих академических учреждений России. Отношения нашей страны с европейскими странами, с Европейским союзом всегда имели жизненно важное значение и в региональном, и в глобальном масштабе. После того, как российская экономика стала неотъемлемой частью мировой, конфликты участников международного экономического обмена стали наносить ущерб всем сторонам. Одной из главных задач научного коллектива Института остаётся разъяснение зарубежной аудитории принципиальных основ внешней политики России на европейском направлении, минимизация ущерба от недальновидных действий руководства ЕС и Запада в целом.

Ключевые слова: Институт Европы, Европейский союз, европейская политика России, отечественная европеистика.

Распространено мнение, что к тридцати годам наступает расцвет талантов и способностей, отпущенных каждому природой. Отмечающий своё 30-летие Институт Европы РАН подтверждает эту оценку. Все годы своего существования он жил единой жизнью с гражданами своей страны, болел её трудностями и вносил вклад в её успехи. Нарастившая эффективность научной работы, Институт выросл вместе с постсоветской Россией, вместе с нею преодолевал неизбежные для начала пути иллюзии, вырабатывал трезвый взгляд на ситуацию в Европе и мире.

Создание Института Европы в период фундаментальной разбалансировки общественного уклада Советского Союза, казалось бы, противоречило деструктивному духу времени. Стрелка политического барометра вплотную подходила к отметке “буря”, государственная идеология исчерпала свой ресурс. Зыбкими становились некогда общепринятые постулаты.

© **Максимычев Игорь Фёдорович** – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3.

E-mail: igormaxim@mtu-net.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22017155159>

И всё же попытка плыть против течения удалась. Основатели Института оказались правы. Им было суждено создать многогранный коллектив учёных разных поколений, увлечённых общими для всех европейцев проблемами войны и мира, соперничества и сотрудничества в отношениях стран континента. Важность задачи никогда не вызывала сомнений. Даже во времена биполярности обстановка в Европе сохраняла свою решающую значимость для глобального соотношения сил. В исторически короткий период монополярного мира удельный вес европейского театра нестабильности и угроз только возрос. В момент, когда на авансцену выходит полицентричный глобальный миропорядок, чётко обозначился риск, что Европа не сумеет вписаться в него и останется одним из главных очагов международной напряжённости.

Никакие критики нашей страны не в силах отменить реалии существования культурного, исторического, политического единства Старого Света. Никакие попытки переписать историю не вычеркнут Россию из Европы, в состав которой она входит в географическом и цивилизационном контексте. На протяжении многих столетий судьбы населяющих европейский континент народов остаются неразрывно переплетены – как в добром, так и в трагическом смысле.

Взять лишь Новейшее время, которое обрушило на нашу страну две мировые бойни. В годы Великой Отечественной войны Советскому Союзу пришлось противостоять с оружием в руках почти всей континентальной Европе, оказавшейся под пятой нацистской Германии. После войны на континент спустился железный занавес. Сегодня уже “рыцарям” канувшей в Лету холодной войны не терпится организовать против России новый “санитарный кордон”. Россия не может не реагировать на акты недружелюбия. Говорить об истинных причинах международной напряжённости следует во весь голос и мотивированно. Именно этому во многом посвящена деятельность Института Европы.

И всё же в истории Старого света ещё более значимы светлые периоды, когда европейцы жили в условиях мира между собой, в обстановке взаимовыгодного сотрудничества, обмена моральными и материальными ценностями, интеллектуального обогащения друг друга. Как раз такие периоды предопределили тот факт, что вопреки всем прошлым испытаниям Россия и Европа остаются неразделимыми, как составные части сплава легированной стали. Они “фатально” нуждаются друг в друге для обеспечения безопасности, экономического процветания, стабильности на континенте.

Концепция работы Института Европы изначально строилась на аксиоме взаимозависимости всех стран и народов этого региона Планеты. Знать наших соседей и уметь прогнозировать их поведение – отвечало сущностным запросам российской внешней политики. У директора-основателя Института академика РАН В.В. Журкина и его соратников оказались крепкие нервы и творческая хватка, чтобы преодолеть все выпавшие на долю коллектива проблемы периода становления. Можно считать безусловной удачей, что многоплановое создание и консолидация Института завершились к моменту дезинтеграции Советского Союза, когда всё, что имелось в наличии у великой страны, очутилось в положении “бесхозного имущества”. Нынешним сотрудникам Института невероятно повезло, что бок о бок с ними и сегодня трудятся представители этого легендарного поколения созидателей.

Конечно, анализу внутриевропейских отношений уделялось внимание и до учреждения Института. Происходившими на континенте процессами профессионально занимались в Институте США и Канады: стратегическая привязка Западной Европы к Соединённым Штатам оказывала определяющее влияние на глобальный

расклад сил. Высокий уровень изучения европейских проблем отличал учёных Института мировой экономики и международных отношений РАН.

Но к концу 1980-х гг. стало ясно, что заниматься европейской проблематикой разрозненно недостаточно. Последовательно проводимая СССР политика разрядки вела к нарастающему уплотнению ткани межгосударственных связей Восточной и Западной Европы, что ставило на повестку дня углублённую специализацию и дегализацию европейских исследований. Конечно, Институт Европы никогда не претендовал на монополию в европейских исследованиях. Более того, с течением времени он всё чаще выступал в роли инициатора и координатора проектов с участием коллег из других институтов. Главное – это концентрация объединённых усилий талантливых исследователей на европейском направлении. Такая стратегия принесла ожидаемые плоды.

Особого внимания с самого начала заслуживал накопленный Европейскими обществами как положительный, так и отрицательный опыт интеграции. Процесс строительства наднациональных структур в ЕС опережал аналогичное развитие в рамках Совета экономической взаимопомощи (а сегодня Евразийского экономического союза). В своё время КПСС скептически относилась к такой перспективе, опасаясь дополнительного поощрения и без того сильных иждивенческих настроений у партнёров. Но СЭВ нуждался в структурах с чётко определёнными наднациональными функциями.

Однако Советский Союз не был готов отказаться от своего всеобъемлющего “права вето”. Как и во многих других областях, между декларациями о политической солидарности и экономическом сближении, с одной стороны, и сущностными реальностями участников СЭВ, с другой, существовал ощутимый фактический разрыв. Как его преодолевать, ясности ни у кого не было. Тем острее ощущалась необходимость в более детальном знакомстве с ходом и результатами западноевропейских интеграционных процессов. Была также масса других, не менее судьбоносных для нашего государства и союзных с ним стран проблем, ответа на которые предстояло искать Институту Европы.

Разразившийся кризис европейского “реального социализма” выдвинул дополнительные требования к работе Института. После крушения социализма как государственной системы количество неотложных головоломок, связанных с Европой, неизмеримо возросло. Но ещё до кардинальной смены идеологических декораций на континенте начался качественно новый этап послевоенной истории Европы. Присоединение ГДР к ФРГ в октябре 1990 года открыло фазу демонтажа миропорядка, установленного решениями конференций держав-победительниц в Крыму и Потсдаме (1945), а также приговором Нюрнбергского трибунала народов (1946). Заключительный Акт Хельсинки (1975) в какой-то степени модифицировал этот миропорядок, но его основы сохранились благодаря тому, что на страже европейской стабильности стоял Советский Союз. Ослабление его позиций к началу 1990-х годов привело к тому, что биполярный мир стал уходить в прошлое, уступая место господству неолиберального миропорядка во главе с США.

Москва не сумела (или не захотела) противостоять новому переделу мира. Западные обещания в ответ на её робкие попытки смягчить условия стремительного отступления не выходили за рамки пустых фраз. Согласие на ликвидацию ГДР Советский Союз толком не обставил условием, что Запад гарантирует сохранение границ в Европе и неподвижение НАТО на Восток. Заверения Запада остались устными и позже были им дисквалифицированы как “необязательные”. Неприкосновенность европейских границ была закреплена в договорах, подписанных СССР

с западными державами в ходе “урегулирования германского вопроса”. Однако и границам была уготована безнадёжная судьба гарантий, касавшихся Североатлантического альянса.

Стартовавшее вскоре после присоединения ГДР вмешательство ФРГ, а затем и ЕС во внутриюгославский конфликт, сопровождалось пересмотром старых и появлением множества новых границ на континенте. Начавшемуся тогда дроблению европейских государств до сих пор не видно конца. Без западного “содействия” не обошлась и дезинтеграция самого Советского Союза. Что касается НАТО, то альянс стоит сегодня непосредственно на российских границах, вынашивает планы дальнейшей экспансии и не стесняется бить “тревогу” по поводу манёвров российской армии на собственной территории.

Осмысление сдвигов глобального масштаба и разработка способов ответа на вызовы времени стали первоочередной задачей российской науки, в частности европейистики. Отсутствие адекватной реакции со стороны Советского Союза на нарушение его жизненных интересов в Европе и мире было воспринято на Западе как признание поражения. Сдавшийся на волю “победителей” СССР был обречён на исчезновение. Миру предстояло состояние *Pax Americana*. По определению одного из американских политологов, наступал “конец истории”, равнозначный возникновению одномерного мира, управляемого США.

Представлявшийся поначалу беспроектным неолиберальный проект дал сбой. То, что Россия не только устояла после геополитической катастрофы, но и вернула себе глобальное значение, стало весьма неприятным сюрпризом для Запада. Феномен возрождения России был бы невозможен без восстановления самоуважения русских, без освобождения большинства населения страны от химер и миражей периода дезинтеграции Советского Союза.

Отечественная политическая мысль внесла свой вклад в этот мучительный и долгий, длившийся более десятилетия процесс (по ряду признаков он не завершился окончательно и сегодня). Важную роль сыграла и российская европейстика. Преодоление разочарований и освобождение от несбывшихся надежд оказалось далеко не простым делом. В начале 1990-х уставшие от семидесятилетнего противостояния с половиной мира люди наивно полагали, что отречение от коммунистической догмы и непротивление развалу страны гарантируют им долгожданный покой по принципу: мы живём со всеми в мире, послушно следуем указаниям мудрых западных учителей. До сих пор на российских просторах можно услышать мантру: у нас нет врагов, нас окружают друзья, и их единственной заботой является наше благо.

Прозрение учёных облегчило прозрение общества. Постепенно большинство людей стали понимать, что ожидание чуда осуществилось лишь наполовину – рушить экономику и резать танки, ракеты и подлодки на металлолом оказалось недостаточно для обретения счастья. “Мудрые учителя” заботились лишь о себе, были полны решимости воспользоваться не только идеологическими и политическими, но и материальными плодами своего мнимого триумфа в холодной войне.

Мы можем гордиться тем, что сотрудники Института Европы были среди тех, кто возродил трезвый взгляд на окружающий мир. Опыт Института Европы соответствует правилу, что для полного успеха научных исследований существенно важно не замыкаться в себе, а как можно оперативнее доносить результаты своей работы до широкой общественности. Имя нашего первого директора В.В. Журкина неразрывно связано с традицией издания Докладов Института, подготовленных его сотрудниками, а также в сотрудничестве с коллегами из других учреждений РАН.

Выпуск Докладов, пользующихся заслуженным уважением российского и зарубежного научного сообщества, начался по существу с момента основания Института. В начале текущего юбилейного года их число вплотную приблизилось к 350. А это означает, что доклады выходят в свет практически ежемесячно.

Инициатором создания в январе 2000 г. журнала “Современная Европа” стал второй директор Института академик Н.П. Шмелёв. Журнал быстро приобрёл значение флагамена российской европеистики. Востребованность публикуемых им материалов убедительно иллюстрирует тот факт, что многие годы издававшийся четыре раза в год, затем, в 2015 г., он прирос ещё двумя ежегодными номерами.

Нынешний шеф-редактор журнала, третий директор Института Европы член-корр. РАН Ал.А. Громыко продолжает и развивает традиции своих предшественников. Особое внимание он обращает на расширение форм содержания и подачи материала, донесения его до российского и зарубежного читателя. Продолжается практика выпуска фундаментальных коллективных работ, включая серию “Старый свет – новые времена”. Утвердилась и новая практика выпуска аналитических записок.

Антироссийские санкции, введённые Европейским союзом в 2014 г., серьёзно осложнили отношения России с входящими в него странами. Украинский кризис послужил не причиной, а поводом для них. В западных действиях отчётливо просматривается стратегия ослабления России с целью сохранить моноцентрический мировой порядок.

Впереди коллективу Института Европы предстоит нелёгкий труд, сочетающий фундаментальные, прикладные, экспертные исследования. Опираясь на тридцатилетний опыт успешной работы, можно с достаточной степенью уверенности прогнозировать, что поставленные задачи будут выполнены.

Остаётся пожелать нашему Институту отпраздновать ещё не один свой юбилей. Тридцать лет – это возраст молодости. Впереди – возраст зрелости!

IN THE VANGUARD OF SCIENTIFIC RESEARCH

Author. Maksimychiev I., Doctor of Political Sciences, Chief Researcher of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** igormaxim@mtu-net.ru

Abstract. The article by one of the most experienced researchers at the Institute of Europe (since 1993) highlights the main aspects of academic activity of this influential institution over the past thirty years. The Institute, created at the outset of perestroika, successfully overcame the difficulties in the 1990s and has become one of the leading scientific centers in Russia. Russia's relations with European countries, as well as with the European Union have always been of vital importance, both regionally and globally. Now, when the Russian economy has become an integral part of the global one, any significant confrontation among the participants in international markets damages them all. One of the main tasks of the the Institute is to explain the principal foundations of Russia's foreign policy in the European region to the foreign audience, as well as to minimize the damage of short-sighted actions of the European Union and the West.

Key words: Institute of Europe, European Union, European policy of Russia, European studies.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22017155159>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал “Современная Европа” статьи следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также в соответствии с правилами международных баз данных цитирования периодических и неперидических изданий (Scopus, Web of Science etc.):

- объем рукописи не должен превышать 1 а.л. (35 тыс. знаков, включая пробелы, 25 тыс. знаков для соискателей и аспирантов), для разделов “Рецензии”, “Научная жизнь” – не более 3 страниц (около 10 тысяч знаков). Объем аннотации должен быть не менее 150 слов.

- статьи должны быть напечатаны через 1,5 интервала (кегль 14) в электронном виде и присланы по электронной почте: sov_europe@mail.ru.

- все источники следует снабдить библиографическими ссылками и **пристатейным списком литературы в русском варианте (Список литературы) и английском (References)**. Ссылки оформляются по системе Harvard. Список литературы и References составляется без нумерации и в алфавитном порядке (не более 20 наименований).

- Каждой статье в журнале присваивается DOI. Просьба также указывать DOI публикаций в списках литературы.

- Необходимо указать код статьи по УДК (автор самостоятельно определяет код статьи, см.: <http://teacode.com/online/udc/> или <http://www.udcc.org/udccsummary/php/index.php>).

- Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.

- Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берёт на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

- Статья принимается к публикации на основании порядка **рецензирования и правил редакционной этики**, принятых в журнале “Современная Европа”, которые отражены на сайте журнала www.sov-europe.ru.

Пример оформления статьи для журнала:

ФИО автора, должность, место работы (в именительном падеже), эл. почта. Адрес места работы.

Код статьи по УДК.

Название статьи.

Текст статьи (в тексте статьи при ссылке на источник необходимо указывать в квадратных скобках фамилию автора, год издания и страницу).

Список литературы (в русском варианте, должны быть все ссылки, в том числе на англоязычные издания).

References (с англоязычными ссылками и русскоязычными в транслитерации, оформленными в соответствии с Harvard style).

ФИО автора, должность, место работы (на английском языке), эл. почта, адрес места работы (на английском языке).

Название статьи на английском языке.

Аннотация (на русском и английском языках, 200-300 слов).

Ключевые слова (на русском и английском языках, 5-10 слов).

Более подробно с содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте <http://www.sov-europe.ru>.

English version: <http://www.sov-europe.ru/english/index.htm>

С полной версией журнала в открытом бесплатном доступе также можно ознакомиться в каталоге “Научной электронной библиотеки”: <http://www.eLibrary.ru>

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope>

Редакция не имеет возможности вести переписку с читателями, рецензировать и возвращать не заказанные материалы.

Адрес редакции: Россия, 125009 Москва, Моховая ул., 11-3.

Тел: /495/ 692-27-20. Факс: /495/ 629-92-96.

E-mail: sov_europe@mail.ru, ieras@mail.ru

Internet: <http://www.sov-europe.ru>

**Индекс журнала “Современная Европа”
в каталоге “Роспечать” — 79701 и
в объединённом каталоге “Пресса России” — 14492**

Подписано в печать 19.04.17 г.

Формат 70х100/16. Бумага офсетная № 73.

Печать офсетная. Объем 10 п.л. Тираж 500 экз. Заказ 73.

Типография ООО Издательско-полиграфический центр “Маска”.